

Том 12. №2
2015

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

ISSN 1813-8918

Учредитель

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Главный редактор

В.А. Петровский (НИУ ВШЭ)

Редакционная коллегия

Дж. Берри (Университет Куинс, Канада)

Г.М. Бреслав (Балтийский университет психологии и менеджмента, Латвия)

Е.Л. Григоренко (МГУ им. М.В. Ломоносова и Центр ребенка Йельского университета, США)

В.А. Ключарев (НИУ ВШЭ)

Д.А. Леонтьев (НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова)

М. Лич (Рочестерский университет, США)

Д.В. Люсин (НИУ ВШЭ и ИП РАН)

Е.Н. Осин (НИУ ВШЭ)

А.Н. Поддьяков (НИУ ВШЭ)

Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.) (ИП РАН)

А.В. Хархурин (Американский университет Шарджи, ОАЭ)

В.Д. Шадриков (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)

С.Р. Яголковский (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)

Экспертный совет

К.А. Абульханова-Славская (НИУ ВШЭ и ИП РАН)

Н.А. Алмаев (ИП РАН)

В.А. Барабанщиков (ИП РАН и МГППУ)

Т.Ю. Базаров (НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова)

А.К. Болотова (НИУ ВШЭ)

А.Н. Гусев (МГУ им. М.В. Ломоносова)

А.Л. Журавлев (ИП РАН)

А.В. Карпов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)

Е.А. Климов (МГУ им. М.В. Ломоносова)

А. Лэнгле (НИУ ВШЭ)

А.Б. Орлов (НИУ ВШЭ)

В.Ф. Петренко (МГУ им. М.В. Ломоносова)

В.М. Розин (ИФ РАН)

И.Н. Семенов (НИУ ВШЭ)

Е.А. Сергиенко (ИП РАН)

Е.Б. Старовойтенко (НИУ ВШЭ)

Т.Н. Ушакова (ИП РАН)

А.М. Черноризов (МГУ им. М.В. Ломоносова)

А.Г. Шмелев (МГУ им. М.В. Ломоносова)

П. Шмидт (НИУ ВШЭ и Гиссенский университет, Германия)

«Психология. Журнал Высшей школы экономики» издается с 2004 г. Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и поддерживается факультетом психологии НИУ ВШЭ.

Миссия журнала – это

- повышение статуса психологии как фундаментальной и практико-ориентированной науки;
- формирование новых предметов и программ развития психологии как междисциплинарной сферы исследований;
- интеграция основных достижений российской и мировой психологической мысли;
- формирование новых дискурсов и направлений исследований;
- предоставление площадки для обмена идеями, результатами исследований, а также дискуссий по основным проблемам современной психологии.

В журнале публикуются научные статьи по следующим основным темам:

- достижения и стратегии развития когнитивной, социальной и организационной психологии, психологии личности, персонологии, нейронаук;
- методология, история и теория психологии;
- методы и методики исследования в психологии;
- междисциплинарные исследования;
- дискуссии по актуальным проблемам фундаментальных и прикладных исследований в области психологии и смежных наук.

Целевая аудитория журнала включает профессиональных психологов, работников образования, представителей органов государственного управления, бизнеса, экспертных сообществ, студентов, а также всех тех, кто интересуется проблемами и достижениями психологической науки.

Журнал выходит 1 раз в квартал и распространяется в России и за рубежом.

Выпускающий редактор *Ю.В. Брисева*

Редакторы *О.В. Шапошникова*, *О.В. Петровская*

Корректурa *Н.С. Самбу*

Переводы на английский *А.С. Науменко*,

К.А. Чистопольская

Компьютерная верстка *Е.А. Валуевой*

Адрес редакции:

109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, д. 46Б

E-mail: psychology.hse@gmail.com

Сайт: <http://psy-journal.hse.ru/>

Перепечатка материалов только по согласованию с редакцией.

© НИУ ВШЭ, 2015 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Специальная тема выпуска: Контрвью

- В.А. Петровский.** Вступительное слово5
А.Б. Орлов, Н.А. Орлова. Наука человека: Человекоцентрированный
подход к общей персонологии (или История о чрезвычайном
происшествии в благородном семействе наук)7
В.А. Петровский, Е.Б. Старовойтенко. Персонология «правильная»
и «неправильная»: ответ диспутантам30

Статьи

- М.В. Алфимова, Т.В. Лежейко, Г.И. Коровайцева, В.Е. Голимбет.**
Психологические и молекулярно-генетические механизмы снижения
макиавеллизма при шизофрении70
В.П. Серкин. Деятельностная теория сознания (сознание как атрибут
системы деятельностей субъекта)93
О.А. Гулевич, И.Р. Сариева, И.С. Прусова. Этнические предрассудки
в России: Методика для измерения предрассудков в отношении
к мигрантам (*на английском языке*)112
И.М. Шмелев. За пределами «драматического треугольника»:
Овладевающее Я (*на английском языке*)133

Короткие сообщения

- Ю.Е. Кравченко, О.В. Балужева.** Соотношение субъективного
переживания, понимания эмоций и телесных ощущений в реакции на
веселый мультфильм150
Т.А. Сысоева, В.В. Овсянникова. Скорость переработки эмоциональной
информации как коррелят эмоционального интеллекта160

Обзоры и рецензии

- С.Ю. Коровкин.** Фасилитация решения творческих задач: Юмор172

Vol. 12. No 2
2015

PSYCHOLOGY

Journal of the Higher School of Economics

Publisher

National Research University
Higher School of Economics

ISSN 1813-8918

Editor-in-Chief

Vadim Petrovsky, HSE, Russian Federation

Editorial board

John Berry, Queen's University, Canada

Gershons Breslavs, Baltic Psychology and Management University College, Latvia

Elena Grigorenko, Lomonosov MSU, Russian Federation, and Yale Child Study Center, USA

Vasily Klucharev, HSE, Russian Federation

Anatoliy Kharkhurin, American University of Sharjah, UAE

Dmitry Leontiev, HSE and Lomonosov MSU, Russian Federation

Martin Lynch, University of Rochester, USA

Dmitry Lyusin, HSE and Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Evgeny Osin, HSE, Russian Federation

Alexander Poddiakov, HSE, Russian Federation

Vladimir Shadrikov, Deputy Editor-in-Chief, HSE, Russian Federation

Dmitry Ushakov, Deputy Editor-in-Chief, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Sergey Yagolkovskiy, Deputy Editor-in-Chief, HSE, Russian Federation

Editorial council

Ksenia Abul khanova-Slavskaja, HSE and Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Nikolai Almaev, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Vladimir Barabanshikov, Institute of Psychology of RAS and Moscow University of Psychology and Education, Russian Federation

Takhir Bazarov, HSE and Lomonosov MSU, Russian Federation

Alla Bolotova, HSE, Russian Federation

Alexander Chemorisor, Lomonosov MSU, Russian Federation

Alexey Gusev, Lomonosov MSU, Russian Federation

Anatoly Karpov, Demidov Yaroslavl State University, Russian Federation

Evgeny Klimov, Lomonosov MSU, Russian Federation

Alfried Längle, HSE, Russian Federation

Alexander Orlov, HSE, Russian Federation

Victor Petrenko, Lomonosov MSU, Russian Federation

Vadim Rozin, Institute of Philosophy of RAS, Russian Federation

Igor Semenov, HSE, Russian Federation

Elena Sergienko, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Alexander Shmelev, Lomonosov MSU, Russian Federation

Peter Schmidt, HSE, Russian Federation, and Giessen University, Germany

Elena Starovoytenko, HSE, Russian Federation

Tatiana Ushakova, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Anatoly Zhuravlev, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

«Psychology. Journal of the Higher School of Economics» was established by the National Research University «Higher School of Economics» (HSE) in 2004 and is administered by the Faculty of Psychology of HSE.

Our mission is to promote psychology both as a fundamental and applied science within and outside Russia. We provide a platform for development of new research topics and agenda for psychological science, integrating Russian and international achievements in the field, and opening a space for psychological discussions of current issues that concern individuals and society as a whole.

Principal themes of the journal include:

- methodology, history, and theory of psychology
- new tools for psychological assessment;
- interdisciplinary studies connecting psychology with economics, sociology, cultural anthropology, and other sciences;
- new achievements and trends in various fields of psychology;
- models and methods for practice in organizations and individual work;
- bridging the gap between science and practice, psychological problems associated with innovations;
- discussions on pressing issues in fundamental and applied research within psychology and related sciences.

Primary audience of the journal includes researchers and practitioners specializing in psychology, sociology, cultural studies, education, neuroscience, and management, as well as teachers and students of higher education institutions. The journal publishes 4 issues per year. It is distributed around Russia and worldwide.

Managing editor *Yu.V. Briseva*

Copy editing *O.V. Shaposhnikova, O.V. Petrovskaya,*

N.S. Sambu

Translation into English *A.S. Naumenko,*

K.A. Chistopolskaya

Page settings *E.A. Valueva*

Editorial office's address:

Volgogradsky pr., 46B, 109316, Moscow, Russia.

E-mail: psychology.hse@gmail.com

Website: <http://psy-journal.hse.ru/>

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

© HSE, 2015 r.

CONTENTS

Special Theme of the Issue. Contraview

- V.A. Petrovsky.** Editorial (*in Russian*)5
A.B. Orlov, N.A. Orlova. Science of a Person: Person-Centered Approach to General Personology (or The Story of the Accident in the Noble Family of Sciences) (*in Russian*)7
V.A. Petrovsky, E.B. Starovoitenko. The “Right” and the “Wrong” Personology: The Answer to the Disputants (*in Russian*)30

Articles

- M.V. Alfimova, T.V. Lezheiko, G.I. Korovaitseva, V.E. Golimbet.** Psychological and Molecular-Genetic Mechanism of Machiavellianism Reduction in Schizophrenia (*in Russian*)70
V.P. Serkin. Activity Theory of Consciousness (Consciousness as an Attribute of System Operations Subject) (*in Russian*)93
O.A. Gulevich, I.R. Sarieva, I.S. Prusova. Ethnic Prejudices in Russia: Questionnaire Adaptation for the Measurement of Prejudices towards Migrants112
I.M. Shmelev. Beyond the Drama Triangle: The Overcoming Self133

Work in progress

- Yu.E. Kravchenko, O.V. Balueva.** Correlation of Subjective Feeling, Understanding of Emotions and Bodily Sensations in Reaction to a Funny Cartoon (*in Russian*)150
T.A. Sysoeva, V.V. Ovsyannikova. Speed of Emotional Information Processing as Correlate of Emotional Intelligence (*in Russian*)160

Reviews

- S.Yu. Korovkin.** Facilitation of Creative Problem Solving: Humor (*in Russian*)172

Специальная тема выпуска: Контрвью

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Предлагаем вниманию читателей спецтему: «Контрвью». Здесь будут публиковаться полемические статьи, эссе, заметки, в которых авторы могут выражать свои взгляды, касающиеся коренных проблем психологии, перспектив ее развития в поле культуры и общественной жизни. Материалы дискуссий размещались в журнале и прежде. Но сегодня такие публикации представляются нам особенно актуальными: в наши дни все чаще в пользу «одной-единственной» идеологии (будь то гуманизм, прагматизм или позитивизм) приносится в жертву многообразие, присущее психологии как науке во все времена; столь важная для развития полемика незаметно уходит со страниц журналов (похоже, что политические разногласия затрагивают нас гораздо сильнее, чем все прочее, включая науку). Вот почему мы считаем уместным поднять статус дискуссий и споров (даже если они могут иметь нелицеприятный характер).

С чего начать? Может быть, «вызвать огонь на себя», начав с публикации материалов, оспаривающих одно из направлений, ранее поддержанных журналом?

Итак, в редакционном портфеле – статья, написанная А.Б. Орловым и Н.А. Орловой. Она посвящена критике ранее опубликованной в журнале статьи В.А. Петровского и Е.Б. Старовойтенко «Наука личности: четыре проекта общей персонологии» (2012). Беспрецедентная по своей оценочности, статья А.Б. Орлова и Н.А. Орловой вызвала интерес у сотрудников редакции, в частности, как повод поддержать сложившуюся в прошлые годы дискуссию по методологическим проблемам психологии. Критика касается возможности построения общей персонологии как особого раздела психологии личности, сочетающего в себе академические, культурно-исторические и практико-ориентированные разработки.

Напомним читателям, что одна из рубрик журнала и специальная тема выпуска раскрывали суть и конкретные исследования в этой области. Где, как не здесь, на страницах журнала, защищающего важность идеи персонологии как особой методологии единения теории, герменевтики и консультативной работы, публиковать материалы, предлагающие альтернативный взгляд? Тем более что общая персонология по замыслу тех,

кто ее развивает, содержит в себе вызов к дискуссии, предоставляя исследователям пространство соотнесения своих ценностей и позиций.

По предложению главного редактора публикуем полемическую статью двух авторов и ответ на нее без какой-либо содержательной правки и

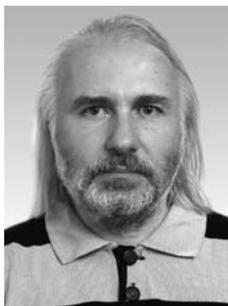
сокращений — как говорится, «без купюр». Ведь одним из объектов критики является сам главный редактор — «по совместительству» соавтор критикуемых разработок.

В.А. Петровский

НАУКА ЧЕЛОВЕКА: ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ОБЩЕЙ ПЕРСОНОЛОГИИ

*(или История о чрезвычайном происшествии
в благородном семействе наук)*

А.Б. ОРЛОВ, Н.А. ОРЛОВА

Орлов Александр Борисович — профессор кафедры психологии личности департамента психологии НИУ ВШЭ, доктор психологических наук, руководитель магистерской программы «Исследование, консультирование и психотерапия личности».

Контакты: aorlov@hse.ru

Орлова Наталия Александровна — старший преподаватель кафедры культурологии факультета гуманитарных наук МФТИ, старший научный сотрудник Института психолого-педагогических проблем детства РАО, кандидат философских наук.

Контакты: n.orlova@newmail.ru

Резюме

В статье дискутируется «персонологический проект» развития психологии, предложенный Вадимом Артуровичем Петровским и Еленой Борисовной Старовойтенко. Выявляются и эксплицируются внутренние противоречия и недостатки данного проекта, главными из которых оказываются «бессистемность», хаотичность и синкретичность концептуального аппарата и «бесчеловечность», редукция человека до личности, а личности до персоны. Авторы статьи полагают, что персонология невозможна как интеграция разных парадигм, но она возможна как интеграция разных понятий в рамках какой-то одной парадигмы, существующей в современной психологии личности (например, персонология реально существует в рамках и экзистенциального, и человекоцентрированного подходов). Персонология невозможна также как интеграция разных культур, но она возможна как интеграция понятий внутри одной культуры. Иначе говоря, общая персонология как

изначальный глобальный проект невозможен; возникновение общей персонологии возможно из персонологии частной, и эта естественная амбиция прослеживается в каждой частной теории личности, начиная с психоаналитической. Более того, лишь при построении частной персонологии (внутри одной научной парадигмы и одной культуры) возможна действительная (а не только на словах), творческая интеграция понятий. Поставив перед собой задачу построения общей персонологии до построения частной персонологии, Вадим Артурович Петровский и Елена Борисовна Старовойтенко неизбежно стали заложниками перечней разнородных, противоречивых понятий и странных, безосновательных классификаций. Ни понятие «персона», ни понятие «перзон» (по Лэнгле), ни понятие «личность», ни даже понятие «субъект» неадекватны в силу узости своего объема амбициозным замыслам авторов «персонологического проекта». Существует лишь одно понятие, соразмерное данному проекту, и это понятие — «человек» (как человеческое существо). Перспективы развития общей персонологии видятся в реализации холистической человекоцентрированной парадигмы применительно к фундаментальной, консультативной и культурной психологии личности. Данная область психологии и психопрактики позиционируется в статье как «наука человека — о человеке — для человека — во имя человека».

Ключевые слова: персонология, общая персонология, частная персонология, личность, персона, субъект, человек, психотерапия, человекоцентрированный подход.

Человеческому разуму нужны не столько крылья, сколько гири.
Фрэнсис Бэкон

Платон мне друг, Сократ мне друг, но истину следует предпочесть.
Мартин Лютер

Прогресс, в нашем понимании психотерапии, будет обеспечиваться признанием принципиальных различий в существующих терапевтических подходах, а не стремлением к гармонии идей, для которой на самом деле нет никакого основания.
Карл Роджерс

Пролог исторический

Авторы статьи «Наука личности: четыре проекта общей персонологии» (Петровский, Старовойтенко, 2012), как они указывают в примечании, независимым образом пришли к

созданию новой науки — общей персонологии¹. За последние годы ничего столь масштабного российская психологическая почва не породила. Персонологический проект можно сопоставить только с науковедческими построениями Б.М. Кедрова

¹ Однако, на наш взгляд, ее следует называть «интегральной персонологией», поскольку идея интегральности является центральной идеей этой концепции, и сами авторы говорят о ней как об «интегральной науке».

(1985), объединившего в единой схеме гуманитарные, социальные и естественные науки и поместившего психологию в центр треугольника, или на вершину пирамиды наук. Таким образом, «персонологический треугольник» является своего рода реинкарнацией идеи великой интеграции наук и поиском их общего основания.

Другие статьи авторов (Петровский, 2003; Старовойтенко, 2010, 2012а, 2012б), посвященные «новой персонологии», могут быть рассмотрены как подготовительные, поскольку они включают в себя те же идеи, а иногда к тому же либо почти полностью дублируют друг друга, либо практически целиком входят в указанную статью (Петровский, Старовойтенко, 2012). Поэтому мы будем в качестве основного источника и наиболее полного изложения концепции общей персонологии ссылаться преимущественно на данную публикацию.

В ней ставится глобальная задача — синтез академической, практической и «понимающей» психологий (последняя из которых в терминологии авторов является «культурологической персонологией») в интегральную науку — «общую персонологию». Указывая Г. Мюррея как

автора термина «общая персонология»², авторы статьи видят в ней «общую науку» Л.С. Выготского, объединение «трех психологий», иллюстрируемое «треугольником». Его вершины образуют «Теория» (фундаментальная психология личности), «Герменевтика» (культурная психология личности) и «Практика» (практическая психология личности). Центр «треугольника» — четыре ипостаси персонологии: фундаментальная персонология (с опорой на «Теорию»); консультативная персонология (с опорой на «Практику»); культурная персонология (с опорой на «Герменевтику») и объединяющая все эти три персонологии общая персонология (Там же).

Нельзя не отдать должное интеграционной мысли В.А. Петровского, создавшего логическую конструкцию новой науки. Однако, восхитившись ее «скелетом», имеет смысл перейти к более конкретному рассмотрению «тела» и посмотреть, насколько жизнеспособен этот юный кадавр.

Пролог драматический

Однажды в семействе высокородных наук появилась юная особа, облаченная в лоскутный наряд, шитый

² В действительности автором этого термина является не Г. Мюррей (который лишь заимствовал его), а южноафриканский общественный деятель, военачальник и философ Ян Христиан Смэтс (Smuts, 1926), создатель философии холизма (или философии целостности). Именно Я. Смэтс — автор терминов «холизм» и «персонология». Для Я. Смэтса персонология — это результат развития, преобразования психологии личности на основе принципов философии целостности. Примечательно, что современный исследователь творчества Я. Смэтса Э. Тробриндж отмечает сходство его психологических построений вовсе не с концепцией Г. Мюррея (о котором он совсем не упоминает), а с теориями К. Юнга, Р. Ассаджиоли и... К. Роджерса (Trowbridge, 2011, p. 14).

белыми нитками. Она обладала странно расфокусированным взглядом, двигавшимся одновременно в разных направлениях: «от», «на», «в», «из», «с», «между», «за» и «над» присутствовавшими³. И в этом рассеянном по всем временам и пространствам, беспокойно рыскающем и даже алчным взгляде отчетливо читалось нечто одновременно угрожающее и нездоровое: «Я всех вас интегрирую и трансцендирую в Бога, дух, мир и саму себя»⁴.

Все ошарашенно замолкли и приуныли. Только бесстрашная Логика выступила вперед, навела на вновь прибывшую свою лорнетку и строго спросила: «Вы кто такая?»

«Я — ваша основа и вершина, альфа и омега, — гордо ответила та. — Я — парадигма парадигм и наука наук. Поклонитесь мне».

«Нет-нет, — усмехнулась непреклонная Логика. — Давайте-ка для начала заглянем в ваше нутро и разберемся с вашими понятиями и умо-заклечениями».

Тут все выдохнули, оживились и начали разбор вновь прибывшей. Первой взяла слово почтенная Методология.

Методологическое противоречие: категория и парадигма

Начнем с персонологического треугольника. Вершина «Теория» вбирает все множество теорий личности. Как указывают авторы статьи,

факт подобной интеграции не принадлежит ни одной из теорий, но является фактом «общей персонологии» как некоторой метапсихологии. Вершина «Практика» вбирает разнообразие психопрактик, осуществляя их «метаанализ». Вершина «Герменевтика» вбирает все культурно-антропологические построения, связанные с личностью. Видимо, с некоторым сожалением авторы статьи отмечают, что хотя эти вершины и соединены, но соединены «штрихпунктирно» и все еще существует «слишком много различий». Нам это легкое сожаление кажется слишком оптимистичным, поскольку авторы статьи вообще весьма «штрихпунктирно» подошли к проблеме различий, которые являются вовсе не досадным атавизмом прошлого, а неотъемлемым «модусом вивенди» самого интегрируемого ими материала.

Дело в том, что, поставив целью интеграцию, авторы постоянно обращаются к понятию «парадигма». Например: «Одной из приоритетных задач персонологии можно считать развитие *интегральных парадигм* (курсив наш. — А.О., Н.О.), которые способны связать воедино множество “рассеянных” исследовательских данных и частных моделей личности. К этим парадигмам можно отнести ряд глобальных измерений в познании личности, например, духовное, культурное, жизненное, телесное» (Старовойтенко, 2010, с. 4). В другой публикации читаем:

³ «Персонология обладает уникальным взглядом, движущимся в направлениях “от”, “на”, “в”, “из”, “с”, “между”, “за”, “над” личностью» (Старовойтенко, 2012а, с. 63).

⁴ Персонология есть обретение человеком истины «в Боге, в духе, в мире и самом себе» (Там же, с. 61).

«Одним из возможных способов интеграции знания о личности является применение “парадигм синтеза” в пространстве персонологии. К таким парадигмам можно отнести категории “культура”, “жизнь”, “Я”, “Другие”, “индивидуальность»» (Старовойтенко, 2012а, с. 60).

В Википедии можно прочесть: «Парадигма (от *греч.* *παράδειγμα*, “пример, модель, образец”) — совокупность фундаментальных научных установок, представлений и терминов, принимаемая и разделяемая научным сообществом и объединяющая большинство его членов. Обеспечивает преемственность развития науки и научного творчества», в методологии под парадигмой понимается «совокупность ценностей, методов, подходов, технических навыков и средств, принятых в научном сообществе в рамках устоявшейся научной традиции в определенный период времени», а в философии науки парадигма «означает совокупность явных и неявных (и часто не осознаваемых) предпосылок, определяющих научные исследования и признанных на данном этапе развития науки». Парадигма — это всегда *совокупность*, а не единственное понятие. Конечно, парадигма может называться одним словом (кантианство, марксизм, коммунизм), но сама парадигма — это не название парадигмы. В силу этого «культура», «жизнь», «мир», «Я», «другие», «индивидуальность» и т.п. не являются парадигмами. Они являются понятиями и даже могут быть категориями — предельно общими понятиями. Смешение понятий «парадигма» и «категория» можно было бы посчитать логиче-

ской ошибкой или даже просто небрежным словоупотреблением, если бы из него не вытекало принципиальное методологическое противоречие.

Оно возникает тогда, когда речь заходит об интеграции и читатель подводится к неявному выводу, что перечисление понятий через запятую делает возможным некий синтез. Однако даже отдельные категории создают огромную проблему для «синтеза» (например, такие категории философии, как «бытие» и «природа», «материя» и «идея», или такие категории культурологии, как «культура» и «цивилизация»). Задача интеграции усложняется еще и тем, что, помимо общих словарных значений этих слов, каждая авторская теория вводит в эти понятия свои, только ей присущие определения. Так, *слово* «символ» имеет ряд общепринятых словарных значений. Когда же мы начинаем рассматривать «символ» как *понятие*, то сталкиваемся с полифонией подчас противоположных определений (Орлова, 2000, 2014).

Если отдельные категории метафорически можно сравнить с «блюдами», расставленными на «столе», то в этом случае трудно сочетаемые компоненты с риском для желудка все же можно отведать вместе. Но «парадигма» — это система понятий, поэтому ее следует сравнить с типом сервировки стола, а не с отдельным блюдом. Перечисленные через запятую понятия, к чему столь часто прибегают наши авторы, можно сравнить со шведским столом, где блюда существуют отдельно и можно, попробовав от каждого, «синтезировать» их в своем желудке. Но даже в этом случае бумажное поглощение всего

поставленного на стол чревато последствиями для пищеварительной системы, ведь важно не просто поглотить, а переварить и усвоить. Что же говорить о попытке объединить «шведский стол» с «русским застольем»? Понимание парадигмы как системы понятий при задаче интеграции — принципиальная вещь. Связи между понятиями в парадигме не являются случайными. Они создают логическую непротиворечивость системы, позволяя ей самоопределяться среди других систем. Например, кантианство как парадигма в философии не является категорией, даже столь специфической, как «трансцендентальный субъект», а гегельянство не является одной категорией «абсолютная идея». Эти крупные понятийные системы можно назвать «философскими парадигмами», но задача их «синтеза» представляется нам весьма амбициозной. Даже синтез близких по истокам и предмету исследования учений З. Фрейда и К.Г. Юнга (постоянно упоминаемых в тексте статей через запятую, но имевших явные концептуальные противоречия при жизни), которые тоже можно назвать «психотерапевтическими парадигмами», нам представляется весьма непростой задачей. Если же задача интеграции отдельных направлений в культуре столь сложна, то что же говорить об интеграции самих культур?

Тут Методологию продолжила эрудированная Культурология.

Культурологическое противоречие: культура и культуры

Страстное желание объединить необъединяемое может быть по-че-

ловчески понятно, поскольку человеку сложно выдерживать линии напряжения, вызванные различиями. Но ученый не может позволить себе такой по-человечески понятной слабости. В одной из статей мы читаем: «...культура — это обширный мир, условия, средства, творческий уровень, критерий высшей продуктивности индивидуальной жизни» (Старовойтенко, 2012а, с. 65). Для автора культура — это некий единый феномен, единый «обширный мир». Естественно, в этом случае проблема интеграции становится очень простой, по большому счету ее просто нет. К сожалению, исследование реальных культур свидетельствует о том, что культура — это различия. Поэтому, хотя и есть одно понятие «культура», нет одной культуры как таковой, а есть разные культуры. Там, где различия стираются, культуры умирают. Самый популярный и доступный пример — различие языков, являющихся базовым аспектом культур. Борьба за язык, за его чистоту и воспроизводимость в новых поколениях — только самый явный и самый близкий нам пример того, что не всегда синтез — это то, к чему нужно стремиться. То же мы увидим в любой культурной сфере, начиная от быта и кончая вероисповеданием, в котором ортодоксия, правильная вера, важнее синтеза религиозных представлений.

Нет ничего удивительного, что крупные культурологи рассматривали не одну единую культуру, а множество разных культур, например, упоминаемый авторами публикации О. Шпенглер и не упоминаемые А. Тойнби и Н.Я. Данилевский. Множественность культур делает пробле-

матичным само существование «культурного опыта» как единого феномена. В таком случае следовало бы говорить об интеграции «культурных опытов» как очевидной реальности.

Но ситуация еще хуже. В одной из статей персонологического пула можно прочесть: «В основу развития данного направления (имеется в виду культурологическая персонология. — А.О., Н.О.) положен метод персонологической интеграции культурного опыта, включая реконструкцию европейского культурогенеза познания личности и исследование жизни личности в культурном контексте» (Старовойтенко, 2012б, с. 207). Но если, в конце концов, речь идет о построении «общей персонологии», то почему нужно брать только «европейский культурогенез»? Куда исчезли как минимум крупнейшие индийская и китайская культуры, в которых тоже был «культурогенез» и познание человека и в недрах которых родились столь крупные «парадигмы», как буддизм, джайнизм, даосизм и конфуцианство? Куда исчез весь арабоязычный мир? Уж если говорить о герменевтической (или культурологической) персонологии как части общей персонологии, то без этих культур невозможно обойтись. И не только потому, что в них произошли фундаментальнейшие осмысления «индивидуума в единстве его отношений с собой, с миром, с Другими, с жизнью», что является заявленным предметом персонологии (Петровский, Старовойтенко, 2012, с. 24), но и потому, что в эти «парадигмы» вовлечено огромное количество людей, их исповедующих. Конечно,

синтез культурных опытов может быть осложнен трудностью перевода, поскольку перевод даже с живых языков является трудной задачей, а если перед нами тексты, написанные на древних языках, таких как санскрит или вэньянь, то разные переводчики дают подчас совершенно разные трактовки при переводе текста. Тут, конечно же, можно вспомнить, что понимание текста и есть прямая задача герменевтики, которая как раз и могла бы стать тем культурным пространством, где индолог может говорить с синологом, а буддист — с даосом и где различия не будут препятствовать взаимопониманию. Но создание такого культурного пространства — не менее амбициозная задача, чем синтезирование парадигм.

Если же при этом происходит нивелирование различий во имя абстрактной «общности», то нет никаких гарантий, что эта новая культурная реальность будет столь же значима для человека и человечества, как уже существующие и прекрасно себя чувствующие культуры и парадигмы. Ведь именно «цветущая сложность» (К. Леонтьев) — показатель культурного благополучия, а единообразная стрижка «под Ким Чен Ына» — показатель культурного застоя. В этом смысле кризис психологии 1920-х гг. — «расцвет» (В.П. Зинченко), тогда как «триумфальное шествие единой советской психологии», как видим мы сейчас, — настоящий кризис отечественной психологии, грозящий обернуться в ближайшем будущем одной из наших культурных лакун.

После Культурологии слово перешло к дотошному Науковедению.

Наукоедческое противоречие: система понятий и перечень понятий

Если же предположить, что выше-названные проблемы вполне осознаются авторами новой науки, то должен быть показан инструмент их преодоления. Поскольку интегральная персонология претендует быть не просто пустым именем для разношерстных фрагментов знаний из разных областей, а «парадигмой» или даже метапарадигмой, парадигмой парадигм, «новой наукой», она тоже должна быть системой понятий с эксплицированными связями между ними. Очевидно, что среди таких понятий должны быть как минимум следующие: «персона» и «личность». Авторы также называют такие специфические понятия, как «лик» (Орлов, 1995а, 1995б, 2002а) и «person» (Лэнгле, 2005).

Но прежде чем перейти к рассмотрению этих сквозных для системы понятий, остановимся на понятии интеграции, поскольку именно она представлена как главная цель новой науки.

Она определяется следующим образом: «Под *“интеграцией”* понимается обобщение, синтез, введение в новый контент, перевод в новую форму, расширение контекста познания» (Старовойтенко, 2012а, с. 65). В данном случае перед нами в первых двух перечисленных случаях явная тавтология, а дальше начинаются терминологические сложности.

Что такое «введение в новый контент» и чем оно отличается от «расширения контекста»? «Контентом» обычно называется любое содержание сайта. В таком случае «введение

в новый контент» — это просто размещение статьи на новом Интернет-ресурсе. Но можно ли считать это интеграцией? Если же понятие «контент» берется в каком-то другом, расширенном значении, то это следовало бы оговорить, чтобы читатель — продвинутый пользователь — не терялся в догадках.

Что такое «перевод в новую форму»? Является ли, например, перевод на другой язык в таком случае интеграцией и что с чем в данном случае интегрируется? Например, в XVI–XVII вв. в Европе была в моде придворная игра в составление девизов из рисунка и текста, называвшаяся «наукой двора» (Эмблемы и символы, 1995). Такое объединение создавало новый смысл, которого не было по отдельности в рисунке и тексте. Возможно, в этом случае происходила интеграция «вербального» и «визуального» кодов. Но это довольно редкий случай. Во всех же прочих ситуациях мы имеем, как правило, не интеграцию, а интерпретацию или, если авторам больше нравится современная семиотическая лексика, коннотацию, которых может быть бесконечное количество. Все школьные сочинения и критические рецензии, написанные на художественные произведения, — примеры такого коннотирования. Но стоит ли их всех интегрировать?

Что же до «расширения контекста познания», которое в юнгианской традиции называется «амплификацией» и имеет границы применимости, его упоминание в данном контексте вообще приводит читателя в состояние когнитивного ступора: куда именно и зачем должно производиться расширение контекста?

Тут нам сообщается, что следует выйти за пределы гуманитарных наук в естественные науки и даже за границы научного познания (Старовойтенко, 2012а, с. 59). От таких перспектив даже у смелых людей захватывает дух, а у здравомыслящих — кружится голова. На практике же желание «побежать сразу во все стороны» приводит не к расширению контекста, а к дезориентированности.

Не определившись с понятием интеграции, деятельность персонолога представляется загадочной, если не сказать мистической. Призвав на помощь воображение и «выйдя за границы научного познания», можно представить некую алхимическую реторту, в которой в результате непонятных алхимических реакций соединяются факты с метафорами, художественные образы с экспериментальными данными, реалии с именами, но результатом такого синтеза вряд ли будет вождельный философский камень. Подобной алхимической методологией еще можно было кого-то соблазнить в «лихие девяностые», когда испарялись не только деньги, но и целые государства, сейчас же подобные «фокусы» с вниманием еще возможны с не слишком разборчивыми грантодателями и книгоиздателями, но вряд ли введут в соблазн научную общественность.

В итоге приходится с сожалением констатировать, что и без того предельно бедная понятиями сверхновая научная парадигма того и гляди коллапсирует в одну категорию личности.

Науковедение сменила принципиальная Логика.

Логическое противоречие 1: название науки и предмет науки

Полагается, что персонология исследует «уровень человеческого бытия, создаваемый пересекающимися... индивидуальными жизнями, самодействующей причиной каждой из которых выступает *личность*» (курсив наш. — А.О., Н.О.) (Старовойтенко, 2012а, с. 61). При этом «понятие “личность” должно объединить многие исторически сложившиеся значения, указывающие на разные *фундаментальные модусы личностной реальности*» (Петровский, Старовойтенко, 2012, с. 26).

Если личность должна объединить разные модусы, а в пределе не просто разные, а все модусы личностной реальности, то название «персонология» слишком узкое. Как многократно повторяется во всех вышеназванных статьях, персоне — это частичная психическая структура, «не тождественная индивидуальности» и связанная с «внешней установкой» в отличие от «внутренней установки». В силу этимологии слова, его часто используют в бинарных оппозициях, например, Персона и Тень (К.Г. Юнг) или «персональное — публичное».

Можно предположить, что в «персон-о-логии», понимаемой не как «учение о персоне», а как «персона и логос», «персоне» противостоит «логос», чему вроде бы даже можно найти подтверждение в тексте: «В персонологии репрезентируются, интерпретируются и моделируются *связи личностей и логоса*, реализуемые во встречах, в “месте соединения” и в самодвижении жизней познаваемых индивидов и субъектов научного

познания» (Старовойтенко, 2012а, с. 62). Но при этом «логос» остается, если вынести за скобки перечисления разных словоупотреблений, непроясненным термином, в силу чего непроясненными остаются и «связи личностей и логоса», хотя и отмечается, что они «разнообразны» (Там же, с. 61).

Если же авторы расширяют понятие «персона» до понятия «личность», отождествляя их, в силу чего название «персонология» представляется просто более благозвучной и понятной европейскому читателю калькой «личностологии», учения о личности, то указанное выше противоречие все равно сохраняется.

Дело в том, что понятие «личность» традиционно рассматривается как некоторое сужение предельно фундаментального понятия «человек». Человек, естественно, может существовать отнюдь не только в «личностном модусе». Например, он может полагаться как «потребитель», «рабочая сила», «объект медицинских экспериментов», «пушечное мясо» и даже как «лагерная пыль». Более того, в отечественной психологии (и не только) личность чаще всего определяется как социальное образование, возникающее за счет взаимодействия людей, являясь интериоризированными социальными отношениями, которые могут иметь некоторую физическую (анатомическую, физиологическую или психофизиологическую) подоплеку, однако она актуализируется только в том случае, если входит в социальные отношения. Так, в расистских построениях фашистской персонологии эта подоплека вышла на первый план, и «арийская личность»

получила безграничное господство над «неарийской личностью».

Указанное противоречие можно попытаться снять, переосмыслив уже понятие «личность», расширив его и включив в его содержание указанные несоциальные компоненты. В таком случае обычно вспоминают «телесное» (Тхостов, 2002) или «духовное» (Боуэн, 1992; Зинченко, 2002; Пономаренко, 1998; Шадриков, 1996), «этическое» (Фромм, 1998) или «ноэтическое» (Орлов, Шумский, 2005; Франкл, 2000) или же еще какое-либо измерение человеческого бытия, которое добавляет личности особый «модус существования». Можно также рассматривать личность как часть более широкой психической конфигурации, включающей другую психическую инстанцию (например, Самость, Селф, подлинное Я, сущность (Орлов, 1995а, 1995б) или индивидуность (Орлов, Орлова, 2011, 2014) и т.д.).

Логическое противоречие 2: персона и *persona*

Чувствуя узость ключевого понятия, выбранного ими же самими, наши авторы обращаются к персональному экзистенциальному анализу А. Лэнгле с его понятием «*person*» (Лэнгле, 2005), раскрываемым авторами статьи как «духовная индивидуальность человека» (Петровский, Старовойтенко, 2012, с. 26).

«Персона» раскрывается в модусах «*persona*» (социальная маска индивида или, согласно западной модели, физиогномические свойства личности); «*per se*» (личность как внутренняя сущность, самопричинность, существование в себе и данность для

себя); “*perzon*” (духовное основание человека, необходимое условие ценностных отношений и подлинной жизни); “*лик*” (единство телесного и духовного в личности); “*персональное*” (“представленность” и “персонализация” личности в других людях)» (Петровский, 2010, цит. по: Персонология, б.д.).

То, что персона являет себя как *persona*, некая персона в квадрате, было бы оправданно в том случае, если бы была предпринята попытка единообразного называния модусов на латинском языке, но переход к «лику» путает все карты. К тому же мы можем прочесть, что «лик» — это «древнее русское понятие» (Старовойтенко, 2012б, с. 209), словно понятия обладают национальностью. Такая классификация выглядит как тога, подпоясанная лычкой. Подобный сюрреалистический ход мысли не просто выглядит аляповатостью, но делает абсурдным попытку развести таким (сугубо языковым) способом родовое понятие (персона) с видовым понятием (*persona*).

Логическое противоречие 3: объем понятия и содержание понятия

Если же понятие «персона» отождествить с понятием «личность» и искусственно расширить, то его содержание, согласно закону обратного отношения объема и содержания понятий, становится предельно бедным. В этом случае персонология выходит в такие «разреженные» слои культурной атмосферы, где ей предстоит соперничать с философской традицией, доказывая, что понятие «персона» имеет больше методологических прав на занятие ниши,

которая давно и прочно занята понятием «субъект».

Такой «субъект-персона» должен будет не только доказать свою терминологическую состоятельность, но и — хочется или не хочется это авторам — разобраться со своим содержанием, каким бы бедным оно ни было.

Логическое противоречие 4: «А+не-А» и «А, не-А»

Непроясненность того, что такое интеграция, имеет множественные последствия. Например, определения понятия «жизнь» выглядят следующим образом: жизнь — поток, путь, опыт, усилие, произведение, текст, путешествие (Старовойтенко, 2010, с. 7–8) или «...жизнь длящаяся, протяженная, емкая, наполненная, пустая, опустошенная, напряженная, ритмичная, аритмичная, постоянная, непрерывная, прерванная, разорванная, необратимая, обратимая, единственная, быстрая, медленная, однократная, контрастная, становящаяся, целостная, преемственная, континуальная, самодвижущаяся, конечная, вечная» (Старовойтенко, 2012б, с. 212).

Все это квазиопределения (а точнее либо перечни, либо метафоры). Конечно же, определение базовых для концепции понятий, особенно если это не специально сконструированные термины, а слова живого языка, имеющие долгую историю, — непростая задача. Но если интегральная персонология имеет амбицию интегрировать широкие культурные пласты, как заявлено ее авторами, то она неизбежно вынуждена ее решать.

В китайском языке, например, есть иероглиф «дао», который на русский язык переводится словами «дорога», «путь», «учение», «закон», «высший принцип» и даже «график» (В.С. Спиринов), индийская культура тоже имеет такое слово — «дхарма», которое понимается как «частица», «условие движения», «закон», «учение». Однако в каждом случае контекст перевода ограничивает словарный перечень значений, даже если мы имеем дело с философским текстом. Если же персонология претендует быть наукой, а не философским учением или религиозным откровением, то строгость определений — одно из важнейших требований к научным текстам — необходимо соблюдать. Невозможно ничего интегрировать, не определившись с собственной системой понятий или не будучи способными из перечня разнородных характеристик создать что-то новое и значимое, поскольку написание тезиса и антитезиса через запятую не дает синтеза, что бы ни думали об этом так пишущие.

Логическое противоречие 5: синкрет и классификация

Определение базовых категорий и получение синтеза из тезиса с антитезисом — творческая задача, которая под силу не каждому. Но построение классификации на внятных основаниях — обязательное требование к научной системе. Как известно из логики, классификация строится на основании дихотомического деления или видоизменения признака. Что же имеем мы в случае персонологии? Она, например, занимается «мирами» (стоит ли говорить, что внятного

определения понятия «мир» мы опять не найдем). При этом миры бывают: мир телесности, духовный мир, культурный мир, общественный мир, мир деятельности, внутренний мир, мир влияний и вкладов, мир высшего (Старовойтенко, 2010, с. 9–10).

Возникает закономерный вопрос: на каком основании выстроена эта классификация? Почему «миры» поделены таким образом? В любой научной классификации, например, «высшему миру» должен был бы противостоять «низший мир», что могло бы увязать «персону» как «внешнюю установку» с существованием различных «теневых» личностных структур, таких как Тень у К.Г. Юнга или динамическое бессознательное у З. Фрейда. Почему авторы, которые хотят интегрировать все модусы личностного существования, обошли своим вниманием столь важные аспекты личности, являющиеся существенным предметом изучения различных психотерапий? Куда деть «бремя страстей человеческих», пороки и перверсии, деструктивные эмоции и низменную мотивацию? Ведь персонология желает быть наукой о человеке как таковом, а не об абстрактном ангелоподобном существе, у которого есть только идеалы, «высшие чувства», «культурное наследие», «высокие каноны», «тайна и благоговение» и немного тела, которое озабочено здоровьем и телесным комфортом. Как это ни покажется странным, даже Эрос куда-то испарился из области, подлежащей интеграции. Он целомудренно назван «порождающей способностью и продуктивностью тела». Подобное пуританство достойно учительницы младших

классов, желающей прикрыть наготу античных статуй, дабы не развращать юные умы. Что уж говорить о сексуальных практиках, таких как тантрическая кундалини-йога, индийская «Кама-сутра» или китайская эротология? Или они избавлены от интеграции в единую систему неким таинственным цензором? Или они не порождение человека, а завезены на Землю марсианами?

Но даже с высшими и возвышенными мирами все обстоит странно, если не сказать загадочно. Как, например, понимать такое высказывание про «мир высшего»: «Мир абсолюта: Бога, Разума, Логоса, Космоса, Универсума». Надо ли полагать, что это перечисляются разные понятия, или считать это разными именами «абсолюта»? Почему они тогда пишутся с заглавной буквы, а «абсолют» нет? Если это разные имена одного и того же, то, как известно, в христианском богословии Логос — это только второе лицо Троицы, а Разум в качестве эпитета Бога вообще редко используется, так как божественная реальность явно превосходит то, что в европейской традиции понимается под «разумом» и «рационализмом». Во времена Французской революции, правда, была «Богиня Разума», изображаемая разными актрисами, которая восходила к дохристианским богиням — Кибеле или Исиде, но вряд ли тут имеется в виду она. А разве «Космос» и «Универсум» — это не просто разные, восходящие к греческому и латинскому языкам названия одного и того же? И почему космос (даже с заглавной буквы) отнесен к «абсолюту»? Сейчас космология — бурно развивающаяся

научная дисциплина — создает модели множественных универсумов, в которых могут действовать другие физические законы и константы, есть даже название для этого — «мультиверсум» (Грин, 2012).

Совершенно неясным остается, почему в классификации есть «внутренний мир» и нет «мира внешнего»? Как соотносятся «мир идеального» и «высший мир»? Почему специально разведены «культурный мир» и «общественный мир»? Не потому ли, что культура понимается слишком узко в том «школьном» смысле все той же учительницы младших классов, когда пение хором патриотических песен — это культура, а граффити на заборе — это не культура, а сплошное безобразие?

Внимательно прочитав перечень того, что входит в «культурный мир», читатель с удивлением обнаружит, что в нем нет науки, даже созданной самими авторами. Но если науки нет в культуре и это не культурное явление, то и в других «мирах» ее не сыскать. Может быть, наука прячется за какой-то «деятельностью» в «мире деятельности»? Но ведь об этом проницательный читатель может и не догадаться. Как известно, в советской психологии доминировал деятельностный подход, поэтому притягивание в эту классификацию «мира деятельности» выглядит не столько как дань уважения отечественной психологической традиции, сколько как разрешение бывшей знатной даме, ставшей бедной родственницей, посидеть на краешке персонологического дивана.

Логике сменила неспешная История Психологии.

**Историко-психологическое
противоречие между
референтным кругом
персонологии, стремящимся к
нулю, и ее содержанием,
стремящимся к бесконечности**

И все же деятельностному подходу было разрешено «посидеть хотя бы на краешке дивана». Всем остальным научным психологическим школам не нашлось места даже в библиографических списках: нет ни одного системного упоминания ведущих отечественных психологов, кроме С.Л. Рубинштейна. Л.С. Выготский упомянут вскользь, но без библиографической ссылки, упомянут «феномен Б.В. Зейгарник», другим не досталось даже этого. Зарубежные психологи представлены несистемной и экстравагантной библиографической выборкой — А. Лэнгле, С. Мадди и К.Г. Юнг. При этом во всех рассматриваемых публикациях одни и те же ссылки кочуют из одной скудной библиографии в другую, а их подборка выглядит явно недостаточной.

Здесь вновь выступило Науковедение.

**Науковедческое противоречие 2:
объективное периферийное
положение и субъективная
мессианская установка**

Установка на сознание «новой науки» может смутить любого, кто знает, сколь редкое это явление в истории наук. При этом новая наука получается не за счет сужения предметной области исходной науки или наук, а за счет ее расширения. Эта установка неизбежно сопряжена с

мессианской напыщенностью и никак не сочетается с научной скромностью. Как правило, наука ассоциируется со специализацией, с ограничением предметной области ради большей глубины ее изучения, и даже междисциплинарные науки имеют границы своей применимости, в чем честно и признаются. Всякий выход за границы своей предметной области неизбежно делает из специалиста в лучшем случае дилетанта и вызывает желание повторить известную фразу: «Суди не выше сапога».

Даже подтвердившие свою научную добротность направления отечественной психологии, такие как культурно-историческая теория Л.С. Выготского и деятельностный подход А.Н. Леонтьева, не претендовали на интеграцию *всего* гуманитарного, естественнонаучного и даже ненаучного знания, объединение различных научных парадигм и даже культур. А ведь оба эти тренда не только являются нашими, отечественными, но и входят в состав признанного за рубежом психологического мейнстрима.

Подобный мессианский запал больше присущ пророкам или религиозным деятелям, нежели ученым, задача которых — получать достоверное, проверенное и перепроверенное знание, а не водить в обман и соблазн окружающих, предлагая им ртуть под видом эликсира бессмертия, даже если ртуть — это металл Гермеса, прародителя герменевтики.

Тут к публике обратилась долго ожидавшая своей очереди красно-речивая Риторика (которая, как известно, ради красного словца не пожалеет и отца).

Риторическое противоречие: тексты без зачина и концовки и персонология как альфа и омега всех наук

Сложности с интеграцией проявляются не только на уровне содержания рассматриваемых публикаций, но и в самом их композиционном построении, которое не имеет начала и конца. Так, основная рассматриваемая статья заканчивается схемой (Петровский, Старовойтенко, 2012, с. 38, рисунок 7), частью которой являются изображения юноши и девушки. Что значат эти изображения, предоставлено гадать читателю. Если же учесть, что это схема «Работы Идеи общей персонологии», то юноша и девушка как некие новые Адам и Ева представляют, видимо, прародителей нового человечества — персонологов, которые и заселят Землю.

Какой бы шуткой с нашей стороны это ни звучало, в свете мессианских идей такое опасение вполне допустимо. Если же учесть, что данную статью с риторической точки зрения можно увидеть как «русский мифологический текст» или проще «русскую сказку», то это даже неизбежно, поскольку именно в таких текстах в конце остаются только настоящие герои, тогда как «остальные будут изгнаны, погибнут или останутся ни с чем» (Исаева, 2013, с. 145). Изображение вперившихся друг в друга и никого больше не видящих двух мелких особ-профилей, лишенных всяких (даже гендерных) характеристик и составляющих «ножку» буквы «пси», логотипа персонологии, — лишнее тому подтверждение. Эти профили держат на

своих головах, как некие новые кариатиды, все три классические направления в психологии.

Трудно удержаться от еще одной (на этот раз сугубо юнгианской) интерпретации образного ряда, предложенного нашими авторами читателям. Эти образы — манифестации авторских Персон (юноша и девушка) и Теней (симметричные профили).

И напоследок, небезынтересно отметить еще одно любопытное наблюдение, сделанное в лоне персонологии: «Героям русских сказок часто бывает трудно выдерживать напряжение оппозиций, и они сами порождают новые противоречия своим нетерпением, любопытством или желанием обладать» (Там же, с. 146). Так что не по своей воле мы вынуждены продолжать, а нашим читателям придется набраться терпения.

Тут вступила еще более бойкая на язык Лингвистика.

Лингвистическое противоречие: единственное число и множественное число

Как мы уже отмечали выше, смешение понятия культуры с реальными культурами ведет к культурологическому противоречию, заставляя видеть в культуре некий единый «культурный мир». Иными словами, там, где следовало бы говорить «культуры», говорится о «культуре». И, наоборот, там, где следовало бы говорить «личность», можно прочесть следующее: «Личность воплощает “содружество субъектов”, “республику субъектов”, множество Я, совокупное “мы”» (Старовойтенко, 2010, с. 14). В данном случае мы склонны все же думать не о психиат-

рическом диагнозе «шизофрения» и даже не о психодинамическом диагнозе «множественная личность», сколько о лингвистическом сбое, позволяющем говорить про совокупность *субличностей* там, где нужно определить понятие «личность». Если же сказать, что «субъект» — это «множество субъектов», понятие субъекта не станет от этого яснее. На этот раз множественное число — такая же ошибка, как единственное в случае культуры.

Нарушила свое молчание и вдумчивая Гносеология.

Гносеологическое противоречие: логос и пафос, филос, эрос

К сожалению, рассматривая данные публикации, мы всегда сталкиваемся с одной и той же проблемой: определения слишком узкие и слишком широкие одновременно. Эта логическая ошибка лежит и в основе персонологического метода, в котором из познавательных способностей только «логосу» отведено некоторое место. Но Интегральная наука наук должна учитывать и такие «крупные» гносеологические способности, которыми являются «пафос», «филос» и «эрос». Опять же, видимо, смутно это чувствуя, авторы пишут: «Сама идея общей персонологии вовлекает психологов в новую профессиональную область, где просторно не только мыслить и познавать, но и общаться, творить, любить, создавать новую “общность личностей”» (Петровский, Старовойтенко, 2012, с. 38). (Видимо, наше подозрение о новом человечестве все же имеет под собой основание! — А.О., Н.О.) И хотя фантазия о том, как

будут любить друг друга персонологи в новой профессиональной области, отдает некоторой скабрёзностью, все же авторы неявно соглашаются с тем, что только «логоса» как познавательной способности явно недостаточно для столь глобального интегрального проекта. Но вот перейти от изображения далекой цели к разработке пути, или, как говорят теперь, «дорожной карты», никак не получается. Благими пожеланиями же, как известно, вымощена дорога в ад, а вовсе не в персонологический рай.

Тут заговорила пронциательная Герменевтика.

Герменевтическое противоречие: понимание как метод и неинтелигибельность текста

В итоге всех названных выше противоречий, которые не рефлексированы, не эксплицируются, не разбираются и не снимаются родоначальниками новой науки, перед читателем предстает скорее «герметичный», нежели герменевтический, текст. Подобная неинтелигибельность текста драпируется эхололическими перечнями, больше похожими на речитативное камлание азиатских шаманов, чем на ответственный дискурс европейских ученых. От бесконечных перечней и впрямь можно впасть в легкий транс, и в этом измененном состоянии сознания узреть и бога, и дух, и мир, и даже... новую персонологию. Однако, вернувшись в «мир науки», хотелось бы в итоге иметь дело с текстом, отвечающим критериям научности. В противном случае полученный опыт чтения рискует остаться личным достижением

зомбированного читателя, пострадавшего еще от одного из бесчисленного множества текстов-призраков, которыми населены пустоты квази- и паранауки.

Зрячая в корень Онтология тоже внесла свою лепту, завершив полилог наук.

Онтологическое противоречие: субъект как персонология и субъект как персонолог

Но кто должен взяться за дело доведения до ума всех вышеназванных проблем? Понятно, что это должно быть ответственное решение. Можно, конечно, допустить, что персонология как некое живое существо сама доразовьется до нужной кондиции, а сейчас просто еще находится в эмбриональной стадии и поэтому может себе позволить разного рода атавизмы и диспропорциональности. А то, что персонология сама персонализируется, видно из такого замечательного и уже цитировавшегося высказывания: «Персонология обладает уникальным взглядом, движущимся в направлениях “от”, “на”, “в”, “из”, “с”, “между”, “за”, “над” личностью» (Старовойтенко, 2012а, с. 63). Такая «зоркость» «новой науки», возможно, тоже лишь одна из особенностей эмбриональной стадии ее развития, и, повзрослев, она овладеет собственным зрительным аппаратом, сфокусирует зрение и поумерит свои грандиозные амбиции, но все же, как бы ни хотелось нашим авторам, не наука, а ученые обладают теми или иными качествами. И если ученые – психологи и психотерапевты, культурологи и логики, философы и социологи, прочие специалисты в гуманитарных, социальных и есте-

ственных науках и даже персонологии — в светлом будущем не возьмут на себя ответственность за разрешение хотя бы тех противоречий, которые мы предложили вашему вниманию, сама персонология с этим не справится. Этот наш дискурс можно считать первым вкладом в великое дело построения новой персонологии, ведь как корабль назовешь – так он и поплывет, как фундамент заложишь – так и здание стоять будет.

Если же не разобраться с этим с самого начала, то дом персонологии развалится, как Вавилонская башня, и причиной того будет не божий гнев, а недалекость проектировщиков. Если же говорить не метафорически, а по существу, то разрушаться в данном случае будут не некие «стены», а конкретные личности ученых, вовлеченных в подобную деятельность, поскольку их собственная целостность невозможна без понимания ими того, что составляет суть их профессиональной идентичности.

Понимать, творить и любить человек способен безо всякой персонологии. Если же авторы новой персонологии не способны внятно объяснить, в чем будет заключаться то сакральное «новое», которое позволит это делать «по-новому», то новое качество не образуется, подобно тому, как от представления золотых талеров они в кармане не синтезируются, а от повторения слова «сахар» во рту сладко не станет.

Эпилог деконструктивистский: интеграция или симуляция интеграции?

Сквозные, обозначенные нами неразрешенные, неснятые противо-

речия — движители не интеграции, а дезинтеграции, они не преодолеваются, а только лавинообразно накапливаются. Что еще раз показывает, что не всякий синтез — во благо, не всякое накопление — счастье. В этом случае перед нами не новая интегральная наука, а симуляция интеграции, новый симулякр. Можно утешиться тем, что сейчас «культура» такова везде: куда ни посмотри — симулякры всех мастей. У нас стало почти модным воздыхать о том, что и здравоохранение, и судебная система, и образование, и строительство и т.д. и т.п. подчас лишь имитируют, симулируют соответствующую деятельность. А фактический развал отечественной науки только венчает собой ситуацию этого «культурного дрейфа». А ведь именно ученые призваны быть в первой шеренге борцов с симулякрами. Ученые могут позволить себе быть простыми как голуби и мудрыми как змии и сказать вслух, публично: «Король-то — голый». Голая правда, какой бы она ни была, лучше разряженной лжи, а самый скромный, самый маленький научный факт лучше самой помпезной лженауки.

Эпилог конструктивный: что кроме критики?

Подведем содержательные итоги.

Персонология невозможна как синтез, интеграция разных парадигм, но она возможна как синтез, интеграция разных понятий в рамках какой-

то одной парадигмы, существующей в современной психологии личности. Например, персонология возможна (более того, она реально существует) в рамках и экзистенциального (как «персонология»), и человекоцентрированного (как «становление человека») подходов⁵.

Персонология невозможна как синтез, интеграция разных культур, но она возможна (более того, она реально существует) как синтез, интеграция понятий внутри русскоязычной культуры. Так, в европейской культуре уже существует пестрый букет персонологий.

Иначе говоря, общая персонология как изначальный глобальный проект невозможна; возникновение общей персонологии возможно из персонологии частной, и эта естественная амбиция прослеживается в каждой частной теории личности, начиная с психоаналитической. Более того, лишь при построении частной персонологии (внутри одной культуры и одной научной парадигмы) возможна действительная (а не только на словах), творческая интеграция понятий. Например, в единую концептуальную систему могут быть интегрированы весьма разнородные понятия личности и сущности, персоны и тени, маски и лика, персонализации и персонификации, индивидуализации и индивидуации, диалога и триалога (Орлов, 1995а, 2002а, 2002б).

Поставив перед собой задачу построения общей персонологии до построения частной персонологии,

⁵ Развернутый сравнительный анализ этих двух person-centered «частных персонологий» был предпринят ранее (см.: Орлов, Лэнгле, Шумский, 2007).

наши авторы неизбежно стали заложниками перечней разнородных, подчас противоречивых понятий и более чем странных, бесосновательных классификаций.

Ни понятие «персона», ни понятие «перзон», ни понятие «личность», ни даже понятие «субъект» неадекватны в силу узости своего объема амбициозным замыслам авторов. Существует лишь одно понятие, соразмерное «персонологическому повороту», и это понятие – «человек». Другими словами, все четыре проекта авторов могут вместиться исключительно и только в человекоцентрированную парадигму. Следует лишь озвучить секрет Полишинеля: такая «персонология» уже существует более полувека как парадигма *«becoming of the person»* (Орлов, 2002в; Роджерс, 1994), и именно эта научная парадигма становления человека является «наукой человека — о человеке — для человека — во имя человека».

Эпилог драматический

После того как умолкла Онтология, завершив разбор, а точнее разоблачение «новой Персонологии»,

воцарилась напряженная тишина. И тут все науки, естественно, обратились к многоликой Психологии личности, не промолвившей пока ни слова, но, очевидно, пребывавшей в явном душевном смятении: кровь отхлынула от ее лица, глаза полны слез. Рядом с Психологией личности стояла человеколюбивая Психотерапия. Она, напротив, была совершенно спокойна, но тоже ничего не сказала. Похоже, в отличие от всех прочих наук, ее интересовали не категории и понятия, не противоречия и тексты, не симулякры и какой бы то ни было контент; вся она была обращена к той, кого так нещадно разоблачали. Именно поэтому она не продолжила анализ. Вместо этого она всматривалась в самую юную особу, будто узнавая в ней кого-то, и улыбалась. И эта улыбка была преисполнена такой безусловной любви, что затянувшееся разоблачение обернулось внезапным и настоящим преобразованием: Персонология припала к коленям Психологии личности, и только тут все присутствующие увидели в ее локутном наряде рубище блудной дочери.

Картина, достойная кисти великого Рембрандта....

Литература

- Боуэн, М. (1992). Духовность и личностно-центрированный подход. *Вопросы психологии*, 3–4, 24–33.
- Грин, Б. (2012). *Скрытая реальность. Параллельные миры и глубинные законы космоса*. М.: Либроком.
- Зинченко, В. П. (2002). Размышления о душе и духовном развитии. В кн. *Психология искусства* (т. 1, ч. 1, с. 3–28). Самара: Изд-во СамГПУ.
- Исаева, А. Н. (2013). «Принцип оппозиций» в персонологическом познании. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10(1), 135–149.
- Кедров, Б. М. (1985). *Классификация наук. Кн. 3: Прогноз К. Маркса о науке будущего*. М.: Мысль.
- Лэнгле, А. (2005). *Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности*. М.: Генезис.

- Орлов, А. Б. (1995а). Личность и сущность: внешнее и внутреннее Я человека. *Вопросы психологии*, 2, 5–19.
- Орлов, А. Б. (1995б). *Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики*. М.: Логос.
- Орлов, А. Б. (2002а). *Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики*. М.: Издательский центр «Академия».
- Орлов, А. Б. (2002б). Психологическое консультирование и психотерапия: триалогический подход. *Вопросы психологии*, 3, 3–19.
- Орлов, А. Б. (2002в). Человекоцентрированный подход в психологии, психотерапии, образовании и политике (к 100-летию со дня рождения К. Роджерса). *Вопросы психологии*, 2, 64–84.
- Орлов, А. Б., Лэнгле, А., Шумский, В. Б. (2007). Экзистенциальный анализ и клиентоцентрированная психотерапия: сходство и различие. *Вопросы психологии*, 6, 21–36.
- Орлов, А. Б., Орлова, Н. А. (2011). Индивидуальность vs индивидность: роковой вопрос современности. *Мир психологии*, 1, 32–44.
- Орлов, А. Б., Орлова, Н. А. (2014). Психологический статус психотерапевта. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 11(2), 136–149.
- Орлов, А. Б., Шумский, В. Б. (2005). Неэтическое измерение человека: вклад Виктора Франкла в психологию и психотерапию. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 2(2), 65–80.
- Орлова, Н. А. (2000). *Философско-категориальные основания концепций символа* (Автореферат кандидатской диссертации, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова).
- Орлова, Н. А. (2014). Страсти по символу. В кн. *В пути за китайскую стену* (с. 157–175). М.: Институт востоковедения РАН.
- Персонология. (б.д.). URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F>
- Петровский, В. А. (2003). Общая персонология: наука личности. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии»*, 20–30.
- Петровский, В. А., Старовойтенко, Е. В. (2012). Наука личности: четыре проекта общей персонологии. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(1), 21–39.
- Пономаренко, В. А. (1998). *Психология духовности*. М.: Магистр.
- Роджерс, К. (1994). *Взгляд на психотерапию. Становление человека*. М.: Прогресс.
- Старовойтенко, Е. Б. (2010). Парадигма жизни в персонологии. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 7(1), 3–18.
- Старовойтенко, Е. Б. (2012а). Новая персонология – интегральная наука о личности. *Мир психологии*, 3(71), 59–71.
- Старовойтенко, Е. Б. (2012б). От идей В.А. Роменца к культурной персонологии. В кн. *Психология вчинку* (с. 207–216). Киев: Либідь.
- Тхостов, А. Ш. (2002). *Психология телесности*. М.: Смысл.
- Франкл, В. (2000). *Основы логотерапии. Психотерапия и религия*. СПб.: Речь.
- Фромм, Э. (1998). *Психоанализ и этика*. М.: АСТ-ЛТД.
- Шадриков, В. Д. (1996). *Духовные способности*. М.: Магистр.
- Эмблемы и символы*. (1995). М.: Интрада.
- Smuts, J. C. (1926). *Holism and evolution*. London: Macmillan.
- Trowbridge, A. V. (2011). *Smuts, holism and evolution*. Режим доступа: <http://docslide.net/documents/gd-0-2-smuts-holism-and-evolution.html>

Science of a Person: Person-Centered Approach to General Personology (or The Story of the Accident in the Noble Family of Sciences)

Alexandr B. Orlov

Professor, School of psychology, HSE*, D.Sc.
E-mail: aorlov@hse.ru

Natalya A. Orlova

Senior Lecturer, Moscow Institute of Physics and Technology**, Ph.D.
E-mail: n.orlova@newmail.ru

Address: * 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation
** 9 Institutskiy per., Dolgoprudny, Moscow Region, 141700, Russian Federation

Abstract

The authors discuss "the personological project" of psychology development, proposed by Vadim Arturovich Petrovsky and Elena Borisovna Starovoytenko. Internal contradictions and weaknesses of the project are identified and explicated, the main ones are "non-systemic" (chaotic and syncretical conceptual apparatus) and "non-human" (the reduction of human being to the personality, and the personality to persona). The authors believe that personology is impossible as the integration of different paradigms, but it is possible as the integration of different concepts within any single paradigm that exists in modern psychology of personality (e.g. personology actually exists within existential and person-centered approaches). Personology is impossible as well as the integration of different cultures, but it is possible as the integration of concepts within a single culture. In other words, the general personology as the original global project is impossible; the genesis of a general personology is possible on the basis of special personology, and such a natural ambition can be seen in each special personology (theory of personality), beginning from the psychoanalytic one. Moreover, only during the construction of the special personology (within a special scientific paradigm and a special culture) the creative integration of concepts can be real (and not just in words). Set for themselves the task of constructing a general personology before the building a special personology Vadim Arturovich Petrovsky and Elena Borisovna Starovoytenko inevitably become the hostages of the lists of diverse, contradictory concepts and strange, unfounded classifications. Neither the concept "persona," nor the concept "person," (according to Langle) nor "personality," nor even the concept of "subject" are adequate (due to the narrowness of its denotations) for the ambitious plan of the authors of "personological project." There is only one concept commensurate to this project, and this concept is "person" (as a human being). The perspectives for the development of general personology are seen in the implementation of a holistic person-centered paradigm in relation to the fundamental, counseling and cultural psychology of personality. This area of psychology and psychological practice is positioned in the article as "the science of a person — about a person — for a person — for the sake of a person".

Keywords: personology, general personology, special personology, personality, persona, subject, person, psychotherapy, person-centered approach.

References

- Bowen, M. (1992). Dukhovnost' i lichnostno-tsentrirrovanniy podkhod [Spirituality and person-centered approach]. *Voprosy Psikhologii*, 3–4, 24–33.
- Green, B. (2012). *Skrytaya real'nost'*. *Parallelnyye miry i glubinnyye zakony kosmosa* [The hidden reality: Parallel universes and the deep laws of the Cosmos]. Moscow: Librokom. (Transl. of: Greene, B. (2011). *The hidden reality: Parallel universes and the deep laws of the Cosmos*. New York: Alfred A. Knopf).
- Zinchenko, V. P. (2002). Razmyshleniya o dushe i dukhovnom razvitii [Reflections on soul and spiritual development]. In *Psikhologiya iskusstva* [The psychology of art] (Vol. 1, Pt. 1, pp. 3–28). Samara: Samara State Academy of Social Sciences and Humanities.
- Isaeva, A. (2013). The “Opposition principle” in personological cognition. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 10(1), 135–149.
- Kedrov, B. M. (1985). *Klassifikatsiya nauk* [Classification of sciences] (Vol. 3: Prognoz K. Marksa o nauke budushchego [Vol. 3: K. Marx's prognosis on the science of future]). Moscow: Mysl'.
- Längle, A. (2005). *Person: Ekzistentsial'no-analiticheskaya teoriya lichnosti* [Person: Existential and analytic theory of personality]. Moscow: Genezis.
- Orlov, A. B. (1995a). Lichnost' i sushchnost': vneshnee i vnutrennee Ya cheloveka [Personality and essence: The external and internal Self of a man]. *Voprosy Psikhologii*, 2, 5–19.
- Orlov, A. B. (1995b). *Psikhologiya lichnosti i sushchnosti cheloveka: paradigm, proektsii, praktiki* [The psychology of personality and essence of a man: Paradigms, projections, practices]. Moscow: Logos.
- Orlov, A. B. (2002a). *Psikhologiya lichnosti i sushchnosti cheloveka: paradigm, proektsii, praktiki* [The Psychology of personality and essence of a man: Paradigms, projections, practices]. Moscow: Izdatel'skii Tsentr “Akademiya”.
- Orlov, A. B. (2002b). Psikhologicheskoe konsul'tirovanie i psikhoterapiya: trialogicheskii podkhod [Psychological counseling and psychotherapy: Trialogical approach]. *Voprosy Psikhologii*, 3, 3–19.
- Orlov, A. B. (2002c). Chelovekotsentrirrovanniy podkhod v psikhologii, psikhoterapii, obrazovanii i politike (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya K.Rodzhera) [Person-centered approach in psychology, psychotherapy, education and politics (To the 100 years anniversary of C. Rogers)]. *Voprosy Psikhologii*, 2, 64–84.
- Orlov, A. B., Längle, A., & Shumsky, V. B. (2007). Existential analysis and patient-centered therapy: Differences and similarities. *Voprosy Psikhologii*, 6, 21–36.
- Orlov, A. B., & Orlova, N. A. (2011). Individual'nost' vs individnost': rokovoi vopros sovremennosti [Individuality vs. individual: The fatal question of the modern age]. *Mir Psikhologii*, 1, 32–44.
- Orlov, A. B., & Orlova, N. A. (2014). The psychological status of a psychotherapist. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 11(2), 136–149.
- Orlov, A., & Shumskiy, V. (2005). Noetic dimension of human being: Viktor Frankl's contribution to psychology and psychotherapy. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2(2), 65–80.
- Orlova, N. A. (2000). *Filosofsko-kategorial'nye osnovaniya kontseptsii simvola* [The philosophical and categorical bases of the concept of symbol] (Extended abstract of PhD dissertation, Moscow, Moscow State University).
- Orlova, N. A. (2014). Strasti po simvolu [Symbol's passions]. In *V puti za kitaiskuyu stenu* [On the way to the Chinese Wall] (pp. 157–175). Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

- Personologiya [Personology] (n.d.). Retrieved from <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F>
- Petrovskiy, V. A. (2003). Obshchaya personologiya: nauka lichnosti [General personology: The science of personality]. *Izvestiya Samarskogo Nauchnogo Tsentra Rossiiskoi Akademii Nauk. Special issue "Aktual'nye problemy psikhologii"*, 20–30.
- Petrovskiy, V. A. (2010). Nachala mul'tisub"ektnoi personologii [The fundamentals of multisubject personology]. *Development of Personality (Russia)*, 1, 55–72.
- Petrovskiy, V. A., & Starovoytenko, E. B. (2012). The science of personality: Four projects of general personology. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 9(1), 21–39.
- Ponomarenko, V. A. (1998). *Psikhologiya dukhovnosti* [The psychology of spirituality]. Moscow: Magistr.
- Rogers, C. (1994). *Vzglyad na psikhoterapiyu. Stanovlenie cheloveka* [A view of psychotherapy. On becoming a person]. Moscow: Progress. (Transl. of: Rogers, C. (1961). *On becoming a person: A therapist's view of psychotherapy*. London: Constable).
- Starovoytenko, E. B. (2010). Paradigm of life in personology. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 7(1), 3–18.
- Starovoytenko, E. B. (2012a). Novaya personologiya – integral'naya nauka o lichnosti [New personology is the integral science of personality]. *Mir Psikhologii*, 3, 59–71.
- Starovoytenko, E. B. (2012b). Ot idei V.A. Romentsa k kul'turnoi personologii [From the V.A. Romanets's ideas to the cultural personology]. In *Psikhologiya vchinku* [The psychology of deed] (pp. 207–216). Kiev: Libid'.
- Tkhostov, A. Sh. (2002). *Psikhologiya telesnosti* [The psychology of corporeality]. Moscow: Smysl.
- Frankl, V. (2000). *Osnovy logoterapii. Psikhoterapiya i religiya* [The fundamentals of logotherapy. Psychotherapy and religion]. Saint Petersburg: Rech'.
- Fromm, E. (1998). *Psikhoanaliz i etika* [Psychoanalysis and ethics]. Moscow: AST-LTD. (Transl. of: Fromm, E. (1946). *Psychoanalyse und Ethik*. Stuttgart: Diana (in German)).
- Shadrikov, V. D. (1996). *Dukhovnye sposobnosti* [Spiritual abilities]. Moscow: Magistr.
- Emblemy i simvolny* [Emblems and symbols]. (1995). Moscow: Intrada.
- Smuts, J. C. (1926). *Holism and evolution*. London: Macmillan.
- Trowbridge, A. V. (2011). *Smuts, holism and evolution*. Retrieved from <http://docslide.net/documents/gd-0-2-smuts-holism-and-evolution.html>

ПЕРСОНОЛОГИЯ «ПРАВИЛЬНАЯ» И «НЕПРАВИЛЬНАЯ»: ОТВЕТ ДИСПУТАНТАМ

В.А. ПЕТРОВСКИЙ, Е.Б. СТАРОВОЙТЕНКО

Петровский Вадим Артурович — ординарный профессор НИУ ВШЭ, профессор кафедры психологии личности департамента психологии НИУ ВШЭ, член-корреспондент РАО, профессор, доктор психологических наук. Лауреат премии «Золотая Вышка – 2011» в номинации «Достижения в науке». Главный редактор журнала «Психология. Журнал Высшей школы экономики».

Сфера научных интересов — теория и методология психологии, общая персонология, транзактный анализ. Автор мультисубъектной теории личности, моделей воспитания дошкольников, вхождения личности в стабильную социальную общность, импульсной модели экзистенциального выбора, а также ряда исследовательских и практических методов и методик.

Автор более 160 работ, среди которых монографии: «Психология неадаптивной активности» (1992), «Личность: феномен субъектности» (1993), «Одаренные дети: экология творчества» (1993, в соавт.), «Психология воспитания» (1995, отв. ред. и автор), «Личность в психологии: парадигма субъектности» (1996), «Основы практической консультативной психологии» (2008, отв. ред. и автор), «Человек над ситуацией» (2010) и др.

Контакты: petrowskiy@mail.ru

Старовойтенко Елена Борисовна — заведующая кафедрой психологии личности департамента психологии НИУ ВШЭ, доктор психологических наук, профессор. Сфера научных интересов — методология психологии, психология личности, психология творчества, психология познания, психология Я, психология индивидуальности.

Автор теории жизненных отношений личности, концепции культурной психологии личности, модели персонологии в парадигме жизни. Автор и ответственный редактор 9 книг, главные из которых: «Введение в гуманитарную психологию» (1996), «Современная психология: формы интеллектуальной жизни» (2001), «Психология личности в парадигме жизненных отношений» (2004), «Предмет и метод психологии» (2005), «Культурная психология личности» (2007), «Психология индивидуальности: новые модели и концепции» (2009), «Персонология: жизнь личности в культуре» (2014).

Контакты: helestaOS@yandex.ru

Резюме

В статье дан развернутый ответ на критические суждения А.Б. Орлова и Н.А. Орловой, высказанные ими в статье «Наука человека: Человекоцентрированный подход к общей персонологии» (см. с. 7–29 настоящего выпуска журнала) по поводу ранее опубликованной в том же журнале статьи В.А. Петровского и Е.Б. Старовойтенко «Наука личности: четыре проекта общей персонологии» (Петровский, Старовойтенко, 2012). Авторы четырех проектов

полагают, что критика в их адрес обусловлена следующими причинами. Первая — это очевидные перцептивные ошибки, подмена терминов, тенденциозность интерпретаций при обращении с текстами критикуемых работ. Критики охотно делятся своими идеологическими и политическими оценками, вероятно, полагая, что таким образом они усиливают убедительность своих рассуждений (к примеру, идея «личности» ассоциируется у них с «расистскими построениями фашистской персонологии» и т.п.). В результате такого ошибочного восприятия эти авторы приходят к ложным выводам, затрагивающим основные категории и положения персонологии (дискредитация ее методологического статуса, неразличение общей персонологии и частных вариантов ее построения — мультисубъектной персонологии, персонологии жизни и др.). При этом, как ни парадоксально, критики приписывают себе приоритет в разработке «частных персонологий». Вторая причина, побуждающая «человекоцентрированных» критиков идеи персонологии вступить в полемику с авторами четырех проектов, приводящая к существенным искажениям в восприятии, интерпретациях и оценках, это собственные весьма спорные идеи диспутантов; в первую очередь, это касается соотношения науки и практики в перспективе развития психологии (по мнению критиков, с наступлением приближающейся «психозойской эры» психология отомрет, уступив место человекоцентрированной психопрактике). Стилистика высказываний критиков имеет мало общего с принципами «эмпатического слушания», «понимания и принятия», «безоценочности», открытых создателем человекоцентрированного подхода К. Роджерсом. Вместо «активного слушания» используются приемы «активного скучания» («черной риторики»). Текст авторов критической статьи, А.Б. Орлова и Н.А. Орловой, противоречит заявленному в названии замыслу. Содержание и стиль их собственных построений не имеют, по-видимому, ничего общего с «человекоцентрированным подходом» — применительно к идеям тех, кто мыслит иначе.

Ключевые слова: личность, персонализация, персоне, человекоцентрированный подход, психопрактика, суфизм, общая персонология, мультисубъектная персонология, персонология жизни, парадигма, интеграция, треугольники синтеза.

Пародия? Шарж? Памфлет?

Полемическая статья А.Б. Орлова и Н.А. Орловой — поразительное по страстности, метафорической насыщенности, любви-ненависти к идее «персонологии» произведение! Пародия, шарж, памфлет, комическая парафраза, разоблачительная речь, мистификация... И все это в целом, — опыт, так сказать, человекоцентрированного «понимания и принятия» идей, а также людей, с которыми связывает долгий опыт сотрудничества.

Так и сказано: *«Человекоцентрированный подход к общей персонологии...»*

Общий смысл этой критики, этого пафоса, этой патетики ниспровержения, всей этой нравоучительной (то профессорской, то прокурорской), чуть-чуть театрализованной, в чем-то скоморошьей речи — общий смысл всего сказанного критиками приоткрывается только в конце. Оказывается, что «правильная» персонология, в отличие от «неправильной» персонологии (с которой так яростно, бескомпромиссно, беспощадно борются авторы статьи), **«уже существует».**

И автором, точнее, соавтором, прорабом и провозвестником этой «правильной», единственно верной

персонологии является — догадывае-
 тесь кто? — сам создатель разоблачи-
 тельной статьи-памфлета, давний
 наш коллега по цеху, человекоцент-
 рированный терапевт, Александр
 Борисович Орлов. «Персонология
 возможна (более того, она реально
 существует) в рамках и экзистенци-
 ального (как “персонология”), и
 человекоцентрированного (как “ста-
 новление человека”) подходов»
 (Орлов, Орлова, 2015, с. 24). Вот
 это — «настоящая» персонология, а не
 какой-нибудь «кадавр», рожденный в
 «алхимической реторте» где-то
 рядом, за соседним столом.

Надеемся, читатели дошли до
 конца статьи Александра Борисо-
 вича Орлова и Наталии Александр-
 овы Орловой. И как не дочитать?
 Игриво, задиристо, мрачновато, но
 забавно. Мы, будучи объектом кри-
 тики, иногда сами читали-зачитыва-
 лись! Захватывает, как сказка. Хотя
 порой страшновато. Юная особа в
 лоскутном наряде, Скелет, выверну-
 тое Нутро, Голый король, Персоны,
 Тени, Зародыши — все это рвется за
 стол высокородных наук, где воссе-
 дают, конечно, и наши оппоненты.
 Интригует. Волнует. Лихо заверче-
 но!

*Назад, в пионерское детство!
 Диспут о главном*

...А кроме того, совершенно новый
 жанр в науке — *диспут*. Это вам не
 какая-нибудь скучноватая дискус-
 сия, мусолящая аргументы сторон, —
 это диспут, вызывающий у тех, кто
 вырос в годы застоя, ностальгиче-
 ские воспоминания о пионерском
 лагерном детстве, жарких спорах о
 главном, страшилках на ночь...

*Спор у костра: персонология
 «правильная» и... «неправильная»*

Итак, все начинается с гамлетов-
 ского вопроса: «персонология: быть
 или не быть?». Однако потом тема
 диспута трансформируется. И когда
 под утро отзвучат разоблачительные
 речи, то выяснится, что диспутанты
 — по ту сторону костра, так же, как и
 мы — по эту, несколько не сомне-
 ваются: персонологии — быть! Но
 только окажется, что есть «правиль-
 ная» персонология, защищаемая
ими, и «неправильная», развиваемая
нами.

Кто же прав? Такова тема, предла-
 гаемая диспутантами.

*Парадокс импликации:
 «если..., то...»*

Начнем с небольшого сюжета, не
 имеющего прямого отношения к
 теме. Речь пойдет о логике (не с
 большой буквы, как у диспутантов,
 с лорнетом), — о логике математиче-
 ской. Есть в математической логике
 такая операция по имени материаль-
 ная импликация, которая по смыслу
 соответствует, хотя и не в полной
 мере, отношению следования: «если...,
 то...». К парадоксам материальной
 импликации относится следующий:
 «Из лжи следует всё». Например,
 «Если сегодня 31 февраля, то завтра
 будет понедельник» (возможно,
 будет понедельник, а может быть
 какой-то другой день недели, но
 высказывание считается в обоих слу-
 чаях истинным) или «Если сегодня
 31 февраля, то завтра будет вчера»
 (вывод нелеп, но высказывание в
 целом является истинным). Столь
 же истинным будет высказывание:

«Если вода — мед, то карась — акула» и т.п. В связи с парадоксом импликации вспоминается шуточный комментарий из книги Дж. Литлвуда «Математическая смесь»: «“X нашел, что в этих условиях возникают гравитационные волны; однако есть предположение, что в работе содержится ошибка”. Ясно, что *всякая* ошибка порождает гравитационные волны» (Литлвуд, 1979, с. 49). Словом, легко внушить появление таких волн, если в чьих-то рассуждениях есть ошибка или кто-то основывается на ошибочных допущениях.

Видимо, исходя из парадоксальных представлений, оппоненты (намеренно или по недоразумению) приписывают нам ошибки, а также сами ошибаются в интерпретации наших позиций, что должно создать «гравитационные волны», искривляющие наши идеи и концепции, а также формирующие негативные установки у читателей.

Персонологам, в отличие от физиков, неизвестно, что происходит в глубине материи, когда гравитационные волны, рожденные ошибками теоретиков, соприкасаются с реальностью. Но на примере наших коллег мы видим, как может искривляться

пространство общения, деформироваться линии взаимопонимания, когда люди, вступающие в полемику, искажают взгляды партнеров, не хотят или не способны понять друг друга.

Платон мне друг, но истина дороже. Ты не согласен? Вот тебе...

Особенно грустно, когда нас не понимают те, кто «по дружбе»¹, «по жизни», «по пройденному пути», а главное, по сути занимаемой профессиональной позиции могли бы и понять. Их профессиональная позиция заявлена в названии полемической статьи. Нам было удивительно прочесть, что статья посвящена, как мы уже говорили, «*человекоцентрированному подходу к общей персонологии*». По мере чтения это удивление возрастало: какие странные формы приобретает «человекоцентрированный подход», когда его озвучивают голоса таких методологов, как А.Б. Орлов и Н.А. Орлова!

Ведь человекоцентрированные терапевты, последователи великого Роджерса, в нашем представлении, исповедуют принципы понимания и принятия.

¹ «Платон мне друг...» — цитируют А.Б. Орлов и Н.А. Орлова Марина Лютера. Фактический автор высказывания — Платон — стал одновременно и его «героем». Способны ли наши критики взглянуть критически на свою собственную, заявленную с таким пафосом и категоричностью позицию? С Александром Борисовичем Орловым мы сотрудничаем много лет (В.А. Петровский сотрудничает с 1995 г., почти 20 лет, Е.Б. Старовойтенко — с 2004-го, 10 лет). Срок немалый. Поэтому и эпиграф, приведенный в статье А.Б. Орлова и Н.А. Орловой, «Платон мне друг...» — не случаен. Однако тон полемики — нас это поразило! — столь недружествен, что эти слова о дружбе и истине, вытканые на знамени нашего иступленно политизированного времени, цитируемые коллегами, с изнанки выглядят куда менее патетично; ну, скажем, так: «Платон мне друг, но истина дороже... Ты не согласен? Вот тебе... за это!» (напрашивается дружная рифма, но компьютер подчеркивает это слово красным).

Рассмотрим, насколько удаются диспутантам *понимание* и *принятие*. Начнем с «*понимания*». О «*принятии*» – позже.

Непонимание без принятия

Назовем три фундаментальных заблуждения оппонентов. Именно эти заблуждения имплицитно «гравитационные поля», а те, в свою очередь, искривляют пространство дискуссии по поводу персонологии.

Ошибка № 1: трактовка научного статуса общей персонологии

...Общая персонология, или, как ее определяют В.А. Петровский и Е.Б. Старовойтенко, «наука личности», не является «новой наукой», и тем более «наукой наук» «в благородном семействе наук», как ошибочно думают оппоненты. Говоря о науке личности, мы тем самым маркируем некоторый подход в разработке проблем психологии личности. «Общая персонология» есть «методология междисциплинарного синтеза, сфокусированного на проблеме личности» (Википедия), «особое направление в психологии» (Петровский, 2012). Стоит ли здесь пояснять разницу между терминами «наука», «методология», «научное направление», «научная дисциплина»? Мы думаем, люди, уровня научной квалификации А.Б. Орлова и Н.А. Орловой, не нуждаются в дополни-

тельных разъяснениях. Но при этом оппоненты почему-то пытаются навязать нам (и читателям) свое фантастическое видение нашего подхода, приписывая нам непомерные претензии на создание Вселенской Науки, призванной объединить всё и вся.

Замечают ли наши оппоненты разницу между чьей-либо претензией на создание Новой Науки, которая бы возвышалась над физикой, математикой, биологией, социологией, экономикой, культурологией, а также многочисленными психопрактиками (среди которых, о ужас, пестуемый ими и уважаемый нами «человекоцентрированный подход»), и построением новой психологической дисциплины, ставящей перед собой *выполнимую* задачу противостоять распаду психологии личности на три независимые области? О существовании таких процессов давно известно отечественным психологам (Ф.Е. Василюк, например, говорит, о «схизисе» академической и практической психологии личности, и это очень точное слово!). Мы говорим о диссоциации теоретико-эмпирических, культурно-герменевтических и психопрактических разработок, ставя задачей интеграцию этих областей психологии.

Но если разница, о которой мы говорим, незаметна, то просим оппонентов еще раз перечитать наши статьи и книги, уже вами процитированные, а также, может быть, выпавшие из поля внимания².

² Сфокусировав внимание на одной из наших публикаций, А.Б. Орлов и Н.А. Орлова пишут: «...в качестве основного источника и наиболее полного изложения концепции общей персонологии [будем] ссылаться преимущественно на данную публикацию» (Орлов, Орлова, 2015, с. 9). Это, на наш взгляд, причина некоторой шаткости построений, предложенных критиками.

Среди них, например, — работы В.А. Петровского, посвященные общей персонологии, его публикации в соавторстве с А.В. Петровским и М.Г. Ярошевским, ряд его собственных книг, освещающих истоки и пути разработки «науки личности» как особого направления в психологии. А также — убедительная просьба! — более внимательно прочитать работы Е.Б. Старовойтенко.

Подчеркиваем: ни Е.Б. Старовойтенко, ни В.А. Петровский, говоря о «новой персонологии», никогда и нигде не позиционировали ее как **«новую науку»**, якобы противопоставляющую себя другим наукам и тем более претендующую на особую роль в кругу этих наук (как рисуется диспутантам). Мы вполне отдавали себе отчет в том, что новизна персонологии проступает в *контексте* человекознания, педагогической антропологии и социальной практики, «оконтуривающих» ее особый предмет (Петровский, 2003, с. 21); и когда Е.Б. Старовойтенко позиционирует «новую персонологию», она укореняет ее в интегративном подходе, релевантном тенденциям в современной психологии (Старовойтенко, 2012а). При этом «по нескромности» мы *не утаивали* от читателей тот факт, что нам хотелось бы видеть общую персонологию инструментом активного участия в жизни культуры, — не только внутри психологии,

но и *за ее пределами*, хотелось бы участвовать в междисциплинарных исследованиях, раскрывающих новые аспекты бытия личности.

Не беспокойтесь, дело вполне поправимое! Из советов Ходжи

Однако, глубокоуважаемые диспутанты, если наши амбиции могут задеть амбиции кого-то еще (о вашей идее «психозойской эры» на могиле классической психологии мы еще поговорим), то это, господа, дело вполне поправимое, — воспользуйтесь советом Ходжи Насреддина: постарайтесь не думать о непомерных притязаниях коллег, если, конечно, сможете!

Историческая справка

Уже в первых публикациях, посвященных общей персонологии, различаются два уровня персонологических построений: персонология общая и персонология частная. В составе «общей персонологии» оформляются принципы интеграции практической и теоретической деятельности психологов, в частности, критерии ценности достижений фундаментальной науки как источника динамизации психологической практики. На ранних этапах становления проекта «общей персонологии» в работах В.А. Петровского еще не

Вызывает сомнение то, что качественный текст, полный при этом негативных оценок в адрес проекта, разрабатываемого нами два с половиной десятка лет, можно написать, основываясь на незначительном числе статей Е.Б. Старовойтенко и одной статье В.А. Петровского. За годы исследовательской работы в персонологическом формате мы опубликовали не менее четырех десятков научных трудов, в том числе 5 монографий. По-видимому, критике подвергается то, что, как ни печально, глубоко не проработано, не понято, изначально отвергнуто.

выделялось особое — *герменевтическое* — направление в персонологии (появлением этого направления разработки общей персонологии В.А. Петровский обязан встрече с Е.Б. Старовойтенко), однако весьма подробно рассматривались принципы тестирования научных фактов как инструментов психологического консультирования (нетривиальность, информативность, экзистенциальная значимость и др.); предлагались также способы оценки их общей персонологической ценности³.

Кроме того, в более поздних работах того же автора рассматривались условия «персонологического поворота» категориального строя психологии к задачам психологического консультирования личности (категориальный строй психологии содержит в себе кластеры и плеяды категорий психосферы, подчиненные особой логике организации).

Е.Б. Старовойтенко, независимо от В.А. Петровского, разрабатывала персонологический подход, рассматривая условия синтеза культурной (герменевтической) и фундаментальной психологии личности (Старовойтенко, 2004, 2007).

В выступлении В.А. Петровского «Постнеклассическая персонология» на V съезде Российского психологического общества 14–18 февраля 2012 г. в Москве и в цитируемой оппонентами статье В.А. Петровского и Е.Б. Старовойтенко «Наука личности: четыре проекта общей персонологии» (Петровский, Старо-

войтенко, 2012), а также в статье «Персонология» в Википедии (подготовленной А.Н. Исаевой) персонология определяется как методология синтеза теории — герменевтики — практики, центрированных на личности.

Треугольник синтеза

В этом контексте формируется «треугольник синтеза» (см. рисунок 1), вершины которого образуют классическая (теоретико-экспериментальная) психология личности, культурная психология личности и практическая психология личности (психологическое консультирование, коучинг, медиация и пр.). Подчеркивается также неотчуждаемый характер субъекта психологического познания от постановки и решения любых психологических проблем, посвященных личности.

Кто ж сомневался?

Обсуждая наше понимание вершин этого треугольника, оппоненты настаивают на том, что мы «весьма “штрихпунктирно” подошли к проблеме [их] различий, которые являются вовсе не досадным атавизмом прошлого, а неотъемлемым “модусом вивенди” самого интегрируемого <...> материала» (Орлов, Орлова, 2015, с. 10).

Встречаясь с этой оценкой, мы вправе задать оппонентам вопрос на понимание (*ими — нас*): «Разве для вас не очевидны различия между

³ Этот важный для нас аспект построения общей персонологии вообще не замечен критиками, как не замечены идея двухъярусности построения персонологического знания и многое другое.

Рисунок 1

теоретической, герменевтической и практической составляющими психологии личности?»

Порог различения слишком высок?

Впрочем, авторов критического очерка, как нам кажется, больше волнуют не столько различия *между* вершинами треугольника, сколько различия между контентом⁴ *внутри* вершин и сопутствующие различия при переходе от одной вершины к другой. Именно в этой связи мы специально акцентировали, как бы «прорисовывали», эти различия на примере категорий «психика», «личность», «деятельность», «общение», «развитие личности», «состоятельность» в *мультисубъектной персонологии* (В.А.

Петровский) и некоторых других течениях психологии личности, и в частности *человекоцентрированном подходе*. Нам были весьма интересны импликации, определяемые различиями, — а вдруг и оппоненты всерьез заинтересуются различиями, о которых было сказано в наших статьях (см. Петровский, Старовойтенко, 2012, с. 25–26). Но как быть, если эти различия в упор не видят? Что делать, если для оппонентов они вовсе неразличимы? А что если порог различения слишком высок?

*Образец «понимающего»
цитирования*

Чтобы понять, насколько «аккуратны», насколько «бережны» наши

⁴ Трудное для понимания (диспутантами) слово комментируется на с. 49–50 настоящей статьи.

человекоцентрированные психопрактики в обращениях с текстами других авторов, приведем сначала фрагмент из «цитируемой» критикой статьи Е.Б. Старовойтенко (2012а, с. 61): «Слово “логос” (“logos”) в именовании новой персонологии может означать движение к синтезу идей, фактов, методов и практик в процессе познания личности, релевантном интегральному характеру данной науки. Речь идет о соединении значений категории “познание”, найденных в динамике многовековой культурной истории обретения человеком истины в Боге, духе, мире и самом себе». Диспутанты, А.Б. Орлов и Н.А. Орлова, «пересказывают» этот фрагмент следующим образом: «Персонология есть обретение человеком истины “в Боге, в духе, в мире и самом себе»» (Орлов, Орлова, 2015, с. 10). Внимательно прочитав эту, так сказать, «выдержку» из статьи, ошарашенный читатель приходит к недвусмысленному выводу, что Елена Борисовна, а вслед за ней и Вадим Артурович, очевидно, сошли с ума и, страдая манией величия, тащат за собой в сумасшествие психически неустойчивых психологов, настаивая на том, что персонология, подобно молитве, воссоединяет человека с

Богом, — будто она способна дать веру неверующим, побудить их уверовать в Бога, душу и себя — мать всех страждущих и алчущих духовного примирения с собой...⁵

«Вытеснение»? «Котинг»? «Злой умысел»? Или «просто» непонимание?

Вот и решайте, дорогие читатели: распространяемые вовне ложные установки диспутантов⁶ — результат намеренного искажения фактов или, может быть, просто недогляд в восприятии текста? Предпочли бы считать, что ошибки интерпретации, допускаемые оппонентами, основаны на том, что они «просто не понимают» сути нашей работы, а не на стремлении всеми силами не разглядеть позицию критикуемых авторов. Предпочли бы считать, что А.Б. Орлов и Н.А. Орлова не специально, не злонамеренно передергивают наши высказывания, но «просто» бессознательно вытесняют из поля собственного видения то, что противоречит их раздраженно-критической установке (ведь так бывает с теми, кого мы консультируем как практикующие психологи, и в этом нет ничего особенно: таков путь психологических защит от травмирующих стимулов...).

⁵ «Подозрение», возникшее у диспутантов (в связи с чтением наших работ), что мы грезим «о новом человечестве», действительно, «имеет под собой основание». Имя этого основания хорошо известно из психоанализа: проекция. См. заключительный раздел нашей статьи (провозглашение А.Б. Орловым психозойской эры на тризне больших похорон «старой» психологии).

⁶ Мы не называем эти установки источником бреда, так как «бред» — это специфически клинический термин; кроме того, человекоцентрированные терапевты — противники диагностики, и в этом мы готовы последовать за ними, но когда объектом их анализа становятся чужие работы, то на месте диагностических ярлыков мы видим используемые оппонентами этически некорректные эпитеты и сравнения.

Подскажите, коллеги: кого, кроме вас и Сергея Леонидовича, процитировать?

Отметим важное обстоятельство, вызывающее возмущение у наших критиков. Это – отсутствие «системного упоминания (что это?! – В.Л., Е.С.) ведущих отечественных психологов, кроме С.Л. Рубинштейна» (речь идет о статье, посвященной четырем проектам общей персонологии). Поясним оппонентам, что для нас «новая персонология» – это не готовая всеобъемлющая наука, а способ мышления, формат познания, логика работы с текстами и написания авторских текстов, путь к достижению многоплановой результативности в теоретических и эмпирических исследованиях личности. В нашей общей статье мы предварительно очертили возможный формат персонологических исследований, а в других работах изложили результаты авторских исследований, посвященных конкретным проблемам изучения личности и выполненных в соответствии с данным форматом. В связи с этим вопрос к оппонентам: как вы думаете, в наших монографиях и статьях есть только один цитируемый автор? Может быть, два или три? И этим все исчерпывается? А rigoros, «обширность» библиографии отзыва наших оппонентов обеспечивается в основном перечнем их собственных трудов.

«Ох-парафраза». Есть, впрочем, что-то, напоминающее умение человекоцентрированных терапевтов-теоретиков в лице А.Б. Орлова и Н.А. Орловой использовать техники *понимания* партнеров. Это – парафразирование высказываний последних.

Напомним, что техники парафразирования в диалоге многообразны, и среди них есть прием «эхо-парафраза», когда терапевт в точности повторяет фрагмент сказанного собеседником. Специфика использования этой техники нашими оппонентами состоит в том, что «эхо» есть, а источник высказывания и его изначальное содержание стираются в памяти или испаряются из текста («ох-парафраза»).

Напомним: «общая персонология» и «персонология частная»

Уже в первых публикациях В.А. Петровского, посвященных разработке «науки личности», обозначены два уровня персонологических построений: *персонология общая* и *персонология частная*. Если не различать эти уровни, то может сформироваться ложное убеждение, что персонологи одержимы стремлением подмять под себя без разбору *всю* культуру, *всю* теорию, *всю* психологическую практику (именно этот образ персонолога-окупанта пытаются внушить читателям наши критики, но такие представления совершенно неадекватны сути наших проектов).

Общая персонология, в варианте В.А. Петровского и Е.Б. Старовойтенко, строит и реализует методологию синтеза фундаментального, практического и герменевтического подходов к изучению существенных аспектов личности, исследует условия этого синтеза (критерии и способы оценки нетривиальности научных фактов, экзистенциальной значимости уникальных событий жизни, логики категориальных синтезов «в

повороте» к герменевтике и практике и т.д.); создает схемы возвращения людям знаний о них, полученных в эмпирических исследованиях, текстах культуры, экспериментах («модели расширенной рефлексии» и т.д.).

В процессе становления «общей персонологии» развиваются **частные** персонологические построения, имеющие интегральный формат. Мы уже упоминали здесь, а в совместной статье рассматривали, одну из таких особенных (авторских) персонологий — *мультисубъектную персонологию* (Петровский, 2004, 2010; Петровский, Старовойтенко, 2012). Само собой разумеется, частные разработки подразумевают личные

предпочтения авторов; ориентирами персонологических синтезов в каждом конкретном случае могут быть различные теоретические установки, мировоззренческие представления, формы практикования. Конечно, только внутри авторских персонологических систем может быть осуществлен искомый синтез. Каждый, кто мог бы сказать о себе — «персонолог», пребывает, прежде всего, в своем дискурсе, объединяющем его с теми, кого он считает своим сподвижником или оппонентом⁷. Наши критики, судя по всему, разделяют этот взгляд, так же, как и мы, полагая, что «в единую концептуальную систему могут быть интегрированы

⁷ Мы, разумеется, не ждем от коллег использования слова «персонология» в описании своих разработок. Но это не мешает нам видеть, как укрепляется персонологическая парадигма, символизируемая треугольником «Теория — Герменевтика — Практика» (а точнее пирамидой, включающей в себя вершину «Самополагания» психолога). Мы знаем работы коллег, в которых теория, герменевтика, психологическое консультирование выступают в единстве, поддерживая друг друга, и, как иногда говорил С.Л. Рубинштейн, «проникая друг в друга». Например, в *понимающей психотерапии* Ф.Е. Василюка мы находим образцы синтеза категорий классической психологии («деятельность», «отношение», «установка»), текстов культуры (анализ переживания Родионом Раскольниковым своего преступления) и филигранно разработанных техник работы с консультируемыми (в последние годы под руководством Ф.Е. Василюка проводятся изящные эмпирические исследования, фиксирующие эффекты терапевтических техник общения). Нам, как персонологам, близки разработки, выполненные в рамках рефлексивно-деятельностного подхода (В.К. Зарецкий и его сотрудники), рефлексивной психологии (В.А. Лефевр, Н.Г. Алексеев, И.Н. Семенов), экологической психологии (В.И. Панов), «психологии субъективности» (В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев) и др.

Общая персонология и ее частные (авторские) персонологические реализации обязаны своим возникновением традициям российской философской, психологической, культурологической мысли, начало которым были положены в трудах А.А. Ухтомского, Г.Г. Шпета, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, М.М. Бахтина, К.С. Станиславского, М. Чехова, Б.Л. Пастернака, О.Э. Мандельштама, М.К. Мамардашвили, В.П. Зинченко и др. Интенция синтеза идей этих выдающихся теоретиков, деятелей культуры, практиков уже названа: «культурно-деятельностный конструктивизм» (А.Г. Асмолов). Возможность реализации этого подхода должна быть осмыслена под углом зрения синтеза категорий, ценностей, техник, сфокусированных на личности человека, позволяющих личности быть, состояться, оставить свой след на земле. «Механизм синтеза», на наш взгляд, — общая персонология во всем многообразии автор-

весьма разнородные понятия личности и сущности, персоны и тени, маски и лика, персонализации и персонификации, индивидуализации и индивидуации, диалога и триалога»⁸ (Орлов, Орлова, 2015, с. 24). Почему же они закрывают глаза на сходство позиций?

Смутная догадка: может быть, оппоненты просто не знают наших работ, где соотносятся *общая* персонология и *персонология частная*? В этом случае — полезная информация к размышлению: помимо упомянутой здесь *мульти-subъектной персонологии* (В.А. Петровский), разрабатываются модели *культурной персонологии* и *персонологии жизни* (Е.Б. Старовойтенко), *персонологии Я* (совместные разработки В.А. Петровского, Е.Б. Старовойтенко и их сотрудников); Д.А. Леонтьев описывает «контуры новой персонологии» («возможностной») (Леонтьев, 2011).

Активное слушание versus активное скусание

Прочитав критический отзыв А.Б. Орлова и Н.А. Орловой, мы, как уже было сказано, узнали, что есть одна самодостаточная «персонология», в перспективе — *новая персонология* (в интерпретации А.Б. Орлова и Н.А. Орловой), которая до сих пор не была нами замече-

на и достойным образом оценена. К ней причастны труды самого А.Б. Орлова и его коллег; она-то и противостоит *нашей*. Обращаясь к широкой психологической обществу, они пишут: «Ни понятие “персона”, ни понятие “перзон”, ни понятие “личность”, ни даже понятие “субъект” неадекватны в силу узости своего объема амбициозным замыслам авторов. Существует лишь одно понятие, соразмерное “персонологическому повороту”, и это понятие — “человек”. Другими словами, все четыре проекта авторов могут вместиться исключительно и только в человекоцентрированную парадигму. Следует лишь озвучить секрет Полишинеля: такая “персонология” уже существует более полувека как парадигма “*becoming of the person*” (Орлов, 2002в; Роджерс, 1994), и именно эта научная парадигма *становления человека* является “*наукой человека — о человеке — для человека — во имя человека*» (Орлов, Орлова, 2015, с. 25).

Итак, наши радикально настроенные диспутанты готовы считать себя персонологами, заключая это слово в кавычки и присваивая попутно наше описание персонологии. Замечательно! Но вопрос заключается в том, насколько естественно для них, обращаясь к личности человека (человеку как личности), ощущать и

ских решений, образующих единство, но, конечно, не тождество (о чем и шла речь в докладе В.А. Петровского «Постнеклассическая персонология» на V съезде Российского психологического общества (2012) в работе секции культурно-деятельностного конструктивизма.)

⁸ Хорошо, что авторы все-таки признают возможность синтеза «весьма разнородных понятий», а то ведь какой удручающий скептицизм! Впрочем, дальше мы убеждаемся в том, что эта радужная перспектива достижима в условиях жесткой конкурентной борьбы на выживание с другими персонологическими системами.

позиционировать себя в поле науки, контексте культуры, потоке практики, актах самополагания, связывая воедино четыре вершины персонологии.

Начнем с последнего: *самополагание*. У самих диспутантов нет сомнения в том, что они (и только они) — истинные представители становящейся *новой персонологии* (в нарушение принципов человекоцентрированного подхода, диспутанты почти советуют, как нам построить эту систему). Итак, примем, что они персонологи, и рассмотрим их под углом зрения формулируемых нами критериев. Диспутантам кажется, что их отличает от нас то обстоятельство, что они персонологи «правильные», а мы — «неправильные». По их мнению, у соавторов «четырех проектов» колоссальные притязания, сами же оппоненты манией величия не страдают. Но вот что в действительности пишут наши критики, предварительно вдохновившись поддержкой Методологии, Логики, Гносеологии, Науковедения, Герменевтики, Лингвистики и проявляя завидную скромность:

«...Если ученые — психологи и психотерапевты, культурологи и логики, философы и социологи, прочие специалисты в гуманитарных, социальных и естественных науках и даже персонологи — в светлом будущем не возьмут на себя ответственность за разрешение хотя бы тех противоречий, которые мы предложили вашему вниманию, сама персонология с этим не справится. **Этот наш дискурс можно считать первым вкладом в великое дело построения**

новой персонологии, ведь как корабль назовешь — так он и поплывет, как фундамент заложишь — так и здание стоять будет» (Орлов, Орлова, 2015, с. 23; выделено нами — В.П., Е.С.

Пожалуй, по критерию «самополагания» человекоцентрированные авторы — безупречные персонологи. Они, в отличие от нас, ни за что не посадят корабль на мель, не пропоят его рифами неразрешимых противоречий. Они — конструкторы, капитаны, лоцманы, боцманы, матросы, заведующие кухней, сервировщики стола «правильного» корабля персонологии. И мы видим: если этот корабль до сих пор не поплыл, то вскорости поплывет обязательно...

Практика... Тут все безупречно. «Понимание и принятие», «безоценочность и конгруэнтность», «безусловно позитивное отношение к людям»⁹ — все это не вызывает сомнений. Читатель мог сам убедиться в этом, прочитав их «безоценочную» статью, посвященную взглядам коллег. Если у кого-то еще остаются сомнения, то мы к ним еще вернемся.

Погруженность в культуру... Тут появляются некоторые сложности. Авторы «проникающего взгляда» на общую персонологию пишут: «Персонология невозможна как синтез, интеграция разных культур, но она возможна (более того, она реально существует) как синтез, интеграция понятий внутри русскоязычной культуры. Так, в европейской культуре уже существует пестрый букет персонологий» (Орлов, Орлова, 2015, с. 24). В нашей культуре, по мнению оппонентов, давно существует «пер-

⁹ Ко всем людям вообще, а не только к клиентам.

сонология», построенная в человекоцентрированной парадигме.

Но как это соотносить с утверждением А.Б. Орлова, что гуманистическая психология как таковая в ее наиболее рафинированных формах является всего лишь экзотерическим проявлением очень древнего эзотерического психологического знания, эволюционирующего в русле суфистской традиции; как примирить этот пафос «евроинтеграции» суфистской культуры с тем скептицизмом, который сквозит в оценке возможностей интеграции Восточной и Западной культур, высказанной нашими оппонентами в их статье? Разница между «Евросуфизмом» и «Евромайданом» бьет в глаза. Речь суфия, по свидетельству Низами, «невозможно передать ни одним из известных языков. Под языком поэта лежит ключ к Сокровищнице. Пророк и поэт – это ядро, все остальное скорлупа». Пророческие утверждения и воззвания носителей «новой науки» – «человекоцентрированной психопрактики» – кажутся нам слабо осуществимыми в свете собственных сомнений А.Б. Орлова, «поддерживаемого» сквозь века Низами.

Теория... Тут грядущая «общая персонология», в варианте Орловых, явно не в дружбе с нашей... Ведь А.Б. Орлов, с момента выхода своей книги (Орлов, 1995б), не ставил под сомнение собственный тезис, состоящий в неизбежности (и исторической

оправданности) радикального изменения и пересмотра «позиционных взаимоотношений» между теорией (логосом) и эмпирией (практикой) в самой психологической науке, в преобразовании их позитивистского (с точки зрения здравого смысла) соотношения. Альтернативу традиционной научной психологии составляет складывающаяся в современной практической психологии... новая наука – психопрактика, «иду-щая на смену психологии» (цитируемый автор, проявляющий трепетное отношение к слову как таковому, играющий *декомпозицией* терминов и особенно озабоченный строением слова «персоно-логия», не замечает, что «психопрактика» для него – «наука»)¹⁰. Кроме того, автор цитируемого произведения пишет, что в составе психопрактики «теория (миф) создается и существует только и исключительно для того, чтобы порождать и обслуживать практику» (Там же, с. 254).

Суммируя все сказанное, мы приходим к выводу, что определяющие интенции построения общей персонологии (и ее частных форм), выделяемые нами, расходятся с представлениями о персонологии, общей и частной, наших критиков и не соответствуют вольному толкованию ими наших взглядов. Разработки оппонентов в русле человекоцентрированного подхода нельзя рассматривать как образец построения некоей «истинной» персонологии.

¹⁰ Т.е. в полной форме это звучало бы «психо-практи-о-логия», так что от Логоса, как не крути, никуда не спасешься!.. Но все-таки обсуждаемый термин, при всей его, казалось бы, безупречности, не совсем годится – из-за звучания, ассоциативно уводящего далеко в сторону от главного предмета заботы.

В связи с этим мы не можем принять поучения наших коллег, «с чего начать», «что делать» и «как нам организовать» деятельность по созданию «правильной персонологии». Впрочем, урок интересный: «человекоцентрированные психопрактики *советов не дают*, но они просто ставят себя в пример (об этом дальше).

Ошибка № 2: трактовка «личности» — центральной категории персонологии

В страшном сне авторам «четырёх проектов персонологии» не явилась бы идея отождествить юнгианскую «персону» и личность. Между тем многие годы подряд один из наших критиков, А.Б. Орлов, замечая в словах, описывающих личность, морфему «персоно-», приписывает этой части слова юнгианский смысл, прочитывая ее как «маску», «социальную роль». Первоначально это специфическое толкование касалось слова «персонализация» (легко же было критиковать концепцию персонализации, призывая читателей механически подставить на место «персоно-» юнгианскую маску!).

Теперь — та же уловка проделывается с термином «персонология». Оппоненты разлагают слово «персонология» на две части: «персоно-» и «-логия». Дальше примеривают пер-

вую часть этого слова, «персоно-», на юнгианское понятие «персона» («маска») и, отмечая фонетическое соответствие между ними, приписывают нам отождествление смыслов того и другого.

«Личность»:

отнюдь не «маска», не «роль»...

Диспутанты как бы и не догадываются, что слово «персона» в русской традиции значит иное, чем в латинской, хотя в обеих оно имеет несколько значений (что тоже немаловажно в нашем анализе).

В *латинском* языке *первое значение* слова «персона» — это маска актера, второе — роль; затем — роль в жизни и, наконец, «лицо», «личность», «индивидуальность», «характер» (обнаруживаемый в образе действий) и др.

В *русском* языке *на первое место* выходят такие значения этого слова, как «особа» и «личность», среди синонимов этого слова фигурируют «человек», «субъект», «лицо»; слово «маска» вообще не фигурирует, если, конечно, исключить приводимую в психологических словарях юнгианскую трактовку «персоны» как маски¹¹.

Для русскоязычной традиции *персона* — человек, рассматриваемый со стороны таких особенностей его

¹¹ Похвально, что авторы в своих саркастических измышлениях все-таки воздержались от использования еще одного значения слова «персона», приводимого в Википедии («Персона» — это «тип российских разведывательных спутников»), хотя политизированное сознание наших диспутантов от человекоцентрированного подхода вполне могло бы отнести «персонологию» к системе шпионажа в пользу России... А почему бы и нет, ведь Россия, на их утонченный взгляд, в советские времена пропагандировала те же идеи, что и фашистская Германия (цитируем: «...в отечественной психологии (и не только) личность чаще всего определяется как социальное

индивидуальности, которые значимы (обладают важностью) для других людей и столь же — в его собственных глазах. Персона — человек, отнюдь не обезличенный ролью; он *может* рассматриваться как носитель роли, которую он реализует как влиятельное *лицо*.

А.Б. Орлов и Н.А. Орлова, похоже, знают только одно значение слова «персона»...¹²

*Эти «бесчеловечные»
персонологи!...*

Систематическая ошибка критиков в понимании наших взглядов на личность приводит к интересным следствиям (напомним, «ложные послышки имплицитно все что угодно»). Так, в *аннотации* к своей статье диспутанты пишут, что, мол, эти «бесчеловечные» персонологи, Петровский и Старовойтенко, допускают «редукцию человека до личности, а личности до персоны».

Ну зачем же так, коллеги? Разве это *мы* редуцируем личность до персоны, а человека до личности? В нашем понимании (игнорируемом оппонентами или обладающем «неподъемным» контентом), *личность* — «индивидуальная душевно-духовная сущность человека в ее жизненном осуществлении, а также в данности и недоступности миру, другим, себе. Необходимыми моментами, определяющими полноту и целостность персонологического понимания личности, выступают ее индивидуальная жизнь и сознание, самопричинность и саморазвитие, самопознание и самовыражение, отношение и творчество, диалог и бытие-в-другом, произведенные изменения в бытии и преодоление чужеродности внешнего мира, аутентичность и воплощенность. Все эти моменты должны раскрываться через развивающие, противоречивые, разделяющие и гармонизирующие отношения друг с другом, образуя единую

образование», имеющее «некоторую физическую<...> подоплеку»; «в расистских построениях фашистской персонологии эта подоплека вышла на первый план, и «арийская личность» получила безграничное господство над «неарийской личностью»» (Орлов, Орлова, 2015, с. 16). Интересная параллель, не правда ли? «Гуманистическая парадигма» на марше?

¹² Эта подмена, ложное отождествление «персона» — «социальная маска», дающая повод критиковать концепцию персонализации, предложенную В.А. Петровским, встречалась у А.Б. Орлова и прежде (докторская диссертация). Мы уже отмечали обоснованность этой критики; она была основана на чисто словесной игре, бросая тень на большое число теоретико-экспериментальных исследований, выполненных под руководством А.В. Петровского и В.А. Петровского (они четко определяли этот термин и рассматривали его как ключевой в разработке своих теоретических взглядов). Хотелось бы достичь понимания со стороны оппонента, А.Б. Орлова, того несомненно факта, что есть авторы, для которых морфема «персоно-» может означать что-то иное, чем «древнегреческая маска» или «старорусская накладная харя». Что же нам делать, как убедить Александра Борисовича и его соавтора, Наталию Александровну Орлову, что «персонология» — это не «маскология», что «потребность и способность к персонализации» не означает готовности человека напялить на себя накладную харю (как, вероятно, это представляется уважаемым оппонентам)?

модель *личностного способа существования* человека» (Петровский, Старовойтенко, 2012, с. 27). И, на наш взгляд, *человек* есть нечто большее, чем индивидуальная личность: для нас человек — это личность, «расширенная» в мир других, пребывающая в единстве с другими; это общность с другими личностями, «личность в любви», всеобщее «Я», подлинная человечность в человеке (Петровский, 2013, с. 449–454).

Итак, коллеги, именно *вы* неправомерно сводите «личность» к «персоне» (в значении «маска», что резко противоречит нашим и общепринятым представлениям, зато соответствует вашим), а человека — к личности (в вашем, сугубо личном представлении), упуская собственно «человеческое в человеке». Не стоило бы вам, господа, упоминать о редукции, а то ведь кто-нибудь возьмет и сравнит наши тексты¹³.

Эмпатическое слушание и снисхождение

Сначала о «слушании». Забавно, но А.Б. Орлов и Н.А. Орлова на сто

процентов уверены в том, что персологам, в лице В.А. Петровского и Е.Б. Старовойтенко, при всей их, как рисуется критикам, наивности, как-то неловко сводить личность к юнгианской «персоне». Так, неожиданно проявляя эмпатию к нам, как бы «вчувствовавшись» в раздражающий их текст, оппоненты пишут: «Чувствуя узость (!!!) ключевого понятия, выбранного ими же самими (т.е. *нами*, а не критиками. — В.П., Е.С.), наши авторы обращаются к персональному экзистенциальному анализу А. Лэнгле...» (Орлов, Орлова, 2015, с. 16).

Заглянув, как пишут диспутанты, «в нутро», т.е., говоря научным языком, осуществив *эмпатическое слушание*, «вчувствование», они считают, что мы нуждаемся в понятии «перзон» (и ряде других, называемых ими), чтобы восполнить пробелы в якобы «суженной» нами (а не самими критиками) трактовке личности¹⁴. Этот порыв к человеческому пониманию нас, авторов «бессистемной» и «бесчеловечной» персологии, вызывает ответные чувства, однако размеры полей, увы, не позволяют нам выразить их...

¹³ Недоумение у оппонентов вызывает также *слово* персолология (= «персоно-логия»). Усердная деконструкция оппонентами наших текстов ведет к тому, что они в конце концов не могут увидеть ни их логики, ни их целостной формы. Время читателя нам дорого, и мы не станем цитировать те фрагменты критикуемой диспутантами статьи, где весьма подробно (с. 28–29), освещается наше понимание «логоса» в составе термина «персолология».

¹⁴ Интересно, что почувствовали бы российские психологи, сторонники «персонального экзистенциального анализа», если бы они вдруг прочитали у Орлова и Орловой, что, во избежание возможного смешения юнгианской «персоны» с «персоно-» в названии терапевтического подхода Альфрида Лэнгле, предлагается переименовать этот достойный уважения подход в «перЗональный экзистенциальный анализ». Если бы это произошло, то персологи, проявляя солидарность с представителями персонального экзистенциального анализа, дружно выступили бы против такого нововведения (хотя от некоторых наших коллег нам довелось слышать: «Я не персолог. Я – перзолог!»).

Теперь о проявленном «снисхождении». Еще один вопрос, который волнует оппонентов, связан с идеей мультисубъектности личности. Приведем выдержку из их статьи, затрагивающую проблемы *мультисубъектной* персонологии — развиваемой нами частной формы общей персонологии (диспутанты, похоже, разминулись с данным направлением наших исследований, но критикуют его с удовольствием).

Наши критики пишут: «...там, где следовало бы говорить “личность”, можно прочесть следующее: “Личность воплощает ‘содружество субъектов’, ‘республику субъектов’, множество Я, совокупное ‘мы’” (Старовойтенко, 2010, с. 14). В данном случае мы склонны все же думать не о психиатрическом диагнозе “шизофрения” и даже не о психодинамическом диагнозе “множественная личность”, сколько о лингвистическом сбое, позволяющем говорить про совокупность *субличностей* там, где нужно определить понятие “личность”» (Там же, с. 21–22).

Хорошо, что это все-таки не «диагноз», касающийся в первую очередь С.Л. Рубинштейна (ведь Е.Б. Старовойтенко цитировала его слова о «республике субъектов» — см.: Рубин-

штейн, 1973, с. 337). Наши критики проявляют величие души и благородную *снисходительность* к авторам, говоря о «сбое», а не о чем-то похуже (хотя на их месте, думается, академик Снежневский¹⁵ был бы менее щепетилен!). Искреннее персонологическое спасибо за это! Но было бы несправедливым в отношении В.А. Петровского не потребовать от него все-таки, чтобы он разделил ответственность с С.Л. Рубинштейном и Е.Б. Старовойтенко за этот невольный лингвистический сбой...

Ведь в работах В.А. Петровского личность действительно раскрывается как мультисубъектная общность (и об этом речь идет в книгах: «Психология неадаптивной активности», «Феномен субъектности в психологии личности», «Личность в психологии: парадигма субъектности», «Человек над ситуацией», «“Я” в персонологической перспективе», а также в многочисленных статьях и диссертациях, выполненных под руководством В.А. Петровского)¹⁶. Единственное, чем мог бы защитить себя автор в этом вопросе, — спросить в ответ: «Неужто вы думаете, что за истекшие 40 лет я так-таки прошел мимо предмета ваших сомнений?»

¹⁵ А.В. Снежневский, известный советский психиатр, директор Института судебной психиатрии им. В.П. Сербского (1950–1951), директор Института психиатрии АМН СССР (1962–1987), директор Всесоюзного научного центра психического здоровья АМН СССР (1982–1987). Злые языки небезосновательно называли его «отцом карательной психиатрии».

¹⁶ Отталкиваясь от философской и психологической проработки понятия «субъект» (первые работы, затрагивающие феномен неадаптивного выхода субъекта за границы ситуации, были опубликованы в 1971 г.), В.А. Петровский ввел в психологический дискурс понятия «активной неадаптивности», «надситуативной активности», «субъектности как самопричинности», а далее — «отраженной субъектности», и таким образом была предложена концепция

Нет, коллеги, мы думаем, не было никакого «сбоя» (ни лингвистического, ни логического, ни психологического) в нашей трактовке личности как «множества Я». И в этой связи – небольшой комментарий о «субличностях». Это слово редко используется в наших текстах, но если и включается в текст, то, как правило, можно понять, что оно не является термином развиваемой теории. К примеру, В.А. Петровский пишет: «...“субличности” (говорю сейчас метафорически, на языке психосинтеза), точнее, целеустремленные системы, могут вступать между собой в самые парадоксальные отношения...» (Петровский, 2013, с. 34) или: «Личность – это единомножие активных сил; иногда говорят – “субличностей”. Однако не существует никакой “суперличности”, которая, подобно кучеру на облучке, правила бы остальными» (Там же, с. 311) и т.п.

Нет, все-таки не шизофрения...

В этой связи позволим себе еще один встречный вопрос: почему образ «мультисубъектной личности» («множественного Я») в сознании оппонентов ассоциируется исключительно с «психиатрическим диагно-

зом “шизофрения”» и психодинамическим диагнозом «множественная личность»? Ведь наши критики – грамотные, начитанные люди, глядят поверх сапога (простите, заимствуем их эпитет), не могут не знать, например, что классик психологической мысли Уильям Джеймс не относил феномен «множественного Я» к категории патологии. Заглянем, например, в прекрасное изложение его взглядов Р. Фрейджера и Д. Фейдмена. «Уильям Джеймс был сторонником идеи о том, что мы не являемся единым целостным “я”, хотя на первый взгляд это, возможно, и представляется таким образом. Скорее, мы представляем собой множество “я”, при этом некоторые сегменты связаны между собой в большей степени, чем другие.... Для каждого из нас существует нормальная возможность для проявления множественности. Если мы рассмотрим некоторые обычные проявления, эта идея покажется более убедительной» (Фрейджер, Фейдмен, 2004, с. 96).

В работах В.А. Петровского, трактующих личность как «единомножие Я» и коренящихся в философских, теоретико-психологических и психопрактических разработках У. Джеймса, М.М. Бахтина, Л.С. Выготского,

личности как целостности, включающей в себя множество Я: аутентичное Я, Я другого во мне, отраженность собственного Я в других индивидуумах; каждое из названных образований представлено множеством «Я-ипостасей»; выделяются такие образования, как «мое Я» и «мое Ты» (тот, к кому я обращаюсь в пустой комнате), «значимый другой» – «интроект другого» – «претворенный другой» и т.д. Концепция опирается на предложенные этим автором методы эмпирического исследования субъектности в жизнедеятельности личности (метод виртуальной субъектности, метод отраженной субъектности, метод трансактной реинтерпретации личностных опросников – все эти методы реализованы во множестве методических разработок). На протяжении 30 лет В.А. Петровский осуществляет деятельность психолога-консультанта, разрабатывая и реализуя модели мультисубъектного консультирования.

Ф.Д. Горбова, П. Жане, П. Федерна, Р. Ассаджиоли, Э. Берна, развиваются идеи мультисубъектной персонологии, а в ней, в свою очередь, реализуются методологические установки общей персонологии. По странной причине работы В.А. Петровского оказались «вне игры» на поле брани добросердечных коллег с авторами общей персонологии.

Остается добавить, что личность в статье В.А. Петровского и Е.Б. Старовойтенко рассматривается в разных аспектах, и ни один из них не исчерпывает содержание понятия «личность», но вместе они направляют векторы синтеза фундаментальной, герменевтической и практической психологии личности в персонологических исследованиях и разработках.

Ошибка № 3: толкование смысла «интеграции» в контексте общей персонологии

В понимании того, что представляет собой интеграция в модели общей персонологии, наши оппоненты испытывают существенные трудности с пониманием. Им представляется, что авторы проекта общей персонологии хотят объединить все со всем — всё и вся — и в этом усматривают смысл персонологического построения. Между тем для нас интеграция — не самоцель, а путь взаимодействия в развитии смежных областей психологии личности в постановке и решении конкретных задач.

Например, феномен «ролевой жестокости», впервые исследованный в

рамках «академической» науки (фундаментальная психология) Милгремом, есть, вместе с тем, феномен культуры (требующий постижения иными, чем эксперимент, средствами), а кроме того, феномен, значимый для разьяснения и предупреждения рисков, связанных с принятием социальных ролей (консультативная психология). Такие явления, как конформизм, лидерство, агрессия, риск, творчество, воля, доверие, привязанность, одиночество, ревность, эмпатия и множество других, потенциально значимы в качестве особых предметов научного исследования, герменевтического постижения, практического освоения. Но это не значит пока, что они уже *выступили* в этом качестве; другими словами, не значит, что они уже сегодня системно представлены в зеркалах науки, герменевтики, практики. Общая персонология для нас — путь «многоаспектного» осмысления, перекрестного рассмотрения таких феноменов и условий синтеза разработок, им посвященных. Общая персонология — потому и *новая*, что в подобной форме задача нахождения «общего» никогда не ставилась; и «общность» здесь означает не только синтез «предметов» научного, герменевтического и практического аспектов освещения явлений, значимых для будущей целостной психологии личности, но и общность усилий тех, кого заботит эта проблема¹⁷.

«Интеграция»? — такое трудное слово!..

Однако у нас остается долг перед критиками в вопросе об интеграции

¹⁷ Есть и другой аспект новизны: диалог частных моделей персонологии, путь взаимостимуляции, поиска общности и различий, их «переводимости» и «непереводимости» на языки друг друга.

как таковой. Здесь в сознании диспутантов, как мы уже отмечали, полная неразбериха, о чем они, остановившись и призадумавшись, прямо сообщают читателям: «...остановимся на понятии интеграции, поскольку именно она представлена как главная цель новой науки. Она определяется следующим образом: “Под *‘интеграцией’* понимается обобщение, синтез, введение в новый контент, перевод в новую форму, расширение контекста познания” (Старовойтенко, 2012а, с. 65). В данном случае перед нами в первых двух перечисленных случаях явная тавтология, а дальше начинаются терминологические сложности. Что такое “введение в новый контент” и чем оно отличается от “расширения контекста”? “Контентом” обычно называется любое содержание сайта. В таком случае “введение в новый контент” — это просто размещение статьи на новом Интернет-ресурсе. <...> Что такое “перевод в новую форму”? Является ли, например, перевод на другой язык в таком случае интеграцией и что с чем в данном случае интегрируется?» (Орлов, Орлова, 2015, с. 14).

Поможем им разобраться в этих сложных для них вопросах.

«Явная тавтология»?! Давайте сравним два слова: «обобщение» и «синтез». Примем на минуту, что это одно и то же (т.е. тавтология). Попробуем прочесть какой-нибудь текст, в котором используется слово «синтез», заменив последнее на

«обобщение». Получается очень смешно, например: «Химический синтез белков и нуклеиновых кислот...» будет звучать так: «Химическое обобщение белков и нуклеиновых кислот...». Зайдем с другой стороны, заменив слово «обобщение» словом «синтез». Читаем: «Буквы и цифры обобщаются в понятие “знак”»¹⁸. Заменяем слово «обобщение» словом «синтез». В результате имеем: «Буквы и цифры синтезируются в понятие “знак”. Абсурд! Вот тебе и «явная тавтология» в формулировке «обобщение» и «синтез»... Не будем напирать на то, что это различные мыслительные операции, специфика которых в бесчисленных авторских вариантах обосновывается в психологии мышления.

Исправляем ошибочное толкование оппонентами наших слов о «введении в новый контент». Сначала о контенте. Воспользуемся, вслед за авторами, опытом использования «контентов» всемогущего Интернета: «Контент в широком смысле этого слова означает абсолютно любое наполнение того или иного ресурса информацией (чаще всего это определение относится к сайтам в Интернете)» (http://reklamawww.ru/make_site/100-что-такое-контент.html). Как видим, «чаще всего» речь действительно идет об Интернете, но вообще-то слово «контент», фигурирующее в русском языке, есть «калька с английского content – содержание, содержимое»; иногда используют — «информационное наполнение»

Но критики полны воинственного скептицизма по отношению к возможности такого диалога. И это значит, что они заранее исключают себя из диалога с нами. Что ж, каждому по его вере...

¹⁸ Консультация психолога. Интернет-ресурс: psihotesti.ru/gloss/tag/obobshchenie/

(Словарь, б.д.). Кроме того, совершенно непропорционально допускаемое авторами сужение объема понятий «контент», «информационный ресурс» до «Интернет-ресурса»: «Информационные ресурсы — в широком смысле — совокупность данных, организованных для эффективного получения достоверной информации» (Информационные ресурсы, б.д.). В этом плане «введение в новый контент» может означать, например, включение какой-либо информации, содержания в состав только что возникшего (нового) содержания. Например, включение сведений о научении через подражание, известных из работ А. Бандуры (Бандура, Уолтерс, 1984) и имеющих под собой более ранние разработки В.М. Бехтерева (Бехтерев, 1921), в круг современных представлений о деятельности мозга, — в частности, о «зеркальных нейронах» (Rizzolatti, Fogassi, Gallese, 2006). В целом, смысл «введения в новый контент» — в использовании данных (теоретических и эмпирических), полученных в одной области научных исследований, для интерпретации, углубления содержания других областей.

А как же быть с «расширением контекста»? Этот пункт также беспокоит наших оппонентов! Разрешим и эти сомнения. Говоря о расширении контекста познания, мы имеем в виду *применение* данных из различных психологических и непсихологических наук в исследованиях и психопрактиках личности. Например, обращение к законам Йеркса–Додсона при консультировании лиц, склонных к прокрастинации (откладыванию дел «на потом»).

Что такое «перевод в новую форму»? Является ли, например, перевод на другой язык в таком случае интеграцией и что с чем в данном случае интегрируется? Мы сейчас повторили формулировку вопроса в том виде, в каком он был поставлен диспутантами перед нами. Думаем, с этой «проблемой» легко справится каждый, кто задумается. Очевидно, что мы, пишущие об интеграции, отнюдь не имели в виду деятельность переводчика-лингвиста (например, перевод с русского на английский, а потом, с учетом международной обстановки, перевод с английского на китайский). Мы имели в виду, прежде всего, отображение (введение, превращение) одной понятийной (или психотехнической) системы в другую (положим, категорий и схем классического психоанализа — в модели современного трансактного анализа, концептов и символов юнгианской аналитической психологии — в форму процессуальной психотерапии А. Минделла, НЛП — в установки провокативной терапии Ф. Фарелли и т.п.). В этом случае одна система приобретает «вторую жизнь» в другой, новой форме своего существования. За этот счет возможен «диалог» между системами, взаимопонимание, взаимная, если угодно, *интерпретация*, ибо здесь, как и во всем, «подобное познается подобным», а «неуподобное» оказывается на виду, — как некий феномен, требующий «до-страивания» способов понимания. Другой пример столь взволновавшего оппонентов вопроса о «перевод в новую форму» — это преломление теоретических (к примеру, экзистенциально-психологических) идей в

моделях организации индивидуального самопознания личности.

«Квазиопределения», «перечни»,
«метафоры», «классификации»... —
что еще вместо понимания
сказанного?

Не всегда справляясь с пониманием текста или нарочито отказываясь от понимания очевидного, оппоненты делают странные ошибки, которые мы склонны им простить, ведь для нас «общая персонология» — это путь к взаимопониманию, а не мелкие придиришки друг к другу по поводу словоупотребления. Например, конкретные результаты нашего культурно-психологического анализа и синтеза (как необходимых моментов интеграции) оппоненты именуют «квазиопределениями», «перечнями», «метафорами». Или называют «классификациями» те исследовательские результаты, которые сами авторы так не позиционируют.

Например, обращаясь к модели *персонологии жизни*, наши критики приписывают Е.Б. Старовойтенко «определения понятия “жизнь”», которых нет в текстах ее работ. Вместо «вчитываемых» «определений жизни» у нее приводятся психологические образующие различных «способов проживания личности», эксплицированные герменевтическим путем и систематизированные по намеченным в тексте основаниям. «В богатстве философско-психологических подходов к жизни можно обнаружить сходные темы, касающиеся определенных форм проживания жизни, специфически сочетающих конкретные жизненные положения и позиции личности. Реконструкция

этих форм проживания, демонстрирующая их взаимные пересечения, перетекания, единство и в целом линию “жизнеутверждения”, может выглядеть следующим образом...» (Старовойтенко, 2010б, с. 7). И далее рассматриваются эксплицированные из *научной литературы* специфические характеристики способов проживания, названные автором «жизнь-поток», «жизнь-путь», «жизнь-опыт», «жизнь-усилие», «жизнь-произведение», «жизнь-текст», «жизнь-путешествие». Что же касается «определения жизни», как будто бы данного Е.Б. Старовойтенко на с. 12 указанной статьи, то это, вопреки толкованиям диспутантов, — авторское «собрание» *временных характеристик* протекания жизни, приведенных в работах Н.Н. Трубникова и других известных исследователей жизненного времени. Во временном модуле, пишет автор, жизнь существует как «длящаяся, протяженная, емкая, наполненная, пустая, опустошенная, напряженная, ритмичная, аритмичная, постоянная, непрерывная, прерванная, разорванная, необратимая, обратимая, единственная, быстрая, медленная, однократная, контрастная, становящаяся, целостная, преемственная, континуальная, самодвижущаяся, конечная, вечная» (Там же, с. 12). По-видимому, на взгляд оппонентов, персонология лишена права «построения дифференцированного контента» для психологической интерпретации и оценки жизни личности.

Или еще пример: вводя в контекст *персонологии жизни* категорию «миров», Е.Б. Старовойтенко приводит в той же статье вариант структурирования (а не классификацию, как

полагают диспутанты) миров, основанный на их традиционном онтологическом различении как достоверно существующих и обозначенных общепринятыми терминами. «Следующим шагом в разработке этого персонологического направления (персонологии жизни. — Е.С.) является обращение к миру жизни личности с акцентом на те “пространства” ее существования, где содержатся мощные потенциалы индивидуального развития. Речь может идти о едином мире личности, образованном множеством миров, вовлекаемых в процесс жизненного становления и самоопределения личности. Миры личности и детерминируют ее жизнь, и дают ей свободу осуществления, и развиваются ее усилиями. Миры дифференцируются личностью и могут быть собраны ею в свое обширное “место бытия”. Индивидуальная жизнь протекает в мирах, локализованных “вне личности”, “внутри личности”, “вне меня”, “во мне”. Иными словами, во внешних, внутренних и феноменологических мирах. В соотношении с личностью миры могут быть дальними, ближними, непосредственно принадлежащими ей... Миры, где совершаются развитие и саморазвитие личности и жизни, могут быть структурированы следующим образом...» (Там же, с. 9). Термин «классификация миров» «вчитан» оппонентами в текст автора: ни о какой «классификации» при характеристике «мира телесности», «духовного мира», «культурного мира» и других миров речь не

шла (разумеется, в цитируемой статье их «логос» не полон, но понимающий да поймет, — заметит, какие миры не названы, а также — какие «полюсы» в описании миров подразумеваются).

*Страсти по близкой персоне и
лику per se*

Не в пример нам, безрассудным, оппоненты-истцы бдительно отслеживают, точнее, пытаются отследить в наших текстах любые лингвистические или понятийные неточности (им кажется, что они их находят!). Вот иллюстрация. В нашей статье говорилось о «*лике*». Оппонентов смущает тот факт, что это русское слово фигурирует у нас на фоне латинских слов или слов латинского происхождения. А.Б. Орлов и Н.А. Орлова — суровые радетели неслиянности русского и латинского языков. Настаивают на переводе. Оправдано ли это требование — вопрос спорный: выражение *per se* — латинское, *персона* — в юнгианской трактовке — слово немецкое, *perzon* — тоже слово немецкое, но вот-вот, в силу особой благозвучности, оно войдет в русский язык, персональность — под маркой «субъектности», «субъективности», «индивидуальности» проникает в русский язык и смотрится в нем как влитое (ср. «персональный экзистенциальный анализ» А. Лэнгле). Тут бы и оставить открытым вопрос, призывая к дискуссии: переводить или не переводить?¹⁹ Но наши оппоненты идут в бой, перенацели-

¹⁹ Тем более что оппонентов совсем не волнует национальное разнообразие собственного понятийного репертуара. Вот что они пишут сами: «Можно также рассматривать личность как часть более широкой психической конфигурации, включающей другую психическую инстан-

вая острее критики. Цитируя нашу работу («древнее русское понятие “лик”»), они сопровождают эти слова задиристым и ироническим комментарием: «...словно понятия обладают национальностью». Ну что ж, объяснимся! *Некоторые* понятия, действительно, неотделимы от языка и культуры, в которых функционируют. Это относится не только к понятию «персона», о чем мы уже говорили, но и к понятию «лик» (наряду, например, с «древнерусским понятием “честь”» и др.). Попробуйте «русифицировать» немецкое «Dasein» или китайское «Дао», и вас постигнет та же судьба, что и нас, если мы откликнемся на ваш призыв «латинизировать» слово «лик»! Это слово, на наш взгляд, несет смысл, существенно углубляющий (в силу породивших его взлетов русской религиозной, философской и художественной культуры) содержание слов разных языков, обозначающих «личностное» в человеке.

Истцы и ответчики в вопросе о парадигмах

Обсудим теперь ряд частных суждений истцов-оппонентов (А.Б. Орлов, Н.А. Орлова), призванных поставить в тупик персонологов-ответчиков (В.А. Петровский, Е.Б. Старовойтенко) в вопросе о парадигме.

Истцы: «Поставив целью интеграцию, авторы постоянно обращаются к понятию “парадигма”. Напри-

мер: “Одной из приоритетных задач персонологии можно считать развитие *интегральных парадигм* (курсив наш. — А.О., Н.О.), которые способны связать воедино множество ‘рассеянных’ исследовательских данных и частных моделей личности. *К этим парадигмам можно отнести ряд глобальных измерений в познании личности, например, духовное, культурное, жизненное, телесное*” <...> В другой публикации читаем: “Одним из возможных способов интеграции знания о личности является применение ‘парадигм синтеза’ в пространстве персонологии. К таким парадигмам можно отнести категории ‘культура’, ‘жизнь’, ‘Я’, ‘Другие’, ‘индивидуальность’” <...>

Смешение понятий “парадигма” и “категория”, что можно было бы посчитать логической ошибкой или даже просто небрежным словоупотреблением <...>

Понимание парадигмы как системы понятий при задаче интеграции — принципиальная вещь (ну конечно! — В.П., Е.С.). Связи между понятиями в парадигме не являются случайными. Они создают логическую непротиворечивость системы, позволяя ей самоопределяться среди других систем. <Применительно к “философским парадигмам”> “задача их “синтеза” представляется нам весьма амбициозной» (Орлов, Орлова, 2015, с. 10–12).

Ответчики: По мнению наших критиков, здесь смешиваются поня-

цию (например, Самость, Селф, подлинное Я, сущность (Орлов, 1995) или индивидуальность (Орлов, Орлова, 2011, 2014) и т.д.)». Мы думаем, особенно хорошо смотрится в этом ряду русско-латинских терминов не русское и не латинское, но очаровывающее своей гармоничностью слово «*индивидность*»!

тия «парадигма» и «категория». Однако при внимательном прочтении наших текстов можно заметить, что «парадигма», как любое научное понятие, выступает у нас в своих традиционно различаемых и сочетаемых ипостасях: как выстроенная по определенному общему основанию система категорий, идей, теорий, ценностей и практик, посвященных предмету познания; как способ построения этой системы; как терминологическое обозначение основания, метода и результата интеграции знания о предмете. («Имя» парадигмы может указывать на ведущую область научного познания, на автора фундаментальной разработки парадигмы, на доминирующий аспект познаваемого предмета, на основной метод познания предмета и т.д.)

Когда мы говорим о парадигмах персонологии как «глобальных измерениях» в познании личности, имеем в виду общие, онтологические *основания систематизации* идей о личности. Когда говорим о «способе интеграции», «парадигмах синтеза» и «категориях», имеем в виду метод построения общей персонологии путем интеграции парадигм, которые указывают на глобальные измерения познания личности и имеют сложную *категориальную* форму и содержание, обозначаемые соответствующими *терминами*.

К вопросу о культуре: «Сделайте нам песочные тирожки!»

Истцы (как бы не слыша): «В одной из статей персонологического пула можно прочесть: “В основу развития данного направления (имеется в виду культурологическая персоно-

логия — А.О., Н.О.) положен метод персонологической интеграции культурного опыта, включая реконструкцию европейского культурогенеза познания личности и исследование жизни личности в культурном контексте” (Старовойтенко, 2012б, с. 207). Но если, в конце концов, речь идет о построении “общей персонологии”, то почему нужно брать только “европейский культурогенез”? Куда исчезли как минимум крупнейшие индийская и китайская культуры, в которых тоже был “культурогенез” и познание человека и в недрах которых родились столь крупные “парадигмы”, как буддизм, джайнизм, даосизм и конфуцианство? Куда исчез весь арабоязычный мир?» (Орлов, Орлова, 2015, с. 13).

Ответчики: «Культурологическая персонология» — о чем это вы? У нас нет такого термина. Это ваш термин. Другая культура. Теперь по существу. Почему бы, спрашиваете, «амбициозным авторам» проекта общей персонологии не выйти за пределы европейского культурного пространства? Почему бы не двинуть персонологию на Восток? Почему бы не захватить персонологическим неводом культуры Африканского континента? А как же буддизм и джайнизм, даосизм и конфуцианство? Хорошо бы еще — пишут далее критики — разобраться с языками, мертвыми и живыми, так, чтобы индолог мог говорить с синологом, а буддист — с даосом и чтобы различия не препятствовали взаимопониманию (правда, «создание такого культурного пространства — не менее амбициозная задача, чем синтезирование парадигм» (Орлов, Орлова, 2015, с. 13).

...Вот уж не знали, что терапевты вашего профиля «играют в игры»... Уж больно похоже на то, что вы насмешливо предлагаете нам берновскую игру «сделай мне песочные пирожки». Девочка мальчику: «Сделай мне песочные пирожки!» Мальчик лепит пирожки, говорит: «На, бери, девочка!» Девочка: «Фу, какие у тебя руки грязные!» А.Б. Орлов, описавший в своей книге победоносное шествие восточной суфистской психологии (под маркой гуманистической) на Запад, прекрасно понимает сложность этой задачи, побуждая ее принять и заведомо отказывая кому-либо в возможности справиться с нею. Понятно, что кто бы ни взялся решать, справится лишь частично (и тогда ему скажут: «Фу, какие у тебя грязные руки»).

Но если совсем серьезно, то причина, побуждающая сосредоточиться прежде всего на европейской культуре, говорить о «европейском культурогенезе», определяется жанром персонологии как ориентира интегративных процессов. Персонология – наука синтеза теоретико-эмпирических, культурно-герменевтических и практических направлений психологии личности. Прорисовка каждой из «вершин» персонологического треугольника – не самоцель, а инструмент построения каждой другой вершины треугольника. Важно при этом, чтобы каждая из вершин была богата своим собственным содержанием, иначе ведь и синтезировать нечего. С этой точки зрения, именно европейская ментальность содержит в себе необходимые и достаточные условия объединения вершин треугольника. И мы вовлекаем в орбиту нашей работы именно европейский, а не

восточный культурогенез, руководствуясь вполне понятными (если позволить себе задуматься) соображениями.

«В научной ретроспективе длительного исторического времени, к личностно-ориентированным относятся, в первую очередь, европейскую культуру с ее неотъемлемой русской составляющей... С давних времен культура Европы признает большое общественное значение личного духовно-деятельного начала человека, является внутренним качеством, смыслом и формой организации самостоятельной жизни индивидов, проявляет свою личностную сущность, становясь европейской мерой отношения человека к самому себе. Развившиеся в этой культуре психологические учения о личности способствовали формированию “гуманитарного европеизма” и длительно поддерживают общественный интерес к личности единичной и “соборной”, ординарной и выдающейся, регрессивной и развивающейся, к личности как объекту научного познания и субъекту рефлексии... Утверждаются европейские каноны изучения и понимания телесной организации, пола, сексуальности, здоровья и болезни личности» (Старовойтенко, 2007, с. 11). Полагаем, что «европейское сужение» общего культурно-персонологического подхода в конкретных исследованиях и проектах авторов вполне правомерно.

А кроме того, судите сами: разве многовековая восточная эзотерическая традиция, вполне состоявшаяся и, как говорят сегодня, «работающая», нуждается в чем-то ином, кроме ее самой? Ведь она по сути своей самодостаточна (иначе, к

слову, — какая же она эзотерическая?!). Попробуйте, «проанализируйте это»! Так, характеризуя психопрактики, альма-матер которых — Восток, А.Б. Орлов пишет: «Интуитивное, образное познание, бессознательный интеллект — гораздо более важная <чем “логос”> форма *научной рефлексии* (?!), встроенная в психопрактику и обслуживающая ее» (Орлов, 1995б, с. 254). Вот вам и форма «научной рефлексии»! Нет, дорогие оппоненты, мы, конечно, признательны вам за предложение обратить свои очи к Востоку, но все-таки не настолько *тронуты*, чтобы стучаться в наглухо закрытую дверь эзотерики.

Вдогон сказанному. По мнению одного из наших критиков, А.Б. Орлова, гуманистическая психология «еще долго будет оставаться своего рода диссиденткой в кругу respectable психологического истеблишмента...» (Там же). Сочувственно цитируется известный авторитет в этой области Сейида Идрис Шах: суфизм сам по себе является психологической системой, причем намного более развитой, чем *любая психологическая система*, получившая развитие на Западе. Спрашивается, зачем персонологу «поворачивать» теоретико-экспериментальные (психологическая классика) изыскания в сторону суфистской, превосходящей все и вся, гуманистической психологии, если та, признав себя вполне самодостаточной (и к тому же общечеловеческой), высокомерно отворачивается от них, ощущая себя в стане противников?

Истцы: «Нам сообщается, что следует выйти за пределы гумани-

тарных наук в естественные науки и даже за границы научного познания (Старовойтенко, 2012а, с. 59). От таких перспектив даже у смелых людей захватывает дух, а у здравомыслящих — кружится голова» (Орлов, Орлова, 2015, с. 14–15).

Ответчики: Отметим, что источник головокружения А.Б. и Н.А. Орловых — высказывание, *приписываемое*, а не принадлежащее Е.Б. Старовойтенко. На самом деле фрагмент текста, на который ссылаются диспутанты, выглядит так: «На наш взгляд, важнейшая проблема интеграции знания о личности должна разрабатываться в расширенной области, очерченной границами дискурсивного, рационального, обобщенного подхода к человеку, характерного для классической психологии, философии, гуманитарных и естественных наук. При этом необходим выход за эти границы в обширный мир живых представлений о “личном”, “индивидуальном”, “самости”, “Я”, “человеческих типах”, отраженных в текстах и образах мифов, изобразительного искусства, литературы, поэзии, драматургии» (Старовойтенко, 2012а, с. 59).

Похоже, что в данном случае «истцы» лжесвидетельствуют...

И не совсем понятно, почему от размаха персонологов у оппонентов спирает дух, если сам А.Б. Орлов пишет о «бессознательном интеллекте» как форме «научной рефлексии». «Бессознательный интеллект» — это еще куда ни шло, но «бессознательное» как «научное»?! Вам не дурно, господа, от дерзости собственной мысли, устремленной в беспредельные пространства иррационального?

Человекоцентрированные методологи «советов не дают». Но просто ставят себя в пример

Поразительная история! Человекоцентрированные *терапевты* советов не дают, в пример себя не ставят, в то время как люди на сеансах порой *спрашивают* их, что делать. А человекоцентрированные *методологи*, воздерживаясь от прямых указаний, все-таки ставят себя в пример, хотя никто их об этом не просит.

А.Б. Орлову и Н.А. Орловой мнится, что общая персонология, в лице своих представителей, не просто стремится к интеграции разных областей психологических разработок, но видит в интеграции Наук, интеграции Культур, интеграции Практик свою основную задачу, нечто подобное **самоцели** (мы уже говорили об этом). Такой проект, с точки зрения критиков, и невозможен и неосуществим. Вот если бы, кивают в нашу сторону критики, речь шла о какой-нибудь частной, особенной, персонологии (как это случается с ними, см. Орлов, Орлова, 2015, с. 24), то в ней действительно могла бы исполниться заветная мечта любого персонолога — получение систематизированного знания, открывающего новые перспективы практике и служащего развитию самого знания. И только потом, вследствие усилий по развертке потенци, содержащейся в частной персонологии, могла бы вырасти персонология «общая», — отнюдь не наоборот, как, посмотрите, у тех горемык, незадачливых авторов...

Да, товарищи дорогие, это вам не какой-нибудь «персонологической поворот»! Это — переворот!

Впрочем, есть три обстоятельства, смазывающих его историческое значение и новизну.

Советы не даете? И правильно!

Первое обстоятельство: так ли нов образец? Диспутанты отворачиваются от наших работ, в которых представлены частные персонологические разработки («мультисубъектная персонология», «культурная персонология», «персонология жизни», «персонология Я»).

Второе обстоятельство: правомерна ли предлагаемая логика построения? Диспутанты, на наш взгляд, исходят из ложной посылки: сначала частное, потом — общее; столь же неоправданным был бы другой порядок (сначала — общее, потом — частное.) Заметим, что так никогда не бывает в науке, стремящейся к единству этих поисковых ориентиров!.. (если подобное и случается, так только в учебниках и учебных пособиях, в строгой последовательности размещающих изучаемый материал).

Третье обстоятельство: открылся ли диспутантам смысл «общей персонологии», в нашем понимании «науки личности», коль скоро они предлагают нам образец «правильного» ее построения? Нам представляется, что, заимствуя у нас («беря напрокат», как это принято у них) данный термин — «общая персонология», — они искажают его смысл²⁰. Для оппонентов — это *итог* синтеза

²⁰ Обходясь с этим словосочетанием так же вольно, как с «персоной» и «персонализацией».

разнородного материала (например, всевозможных понятий, описывающих человека), а для нас – это *путь* синтеза. Не система, но путь!

Коллеги! Не даете советов? Хорошо! С нас довольно и образцов.

Векторы развертки «науки личности»

Далее нам кажется важным напомнить читателю ранее выделенные в наших работах «векторы» развертки «науки личности». Поясним, что схемы интеграции представлены в *общей* персонологии, а их реализация – в рамках особенных, авторских, исследований и разработок вариантов персонологии, что и составляет, в каждом конкретном случае, суть проектов фундаментальной персонологии (рисунок 2), консультативной персонологии (рисунок 3), культурной персонологии (рисунок 4), персонологии самополагания (рисунок 5).

«Почему?» Несколько версий отсутствия понимания со стороны диспутантов

Естественно, возникает вопрос: почему уважаемые коллеги проявляют такое странное непонимание наших взглядов?

Не хватает «когнитивной сложности»? Нет, мы этого не утверждаем²³ (хотя, честно говоря, серьезной критики наших работ мы не встрети-

ли, – все больше скепсис, раздражение, поучения, метафоры обесмысливания, идеологический лупинг²⁴).

Или, может быть, мысленно они следуют заповеди: «*Не возлюби идею ближнего своего!*»? Нет! – этой тезе, нам думается, они не следуют, уж больно она подростковая!

Гораздо более достоверной нам представляется версия «естественных амбиций», присущая, как выясняется, человекоцентрированным методологам. Авторы критической статьи заявляют: «возникновение общей персонологии возможно из персонологии частной, и эта *естественная амбиция* (курсив наш. – В.П., Е.С.) прослеживается в каждой частной теории личности, начиная с психоаналитической» (Орлов, Орлова, 2015, с. 24); а эта естественная амбиция – продолжим мы – означает противопоставление *данной* теории всем прочим теориям, ведь, согласно А.Б. Орлову и Н.А. Орловой, никакая общая персонология как «изначальный глобальный проект» невозможна. А раз такое, с их точки зрения, в *принципе* невозможно, то совершенно бессмысленно ожидать от представителей человекоцентрированного подхода *понимания* и, как мы увидим далее, *принятия* подходов, иных, чем их собственные; такова уж конкурентная и самолюбивая логика реализации «естественных амбиций»...

И, вдогон сказанному, может быть, наших критиков смущает, что

²³ Мы лично почти не знакомы с соавтором Александра Борисовича Орлова, Наталией Александровной Орловой, но имеем давний опыт сотрудничества, коллегиальных, личных отношений с Александром Борисовичем. Знаем его как человека, способного воспринимать взгляды собеседника, анализировать их в конструктивном ключе.

²⁴ Лупинг – ответвление, вставка.

Рисунок 2

Проект фундаментальной персонологии

Рисунок 4

Проект культурной персонологии

Рисунок 5

Проект персонологии самополагания

образы-манifestации авторских фигур, символизирующих персонологию («юноша» – Вадим Артурович, ровесник Александра Борисовича; «девушка» – Елена Борисовна, немножко старше Наталии Александровны), *когда-нибудь развернут свои собственные «естественные амбиции»* и станут «прародителями нового человечества – персонологов, которые и заселят Землю», потеснив тем самым генерацию людей предрекаемой «психозойской эры», в соответствие с пророческими прозрениями инноваторов-диспутантов?

Последнее предположение, как мы еще увидим, при всей его фантастичности, не надо сбрасывать со счетов.

Так в чем же дело?

Попробуем ответить на этот вопрос, рассмотрев еще один из аспектов реализации «человекоцентрированного подхода» к анализу работ коллег, характеризующий эмоциональное отношение диспутантов к персонологам.

Неприятие без понимания

Насколько удастся нашим оппонентам следовать канонам человекоцентрированного подхода, вслед за Учителем, самим Роджерсом, при анализе работ коллег? На это кто-нибудь, по наивности, мог бы ответить: одно дело – клиент в условиях психотерапии (там принципы безусловно позитивного отношения

выдерживаются безукоризненно), а другое дело — коллеги... Но ведь хорошо известно, что сам мэтр отказался использовать словосочетание «клиентоцентрированный подход», распространив принципы своего мировоззрения и миродействия за рамки клинической работы и сформировав «человекоцентрированный подход», что неустанно подчеркивает Александр Борисович Орлов (см. о тотальном шестивии человекоцентрированного подхода по миру, о том, как он переступает географические и профессиональные границы, чуть ниже по тексту). Так что мы склонны были бы ожидать, что принципы понимания и принятия распространяются и на нас, коллег человекоцентрированных авторов. Напомним название их статьи: «Человекоцентрированный подход к общей персонологии». Об уровне «понимания» мы уже говорили, теперь речь об эмпатии, «безусловном принятии».

Некоторые примеры «безусловно позитивного отношения»

Увы, формулировку руководящего принципа роджерсианского подхода здесь приходится заключить в кавычки. Все в тексте статьи наших критиков странным образом политизировано-военизировано, идеологически проштамповано, нарочито принижено, вульгаризировано. Приведем некоторые примеры, стараясь удерживаться от комментариев (в скобках приводим пояснения, о чем или о ком было сказано):

«Так, в расистских построениях фашистской персонологии...» (о кон-

цепциях «личности» как социально-го образования);

«...И “арийская личность” получила безграничное господство над “неарийской личностью”» (все про те же «расистские построения» — очевидно, чтобы мы хорошенько почувствовали аналогию!);

«Суди не выше сапога» (о попытках кого-либо выйти за пределы своей предметной области, — скорее всего, сказано о нас);

«Юная особа, облаченная в лоскутный наряд, шитый белыми нитками» (о персонологии);

«...Восхитившись ее “скелетом” (логической конструкцией персонологии), имеет смысл перейти к более конкретному рассмотрению <ее> “тела”...»;

«...Насколько жизнеспособен этот юный кадавр» (о персонологии);

«Подобное пуританство достойно учительницы младших классов, желающей прикрыть наготу античных статуй, дабы не развращать юные умы» (о наших якобы соображениях приличия, по которым мы не использовали слово «эрос» в текстах наших работ);

«...Фантазия о том, как будут любить друг друга персонологи в новой профессиональной области, отдает некоторой скабрёзностью» (в ответ на наши слова, что в пространстве персонологии «просторно не только мыслить и познавать, но и общаться, творить, любить, создавать новую «общность личностей». Видимо, говоря о «любви», мы не имеем в виду «эрос»? И правда ведь, интересная «клиентоцентрированная» интерпретация на стыке с глубинным психоанализом, раскрываю-

щим конфликт либидо и цензуры?)²³;

«Подобный мессианский запал больше присущ пророкам или религиозным деятелям, нежели ученым...» (относительно идеи интеграции знаний);

«Король-то — голый» (о нас, которых «обнажили» критики);

«Голая правда, какой бы она ни была, лучше разряженной лжи, а самый скромный, самый маленький научный факт лучше самой помпезной лженауки» (авторы оберегают науку от «лжеученых» — фразеология прекрасных советских времен. Создается впечатление, что «голый король» — это голос мужского архетипа, а «лженаука» — женского; о ком это они? Впрочем, скоро это прояснится окончательно — см. дальше);

«Изображение вперившихся друг в друга и никого больше не видящих двух мелких особ-профилей, лишенных всяких (даже гендерных) характеристик и составляющих “ножку” буквы “пси”, логотипа персонологии...» (о символическом обозначении персонологии);

«...Юноша и девушка, как некие новые Адам и Ева, представляют, видимо, прародителей нового чело-

вечества — персонологов, которые и заселят Землю» (оптимистическое пророчество);

«...Дом персонологии развалится, как Вавилонская башня...» (отчасти пессимистическое пророчество, но, впрочем, как они говорят, чем быстрее, тем лучше — словом, доброе пожелание).

Пожалуй, ничего подобного в нашей практике не было, хотя с критикой мы, конечно, сталкивались — как без этого? Но мы не помним случая, чтобы критика была настолько эмоциональной, рассчитанной на то, чтобы задеть за живое, ранить, шокировать... Направленность этой критики очевидна: дискредитация научного направления, предлагаемого коллегами; стиль — разнос. Для работ советского времени середины XX в. это был вполне традиционный жанр (и хотя сейчас он изжил себя, почему бы не реанимировать?). Сегодня, по стилистике, это ближе всего к построениям в духе «черного PR» и «черной риторики».

Мы, признаться, были потрясены качеством того «безусловно положительного отношения» к нашим работам, которое продемонстрировали авторы, считающие себя последова-

²³ Нам не кажется правильным так вольно обращаться с идеями своего учителя, К. Роджерса, забыв его поучения, касающиеся «чистоты жанра». Он прямо указывал своим союзникам и будущим последователям: «Прогресс, в нашем понимании психотерапии, будет обеспечиваться признанием принципиальных различий в существующих терапевтических подходах». А.Б. Орлов и Н.А. Орлова хоть и цитируют слова Роджерса (см. эпиграф к их сочинению), но при этом придерживаются не свойственных его школе техник интерпретации, не говоря уже о некошерном оценивании работ коллег; наши авторы, нарушая заповеди учителя, не брезгают даже юнгианскими категориями анализа (см. также дальше — об архетипах). Грустно, что нам приходится самим напоминать о принципах человекоцентрированного подхода, завещанных Роджерсом, в то время как авторы-диспутанты упрекают нас в «игнорировании» границ, отделяющих одни психологические системы от других.

телями Карла Роджерса. Человек, конечно, существо с «ограниченной рациональностью» (Канеман, Тверски) и, добавим мы, с неограниченной эмоциональностью. Но, нам казалось, ведь не настолько! Должны быть, очевидно, весьма веские причины, какие-то глубокие основания для столь резкой, категоричной, безапелляционной критики. Откуда все это у «гуманистов»?

По ту сторону непонимания и неприятия

Конечно, вопрос о происхождении столь выраженного и упорного сопротивления к восприятию наших идей, их креативному осмыслению требует специального — не побоимся этого слова, *персонологического*, — рассмотрения. Но в пределах этой статьи-ответа наши возможности, увы, ограничены; и мы, не в пример диспутантам, не можем позволить себе сколько-нибудь вольное фантазирование на подобную тему. Ведь наши оппоненты если и не переходят на личности прямо, то как бы застревают в переходе, не позволяя себе, конечно, оскорблять авторов проекта в лицо, но пятная своими словами их произведения. Здесь много сюжетов, сравнений и полуперсональных оценок, касающихся нас: «мессианский запал пророков», «новые Адам и Ева» и т.д. и т.п. Дурная манера переводить разговор на личности заразительна, но мы воздержимся от того, чтобы перенимать этот опыт. Мы не позволим себе «застревать в перехо-

дах», не станем размышлять о не реализованных на сеансах человекоцентрированной терапии агрессивных импульсах (канализируемых в квазинаучные тексты) и уж точно не будем анализировать человеческие — «слишком человеческие» — социальные детерминанты порождения подобных текстов (например, положение дел «с не слишком разборчивыми грантодателями и книгоиздателями», мобильная жизнь в Вышке, добрососедские отношения в одной отдельно взятой магистерской программе²⁴ — все это в *данном случае* малоинтересно и не так уж значимо...).

Думаем, расхождение наших позиций имеет гораздо более глубокие основания, чем может показаться на первый взгляд. О логике «естественных амбиций» мы уже говорили. Поделились также фантазией-парафразой шутейных рассуждений наших критиков о заселении Земли персонологами... Шутки-шутками, а все-таки?

Разгадка

Нам думается, разгадка — в том, что критическая статья-памфлет двух авторов — реализация **особой позиции**, занимаемой по крайней мере одним из них, А.Б. Орловым, в вопросе о взаимоотношениях **психологии** и **психопрактики** (в более широком контексте — «логоса» и «праксиса»). С достойной похвалы откровенностью и прямоотой эта позиция была высказана в книге А.Б. Орлова «Психология личности

²⁴ Так уж получилось, что мы с профессором А.Б. Орловым реализуем общую магистерскую программу «Консультативная психология. Персонология».

и сущности человека» (Орлов, 1995б) и, насколько нам известно, ни разу в последующих публикациях этим автором не пересматривалась. Мы процитируем финальную часть, самую концовку этой книги, ее, так сказать, моральный итог. Речь здесь идет об **историческом смысле психологического кризиса**; это — ответ Л.С. Выготскому на его знаменитую статью того же названия.

«Исторический смысл психологического кризиса, — по мнению А.Б. Орлова, — заключается в самом существовании *психологии* (курсив автора. — В.П., Е.С.). Этот кризис завершится только в том случае, если завершится ее *история* (курсив наш. — В.П., Е.С.), если современная психология, продолжая разрешаться многочисленными психотерапиями, наконец-то решится стать *психопрактикой* (курсив автора. — В.П., Е.С.)» (Орлов, 1995б, с. 254).

Но это уже давно происходит: «...одна из психопрактических форм, возникшая в середине XX в. в русле клиентоцентрированной психотерапии, фактически сразу же начала свою экспансию в педагогическую, социальную, профессиональную, политическую психологию, в практические сферы образования, менеджмента, политики и в 1980-е гг. как

уже не только внепсихологический, но и как внетерапевтический подход» (Там же).

«*Есть упоение в бою, И бездны
мрачной на краю...*»

Психозойская эра, семя которой А.Б. Орлов находит в суфизме²⁵, рано или поздно созреет и «разрешится» психопрактикой, знаменующей **смерть психологии** как науки... А тут, на пути прогресса, появляются некие «амбициозные персонологи», которые, понимаете ли, не хотят расставаться с наукой, не хотят растворять ее в психопрактике, ищут условия синтеза, апеллируют к современной культуре, опираются на собственный опыт пути, в то время как Будущая психозойская эра уже «вот-вот». Сметем!

Думаем, эсхатологические прозрения критиков, предрекающих скорую гибель психологии как науки, вполне объясняют мрачноватый юмор, простегивающий ткань их повествования. Образный ряд не требует особой герменевтики распознавания: ублюдки-кадавры, гоголевские панночки с расфокусированным взглядом, булимические завсегдатаи тошнотворного шведского стола, раскаивающиеся блудницы, скабрзные кариакиды, двусмыслен-

²⁵ Суфизм (цитируем «наше всё», Википедию) — мистико-аскетическое течение в исламе, одно из основных направлений классической... мусульманской философии. Гибкость суфизма и «открытость» посторонним влияниям сделали его крайне неоднородным (завидная цельность в истоках «правильной» персонологии по А.Б. Орлову и Н.А. Орловой). Суфизм вдохновлял своих последователей, раскрывал в них глубинные качества души и сыграл большую роль в развитии эстетики, этики, литературы и искусства (это общеизвестно). Путь духовного совершенства суфия лежит только через **полное подчинение учителю (муршиду) и выполнение всех его указаний**.

ные архетипические фигуры... Чудовищные метафоры под кивающей маской человекоцентрированного подхода? Юнгианская Тень «гуманистической терапии»? Как назвать эту аберрацию метода?

Может, следовало обозначить подход авторов как-то иначе: например — «**пронимающая психопрактика**»?

Вопрос о названии — важен. Ведь нельзя, говоря от имени «чело­векоцентрированного подхода» Роджерса, компрометировать одну из достойных, мы бы сказали — одну из лучших школ психотерапии и психологического консультирования в мире.

Уверены, далеко не все представи­тели человекоцентрированного под­

хода разделяют радикальные взгляды А.Б. Орлова и Н.А. Орловой на будущность психологии. Не всем по сердцу их идея расторгнуть союз Личности и Логоса.

А наши диспутанты тем временем улыбаются...

Эталон оптимизма

Кто-то сказал: юмор могильщиков — эталон оптимизма. Похороны психологии, о чем, как выясняется, «можно только мечтать», — повод к недоброй улыбке... Зачем нашим авторам кто-то, кто может им помешать? Они с оптимизмом смотрят вперед, в свое психозойское завтра.

Это их выбор...

Литература

- Бандура, А., Уолтерс, Р. (1984). Принципы социального научения. В кн. *Современная зарубежная социальная психология*. Тексты (с. 55–61). М.: Изд-во МГУ.
- Бехтерев, В. М. (1921). *Коллективная рефлексология*. Пг.: Колос.
- Информационные ресурсы. (б.д.). Режим доступа: [http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?Rlt\(uwsg.outt:!wlxzw:](http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?Rlt(uwsg.outt:!wlxzw:) (дата обращения: 12.04.2015).
- Исаева, А. Н. (2013). «Принцип оппозиций» в персонологическом познании. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10(1), 135–149.
- Леонтьев, Д. А. (2011). Новые ориентиры понимания личности в психологии: От необходимого к возможному. *Вопросы психологии*, 1, 12 – 41.
- Литлвуд, Дж. (1979). *Математическая смесь*. М.: Наука.
- Лэнгле, А. (2005). *Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности*. М.: Генезис.
- Орлов, А. Б. (1995а). Личность и сущность: внешнее и внутреннее Я человека. *Вопросы психологии*, 2, 5–19.
- Орлов, А. Б. (1995б). *Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики*. М.: Логос.
- Орлов, А. Б. (2002). *Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики*. М.: Издательский центр «Академия».
- Орлов, А. Б., Орлова, Н. А. (2011). Индивидуальность vs индивидность: роковой вопрос современности. *Мир психологии*, 1, 32–44.
- Орлов, А. Б., Орлова, Н. А. (2014). Психологический статус психотерапевта. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 11(2), 136–149.

- Орлов, А. Б., Орлова, Н. А. (2015). Наука человека: Человекоцентрированный подход к общей персонологии (или История о чрезвычайном происшествии в благородном семействе наук). *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 12(2), 7–29.
- Петровский, В. А. (2003). Общая персонология: наука личности. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии»*, 20–30.
- Петровский, В. А. (2004). Мультисубъектная персонология. В кн. Д. А. Леонтьев (Ред.), *2-я Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений* (с. 41–53). М.: Смысл.
- Петровский, В. А. (2010). Начала мультисубъектной персонологии. *Развитие личности*, 1, 55–72.
- Петровский, В. А. (2012). К читателям. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(1), 3–4.
- Петровский, В. А. (2013). «Я» в персонологической перспективе. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Петровский, В. А., Старовойтенко, Е. В. (2012). Наука личности: четыре проекта общей персонологии. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(1), 21–39.
- Рубинштейн, С. Л. (1973). *Проблемы общей психологии*. М.: Просвещение.
- Словарь. (б.д.). Режим доступа: <https://seopult.ru/library> (дата обращения: 12.04.2015).
- Старовойтенко, Е. Б. (2004). *Психология личности в парадигме жизненных отношений*. М.: Академический проект.
- Старовойтенко, Е. Б. (2006). Проблема субъекта в культурной психологии личности. В кн. В. А. Татенко (Ред.), *Человек. Субъект. Поступок* (с. 230–257). Киев: Лыбидь.
- Старовойтенко, Е. Б. (2007). *Культурная психология личности*. М.: Академический проект.
- Старовойтенко, Е. Б. (2010а). Модель персонологии в парадигме «жизни». *Мир психологии*, 1, 157–173.
- Старовойтенко, Е. Б. (2010б). Парадигма жизни в персонологии. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 7(1), 3–18.
- Старовойтенко, Е. Б. (2011). Отношение к себе: от культурогенеза к индивидуальному развитию. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 8(4), 3–28.
- Старовойтенко, Е. Б. (2012а). Новая персонология – интегральная наука о личности. *Мир психологии*, 3, 59–71.
- Старовойтенко, Е. Б. (2012б). От идей В.А. Роменца к культурной персонологии. В кн. *Психология в чинку* (с. 207–216). Киев: Лыбидь.
- Старовойтенко, Е. Б. (2013). Возможности Я в отношении к Другому: герменевтика и рефлексия. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10(4), 121–140.
- Фрейджер, Р., Фейдимен, Д. (2004). *Теории личности и личностный рост*. М.: ОЛМА ПРЕСС.
- Rizzolatti, G., Fogassi, L., & Gallese, V. (2006). Mirrors in the mind. *Scientific American*, 295(5), 54–61.

The “Right” and the “Wrong” Personology: The Answer to the Disputants

Vadim A. Petrovsky

Professor, School of psychology, HSE, D.Sc.
E-mail: petrowskiy@mail.ru

Elena B. Starovoitenko

Department Head, Professor, School of psychology, HSE, D.Sc.
E-mail: helestaOS@yandex.ru

Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

A detailed answer is given in the article to the critical arguments by A.B. Orlov and N.A. Orlova, presented in the article “Science of a man: A person-centered approach to general personology” (see the pages of the present issue of the journal) on a previously published article by V.A. Petrovsky and E.B. Starovoytenko “The science of personality: four projects of general personology” (Petrovsky, Starovoytenko, 2012). The authors of the four projects assume that critique towards them is due to the following reasons. The first one is the obvious perceptual mistakes, substitution of terms, biased interpretations of the texts of the criticized works. The critics willingly tell their ideological and political evaluations, possibly assuming that thus they strengthen the persuasiveness of their reasoning (for example, the idea of “personality” is associated by them with the “racist development of the fascist personology” and so on). In consequence of such erroneous perception these authors come to the erroneous conclusions, which affect the core categories and statements of personology (discrediting of its methodological status, non-differentiation of general personology and local variants of its development – multisubjective personology, personology of life, etc.). Herewith, however paradoxical it is, the critics attribute to themselves the priority in development of “local personologies”. The second reason, which prompts the “person-centered” critics of the idea of personology to enter into controversy with the authors of the four projects and leads to significant distortions of perception, interpretations and evaluations, is the own rather questionable ideas of the disputants; primarily, it applies to the balance of science and practice in the perspective of development of psychology (according to the critics, with the set of the approaching “psychozoic era” the psychology will die, giving place to the person-centered psychopractice). The stylistics of the argument of the critics has little to do with the principles of “empathic hearing”, “understanding and acceptance”, “non-judgmental perception”, which were discovered by the creator of the “person-centered approach” C. Rogers. Instead of the “active listening” the methods of “active eating” (“black rhetoric”) are used. The content and the style of their reasoning have nothing common with the “person-centered approach” – as applied to the ideas of those who think differently.

Keywords: personality, personalization, person, person-centered approach, psychopractice, Sufism, general personology, multisubjective personology, personology of life, paradigm, integration, triangles of synthesis

References

- Bandura, A., & Walters, R. (1984). Printsipy sotsial'nogo naucheniya [Principles of social learning]. In *Sovremennaya zarubezhnaya sotsial'naya psikhologiya* [Modern foreign social psychology] (p. 55–61). Moscow: Moscow University Press.
- Bekhterev, V. M. (1921). *Kollektivnaya refleksologiya* [Collective reflexology]. Petrograd: Kolos.
- Dictionary. (n.d.). Retrieved April 12, 2015, from <https://seopult.ru/library>
- Frager, R., & Fadiman, J. (2004). *Teorii lichnosti i lichnostnyi rost* [Theories of personality and personal growth]. Moscow: OLMA PRESS. (Transl. of: Frager, R., & Fadiman, J. (2002). *Personality and personal growth*. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall).
- Informatsionnye resursy [Informational resources]. (n.d.). Retrieved April 12, 2015, from [http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RIt\(uwsg.outt:lwzwx](http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RIt(uwsg.outt:lwzwx):
- Isaeva, A. (2013). The “Opposition Principle” in Personological Cognition. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 10(1), 135–149.
- Längle, A. (2005). *Person: Ekzistentsial'no-analiticheskaya teoriya lichnosti* [Person: Existential analytical theory of personality]. Moscow: Genezis.
- Leontiev, D. A. (2011). New reference points for understanding personality in psychology: From the necessary towards the possible. *Voprosy Psikhologii*, 1, 3–27.
- Littlewood, J. E. (1979). *Matematicheskaya smes'* [A mathematical mix]. Moscow: Nauka. (Transl. of: Littlewood, J. E. (1953). *A mathematician's miscellany*. London, UK: Methuen).
- Orlov, A. B. (1995a). Lichnost' i sushchnost': vneshnee i vnutrennee Ya cheloveka [Personality and essence: outer and inner Self of a man]. *Voprosy Psikhologii*, 2, 5–19.
- Orlov, A. B. (1995b). *Psikhologiya lichnosti i sushchnosti cheloveka: paradigm, proektsii, praktiki* [The psychology of personality and essence of a man: paradigms, projections, practices]. Moscow: Logos.
- Orlov, A. B. (2002). *Psikhologiya lichnosti i sushchnosti cheloveka: paradigm, proektsii, praktiki* [The psychology of personality and essence of a man: paradigms, projections, practices]. Moscow: Izdatel'skii tsentr “Akademiya”.
- Orlov, A. B., & Orlova, N. A. (2011). Individual'nost' vs individnost': rokovoii vopros sovremennosti [Individuality vs. individity: A fateful question of modern times]. *Mir Psikhologii*, 1, 32–44.
- Orlov, A. B., & Orlova, N. A. (2014). The psychological status of a psychotherapist. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 11(2), 136–149.
- Orlov, A. B., & Orlova, N. A. (2015). Science of a person: person-centered approach to general personology (or The story of the accident in the noble family of sciences). *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 12(2), 76–29.
- Petrovskiy, V. A. (2003). Obshchaya personologiya: nauka lichnosti [General personology: A science of personality]. *Izvestiya Samarskogo Nauchnogo Tsentra Rossiiskoi Akademii Nauk. Special Issue “Aktual'nye problemy psikhologii”*, 20–30.
- Petrovskiy, V. A. (2004). Mul'tisub'ektnaya personologiya [Multisubjective personology]. In D. A. Leontiev (Ed.), *2-ya Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya po ekzistentsial'noi psikhologii: Materialy soobshchenii* [2nd All-Russian Scientific Practical Conference on Existential Psychology: Reports] (pp. 41–53). Moscow: Smysl.
- Petrovskiy, V. A. (2010). Nachala mul'tisub'ektnoi personologii [The beginnings of multisubjective personology]. *Development of Personality (Russia)*, 1, 55–72.
- Petrovskiy, V. A. (2012). Editorial. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 9(1), 3–4.

- Petrovskiy, V. A. (2013). «Ya» v personologicheskoi perspektive [Self in personological perspective]. Moscow: The Publishing House of the Higher School of Economics.
- Petrovskiy, V. A., & Starovoytenko, E. B. (2012). The science of personality: Four projects of general personology. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 9(1), 21–39.
- Rizzolatti, G., Fogassi, L., & Gallese, V. (2006). Mirrors in the mind. *Scientific American*, 295(5), 54–61.
- Rubinshtein, S. L. (1973). *Problemy obshchei psikhologii* [Problems of general psychology]. M.: Prosveshchenie.
- Starovoytenko, E. B. (2004). *Psikhologiya lichnosti v paradigme zhiznennykh otnoshenii* [The psychology of personality in the paradigm of life relationships]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
- Starovoytenko, E. B. (2006). Problema sub"ekta v kul'turnoi psikhologii lichnosti [A problem of subject in cultural psychology]. In V. A. Tatenko (Ed.), *Chelovek. Sub"ekt. Postupok* [Human. Subject. Deed] (pp. 230–257). Kiev: Lybid'.
- Starovoytenko, E. B. (2007). *Kul'turnaya psikhologiya lichnosti* [The cultural psychology of personality]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
- Starovoytenko, E. B. (2010a). Model' personologii v paradigme «zhizni» [A model of personology in the paradigm of “life”]. *Mir Psikhologii*, 1, 157–173.
- Starovoytenko, E. B. (2010b). Paradigm of life in personology. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 7(1), 3–18.
- Starovoytenko, E. B. (2011). Relationship to oneself: From cultural genesis to individual development. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 8(4), 3–28.
- Starovoytenko, E. B. (2012a). Novaya personologiya — integral'naya nauka o lichnosti [New personology is the integral science of personality]. *Mir Psikhologii*, 3, 59–71.
- Starovoytenko, E. B. (2012b). Ot idei V.A. Romentsa k kul'turnoi personologii [From ideas of V.A. Romenets to cultural personology]. In *Psikhologiya vchinku* [The psychology of deed] (pp. 207–216). Kiev: Lybid'.
- Starovoytenko, E. B. (2013). Capacities of the I in relationship with the Other: Hermeneutics and reflection. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 10(4), 121–140.

Статьи

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И
МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ
СНИЖЕНИЯ МАКИАВЕЛЛИЗМА
ПРИ ШИЗОФРЕНИИ**

**М.В. АЛФИМОВА, Т.В. ЛЕЖЕЙКО, Г.И. КОРОВАЙЦЕВА,
В.Е. ГОЛИМБЕТ**

Алфимова Маргарита Валентиновна — ведущий научный сотрудник ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», доктор психологических наук. Сфера научных интересов: психогенетика, клиническая психология, нейропсихология.
Контакты: m.alfimova@gmail.com

Лежейко Татьяна Викторовна — научный сотрудник ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», кандидат биологических наук. Сфера научных интересов: медицинская генетика, молекулярная биология.
Контакты: lezheiko@list.ru

Коровайцева Галина Ивановна — ведущий научный сотрудник ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», кандидат биологических наук. Сфера научных интересов: молекулярная генетика психических заболеваний.

Контакты: korovaitseva@mail.ru

Голимбет Вера Евгеньевна — заведующая лабораторией клинической генетики ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», доктор биологических наук, профессор. Сфера научных интересов: молекулярная генетика, генетика человека, психиатрическая генетика.

Контакты: golimbet@mail.ru

Резюме

Больные шизофренией характеризуются нарушением социальных взаимодействий, которое ведет к ухудшению качества их жизни. Одним из проявлений этих нарушений является снижение макиавеллизма. Существует предположение, что оно вызвано когнитивным дефицитом больных — общим или затрагивающим только социальные когниции. С другой стороны, оно может быть следствием амотивированности/некоммуникабельности пациентов. Цель данной работы состояла в проверке когнитивной и мотивационной гипотез снижения макиавеллизма при шизофрении с помощью психологических и генетических подходов. Выборку составили 274 больных шизофренией. В контрольную группу вошли 234 здоровых испытуемых. Для оценки макиавеллизма использовали шкалу Mach-IV; когнитивной сферы — задачи на вербальную память, управляющие функции, распознавание эмоциональной мимики и построение моделей психического; аффективно-мотивационной — психометрические инструменты EPI, STAI и PANSS. В подгруппах пациентов были определены генотипы по генам *HTR2C*, *COMT*, *DRD2* и переносчика серотонина (размер выборки составил 186, 153, 134 и 204 человека соответственно). Оценки по шкале Mach-IV у больных были ниже, чем в контроле. При шизофрении более существенному снижению макиавеллизма соответствовали более высокая интегральная оценка базовых когниций, нарастание пассивно-апатической отгороженности, уменьшение тревожности и эмоциональной отчужденности. Не выявлено эффектов генов и их взаимодействия, которые могли бы пролить свет на механизмы снижения макиавеллизма у больных. Данные свидетельствуют против когнитивной гипотезы, указывают на умеренный вклад нарушения мотивации к общению в снижение макиавеллизма и в совокупности позволяют предположить, что низкий макиавеллизм больных является не «выпадением» функции, а результатом работы защитных механизмов личности.

Ключевые слова: макиавеллизм, шизофрения, мотивация, когнитивный дефицит, социальные когниции, генетический полиморфизм, серотонин.

Шизофрения представляет собой тяжелое психическое заболевание, затрагивающее более 50 миллионов жителей Земли. Одним из ее основных проявлений является нарушение социальных взаимодействий, которое ведет к снижению адаптации больных и ухудшению качества их жизни (Лоскутова, 2009; Green et al., 2008). В поисках механизмов этого нарушения исследователи обращаются к изучению различных аспектов социальных когниций и социального поведения больных, в том числе макиавеллизма. Макиавеллизм (Мак) представляет собой склонность манипулировать другими людьми для достижения личных целей, часто в ущерб интересам тех, кем манипулируют (Знаков, 2002; Калущкая, Поддьяков, 2007; Christie, Geis, 1970; Jones, Paulhus, 2009). Внимание к этому аспекту социального поведения больных шизофренией (Crow, 1993; Sullivan, Allen, 1999) было вызвано появлением эволюционной гипотезы развития мозга и психики, получившей название «гипотеза макиавеллианского интеллекта» (Byrne, Whiten, 1988), в современном виде «гипотеза социального мозга» (Dunbar, 1998). Согласно этой гипотезе, движущей силой развития интеллекта приматов явились селекционные преимущества, связанные со способностью манипулировать особями своего вида в процессе соревнования за ресурсы. Отбор в пользу этой способности и должен был привести к увеличению размеров мозга и повышению когнитивных способностей приматов. В силу этого макиавеллизм должен иметь закрепленные в ходе эволюции специфические моз-

говые механизмы, которые могут страдать при психических расстройствах.

Снижение макиавеллизма при шизофрении обнаружено в двух работах (Mazza et al., 2003; Sullivan, Allen, 1999) с помощью шкалы Mach-IV (Christie, Geis, 1970). Авторы работ предположили, что в основе такого снижения лежат нарушения когнитивной деятельности больных — либо общего интеллекта, либо способности к пониманию намерений, мыслей и чувств других людей, т.е. способности к построению моделей психического (theory of mind, ТОМ). Кроме того, Р. Салливан и Дж. Аллен (Sullivan, Allen, 1999) указали на возможную связь между снижением Мак и повышением эмоциональной напряженности больных в социальных ситуациях. Эта связь, по их мнению, может быть опосредована нарушением когнитивных процессов, поскольку эмоциональная напряженность ведет к ухудшению обработки социальных сигналов, в частности к ухудшению распознавания эмоциональных выражений лиц. Таким образом, в качестве источника снижения Мак при шизофрении было предложено рассматривать характерный для больных генерализованный когнитивный дефицит или дефицит социальных когниций.

По нашему мнению, возможно и другое объяснение снижения Мак при шизофрении. В рамках эволюционного подхода П. Холи (Hawley, 2006) предложила «теорию управления ресурсами», согласно которой люди могут использовать различные социальные стратегии в борьбе за ресурсы (материальные блага и высокий социальный статус) в разной

степени. Она выделила 5 типов людей. Собственно макиавеллистами она назвала тех, кто склонен часто и гибко использовать как манипулятивные, так и просоциальные стратегии. Другие два типа отдадут предпочтение какой-то одной из названных стратегий. Люди четвертого типа, составляющие большинство, в умеренной степени применяют манипулирование и сотрудничество. Наконец, есть и те, кто редко прибегает к обеим стратегиям, т.е. не вступает в борьбу за ресурсы (noncontrollers). Больные шизофренией характеризуются как низким макиавеллизмом, так и низкими оценками по шкалам, отражающим склонность к сотрудничеству (Lysaker et al., 2003). На этом основании их можно отнести к последнему типу. Кроме того, известно, что больные шизофренией отличаются амотивированностью и некоммуникабельностью, что выражается в негативных симптомах болезни. Мы предположили, что в основе низкого Мак больных лежит отсутствие у них мотивации к социальным взаимодействиям и управлению социальными ресурсами.

Целью данной работы был поиск источников снижения Мак у больных шизофренией. Поиск включал в себя проверку когнитивной и мотивационной гипотез. В задачи исследования входило: 1) подтверждение на большой выборке снижения Мак у больных шизофренией; 2) изучение связи Мак с нарушением базовых и социальных когниций больных; 3) изучение связи Мак с нарушениями мотивационной сферы больных; 4) поиск молекулярно-генетических маркеров снижения Мак при шизофрении. Выявление генети-

ческих маркеров представляет собой самостоятельную ценность для биологической психиатрии, но также может быть использовано в качестве дополнительного подхода к проверке приведенных выше гипотез.

При планировании исследования мы учитывали, что Мак является сложным конструктом (Калуцкая, Поддяков, 2007; Christie, Geis, 1970; Corral, Calvete, 2000), включает в себя отсутствие уважения к людям и убежденность в необходимости манипулировать ими. Это отражено, в частности, в наличии трех подшкал Mach-IV, оценивающих склонность к тактическому обману, циничный взгляд на природу человека и пренебрежение моральными ценностями.

Общая характеристика макиавеллизма у больных шизофренией и его связь с когнитивным дефицитом

Учитывая, что Мак требует навыков манипуляции, многие исследователи предполагали, что макиавеллисты должны обладать высоким интеллектом и/или развитыми социально-когнитивными способностями, в первую очередь, ТОМ. Однако у взрослых здоровых людей не было выявлено устойчивой связи Мак с общим интеллектом, корреляции Мак с распознаванием эмоций оказались негативными, а данные по ТОМ противоречивыми (Егорова, 2009; Al Aïn et al., 2013; Jones, Paulhus, 2009). Так, некоторые авторы показали, что лица с высоким Мак характеризуются снижением ТОМ (Al Aïn et al., 2013; Lyons et al., 2010), в то время как другие не обнаружили корреляции

между этими признаками (Ali, Chamoggo-Premuzic, 2010; Paal, Bereczkei, 2007). Нужно отметить, что отсутствие связей Мак с интеллектуальными функциями в общей популяции еще не означает их отсутствия при шизофрении. Больные шизофренией характеризуются выраженным дефицитом как базовых, так и социальных когний (Лоскутова, 2009; Green et al., 2008; Mehta et al., 2013). При этом нарушения социальных когний опосредуют связь между дефицитом базовых когнитивных процессов и неспособностью больных к эффективному межличностному взаимодействию (Couture et al., 2011; Schmidt et al., 2011). Не исключено, что снижение Мак также вызвано когнитивной дисфункцией.

На первом этапе работы мы ставили задачу проверить на большой выборке, действительно ли у больных имеется снижение Мак и как влияют на это клинико-демографические факторы. Предыдущее исследование относительно небольшой группы пациентов ($n = 51$) показало, что Мак не зависит от возраста, но связан с полом и образованием (Sullivan, Allen, 1999). Клинические особенности больных в этом исследовании не учитывали из-за недостаточного размера выборки. Отличия пациентов от нормы наблюдались по пунктам Mach-IV, принадлежащим разным подшкалам, но поддерживающим безусловную ценность честности и морали. Далее мы проверяли гипотезы, связывающие снижение макиавеллизма больных с аномалиями базовых и социальных когнитивных процессов. При выборе когнитивных методик мы учитывали, что Мак включает в себя способность к

обману — сокрытию истинных намерений и осуществлению отвлекающих маневров, что требует высокого уровня функционирования префронтальной коры, обеспечивающей регуляторные (управляющие) функции/когнитивный контроль. Предполагается, что все три основных аспекта когнитивного контроля могут быть связаны с обманом: удержание в памяти правды при генерации лжи требует рабочей памяти, подавление правдивого ответа — тормозного контроля, а выбор между правдивыми и лживыми ответами — переключения (Christ et al., 2009).

Материал и методы

Шкалу Mach-IV заполнили 274 больных с расстройствами шизофренического спектра (66% женщин, средний возраст 32 года ($SD = 11$)) и 234 контрольных испытуемых (62% женщин, средний возраст 30 лет ($SD = 11$)). В исследовании участвовали пациенты, находившиеся на стационарном лечении в НЦПЗ и ПБ № 1 г. Москвы; 246 человек с различными формами шизофрении и 25 человек с шизоаффективным психозом, согласно Международной классификации болезней 10-го пересмотра. Средняя длительность болезни составила 6.5 года ($SD = 7.0$). В контрольную группу включали здоровых людей без наследственной отягощенности по психическим расстройствам. Критериями исключения для всех испытуемых являлись неврологические и тяжелые соматические заболевания, неевропейское происхождение и отсутствие среднего образования. Испытуемые были информированы о целях и процедуре

исследования и дали письменное согласие на участие в нем. Проведение исследования было одобрено Этическим комитетом ФГБНУ НЦПЗ.

Клиническое исследование состояния больных проводили с помощью Шкалы позитивных и негативных синдромов, или PANSS (Kay et al., 1987). PANSS оценивает по 7-балльной системе выраженность 30 симптомов, которые входят в подшкалы позитивных, негативных и общих психопатологических синдромов. Данные PANSS были предоставлены психиатрами, наблюдавшими больных, для 237 пациентов.

Когнитивные функции исследовали у 253 больных из основной группы. Психометрическое и экспериментально-психологическое обследование каждого больного проводили после улучшения его состояния, примерно за неделю до выписки. Тем не менее не все больные смогли выполнить полный набор когнитивных задач, что отражено при изложении результатов работы.

Макиавеллизм оценивали с помощью шкалы Mach-IV в адаптации В.В. Знакова. Mach-IV включает в себя 20 утверждений. Испытуемый отмечал степень согласия с каждым из них по 5-балльной системе: от -2 (абсолютно не согласен) до 2 (абсолютно согласен). Мы также использовали две подшкалы Mach-IV — «Тактика» (Interpersonal Tactics, 7 пунктов) и «Цинизм» (Cynical View of Human Nature, 7 пунктов). Подшкалу «Мораль» (Disregard for Conventional Morality) в анализ не включали, поскольку она состоит всего из 2 пунктов и характеризуется

низкими психометрическими свойствами (Corral, Calvete, 2000).

Для оценки базовых когнитивных применяли следующие пробы. Вербальную память исследовали с помощью Теста слухоречевой памяти и научения Рея (RAVLT). При проведении RAVLT испытуемому пять раз предъявляют для воспроизведения список А из 15 слов, затем однократно список Б из 15 других слов. От испытуемого требуется непосредственное и отсроченное воспроизведение и узнавание слов списка А. В настоящей работе в качестве показателя эпизодической вербальной памяти мы использовали суммарное количество слов, воспроизведенных после каждого из 5 предъявлений, т.е. вербальное научение. Количество слов, воспроизведенных после первого предъявления, рассматривали как показатель одного из аспектов рабочей памяти. Из других подпроцессов когнитивного контроля оценивали вербальную беглость и переключаемость (Trail Making Test — Part B, TMT-B). При измерении вербальной беглости испытуемому предлагали назвать за одну минуту как можно больше слов, принадлежащих к определенной семантической категории. Показатель — суммарное количество названных слов, принадлежащих к категориям животные и фрукты. В TMT-B испытуемый должен соединять в правильном порядке кружки с буквами и числами, чередуя буквы и числа. Показатель — время выполнения. Кроме того, в подгруппе больных оценивали торможение нерелевантных реакций. Для этого применяли Тест Струпа. Показателем служил коэффициент интерференции, или

эффект Струпа, который отражал снижение скорости выполнения задачи в условиях «конфликта» между цветом чернил и значением слова по сравнению с чтением слов, обозначающих цвета, или названием цвета чернил, которыми были напечатаны знаки.

Из социальных когний анализировали распознавание эмоций и ТОМ. В задаче на оценку мимической экспрессии эмоций стимулами служили 9 черно-белых фотографий актеров, изображавших радость, удивление, печаль, гнев, отвращение, страх, интерес, презрение и стыд. Испытуемый должен был назвать каждую эмоцию, изображенную актером. Время выполнения задания не ограничивалось и не фиксировалось. За каждую верно названную эмоцию начисляли один балл. Более подробно методика описана ранее (Alfimova et al., 2009).

Для оценки ТОМ использовали два типа задач: задачи с ложными представлениями второго порядка (second-order false belief task, FB2) и задачи на оценку способности выявлять оплошность (faux pas, FP). В FB2-задачах испытуемый должен ответить, каковы мысли одного из персонажей рассказа о мыслях другого по поводу нахождения некоего предмета. FP-задачи тестируют способность осознавать, что персонаж рассказа допустил оплошность в ситуации общения, т.е. сказал что-то, что ему не следовало говорить. Для правильного ответа испытуемому необходимо понять, что человек, сказавший «лишнее», сделал это не намеренно и что второй персонаж задет этими словами, т.е. испытуемый должен понять, каковы намере-

ния и чувства персонажей. В данном исследовании использовали три FB2- и три FP-задачи. После прочтения каждой задачи испытуемому задавали вопросы для проверки ТОМ и общего усвоения рассказа. Более подробно методика описана ранее (Алфимова и др., 2003). Успешность выполнения каждой задачи оценивали по 5-балльной системе (от 0 — не усвоил содержание рассказа до 5 — ответ, свидетельствующий о полном и правильном понимании мыслей, намерений и чувств персонажей, а также о согласии с тем, что имела место оплошность).

При проведении статистического анализа использовали пакет Statistica 10. После удаления одного выброса из контрольной группы оценки по шкале и подшкалам Mach-IV имели нормальное распределение. Большинство когнитивных признаков и оценки по подшкалам PANSS имели нормальное или близкое к нормальному распределение. Время выполнения ТМТ-В было приведено к нормальному распределению с помощью трансформации $\log_{10}(x)$. Далее эти признаки анализировали с помощью параметрических методов. Показатели решения FB2- и FP-задач не имели нормального распределения, поскольку большинство больных получили максимальные баллы; их анализировали с помощью непараметрических методов.

Результаты и обсуждение

Больные имели более низкие оценки по шкале и подшкалам Mach-IV, чем здоровые (таблица 1). Различия между группами достигали значимости для общей оценки шкалы (раз-

Таблица 1

Показатели (средние и стандартные отклонения) макиавеллизма у больных шизофренией и здоровых людей

Показатели Mach-IV	Больные			Здоровые		
	Мужчины	Женщины	Все	Мужчины	Женщины	Все
Общая оценка	-5.07 (8.48)	-6.66 (7.11)	-6.12 (7.61)	-3.33 (7.84)	-5.30 (7.77)	-4.56* (7.83)
Тактика	-3.28 (4.63)	-3.54 (4.18)	-3.46 (4.33)	-3.00 (4.92)	-2.79 (4.94)	-2.87 (4.93)
Цинизм	-1.39 (4.01)	-2.01 (3.89)	-1.80 (3.93)	-0.32 (3.71)	-2.32** (3.48)	-1.56 (3.69)

Примечание. * — различия между больными и здоровыми значимы: $t = 2.28$, $df = 505$, $p = 0.02$;
** — различия между здоровыми мужчинами и женщинами значимы: $t = 4.15$, $df = 231$, $p = 0.00$.

мер эффекта $d = 0.20$). В контрольной группе мужчины характеризовались достоверно более высоким цинизмом, чем женщины; эта же тенденция имела место для общей оценки Mach-IV. В группе больных не было различий между мужчинами и женщинами по шкале и подшкалам Mach-IV, хотя в целом тенденция к более высокому Мак у мужчин сохранялась. Показатели Mach-IV не были связаны с возрастом. Мы также не выявили значимых корреляций между показателями Mach-IV и клиническими параметрами — длительностью болезни, возрастом начала заболевания и выраженностью различных синдромов по шкале PANSS.

В целом наше исследование большой выборки больных подтвердило снижение Мак при шизофрении. При этом оно не выявило связи Мак с клинико-демографическими показателями. В частности, не подтвердилось, что среди больных мужчины демонстрируют более выраженное снижение Мак, чем женщины (Sullivan, Allen, 1999). При этом наши результаты согласуются с представлениями о более высоких оценках Мак у мужчин относительно

женщин среди здоровых людей (Jones, Paulhus, 2009).

Интегральный индекс когнитивного функционирования (g) больных вычисляли с помощью метода главных компонент. В анализ вводили все когнитивные признаки за исключением эффекта Струпа. Показателем g служили значения первой главной компоненты (без вращения), которая объясняла 49% общей дисперсии. В нее вошли с высокой нагрузкой (≥ 0.60) все признаки, причем более высокие значения фактора отражали большую выраженность когнитивного дефицита. Выявлена положительная корреляция g с общей оценкой Mach-IV (размер эффекта $r^2 = 0.02$) (таблица 2). Это свидетельствует о повышении Мак у лиц с большим когнитивным дефицитом. Кроме того, имело место повышение Мак при увеличении времени выполнения теста ТМТ-В ($r^2 = 0.03$ для общей оценки Mach-IV и $r^2 = 0.02$ для «Тактики» Mach-IV). Как видно из таблицы 2, показатели Мак не были значимо связаны с социальными когнициями. В целом имели место слабые отрицательные корреляции.

Таблица 2

**Корреляции показателей макиавеллизма с когнитивными признаками
у больных шизофренией**

Показатели Mach-IV	Базовые когниции						Социальные когниции		
	ВБ ¹ n=233	ТМТ ¹ n=206	ЭС ¹ n=127	РП ¹ n=240	ЭП ¹ n=240	g ¹ n=201	ЭЛ ¹ n=237	FB2 ² n=218	FP ² n=219
Общая оценка	-0.04	0.16*	0.10	-0.09	-0.11	0.14*	-0.05	-0.02	-0.01
Тактика	0.00	0.14*	0.06	-0.12	-0.06	0.10	-0.04	0.01	0.05
Цинизм	-0.03	0.12	0.10	-0.03	-0.09	0.07	-0.08	-0.08	-0.13

Примечание. ВБ – вербальная беглость; ТМТ – Trail Making Test, Part B; ЭС – эффект Струпа; РП – рабочая память, т.е. количество слов, воспроизведенных после первого предъявления в Тесте Рея; ЭП – эпизодическая память, т.е. суммарное количество слов, воспроизведенных после каждого из 5 предъявлений в Тесте Рея; g – интегральный показатель когнитивного функционирования; ЭЛ – распознавание эмоциональных выражений лиц; FB2 – решение задач на ложные представления второго порядка; FP – решение задач на выявление оплошностей.

¹ корреляции Пирсона, ² корреляции Спирмана; * корреляция значима на уровне $p < 0.05$.

Таким образом, полученные данные не подтвердили гипотезу о том, что причиной снижения Мак у больных шизофренией являются нарушения базовых или социальных когниций.

Макиавеллизм и мотивация при шизофрении

Снижение мотивации к общению – важная часть ряда теорий шизофрении (Критская и др., 1991; Meehl, 1962). В экспериментальных работах показана связь между нарушениями мотивации больных, социальным интеллектом и навыками решения межличностных проблем (Рычкова, 2013; Couture et al., 2011; Schmidt et al., 2011). При этом большинство исследователей в качестве основного показателя мотивации больных рассматривали негативные симптомы шизофрении, которые включают в себя признаки обедне-

ния эмоциональной, коммуникативной и мыслительной сферы.

При построении настоящего исследования мы предполагали, что снижение Мак больных может быть как следствием общего мотивационного дефицита, возникающего из-за падения энергетического потенциала личности или развития депрессии, так и результатом недостаточной потребности в общении (Критская и др., 1991). Кроме того, причинами снижения Мак у больных могут быть изменения мотивационной сферы, вызванные эмоциональной напряженностью и тревожностью в ситуации общения или подозрительностью и враждебностью. Следует отметить, что в общей популяции преимущественно изучали корреляции Мак с мотивацией достижения. Результаты оказались неоднозначными, что, по-видимому, объясняется их зависимостью от характеристик

конкретной выборки (Егорова, 2009). При этом опубликованы единичные данные о связи Мак в различных когортах с психопатией, паранойей, депрессией, экстраверсией, нейротицизмом, тревожностью, враждебностью и др. (Егорова, 2009; Jones, Paulhus, 2009). В силу этого мы не ограничились анализом зависимости Мак от общей выраженности негативных симптомов при шизофрении, а оценили корреляции Мак с рядом показателей PANSS, отражающих перечисленные свойства, а также с экстраверсией и чертами тревожного ряда.

Материал и методы

Больным из основной выборки было предложено заполнить Личностный опросник Айзенка (EPI) и Шкалу личностной тревожности Спилбергера-Ханина (STAI). Данные EPI получены для 238 больных, STAI — для 241 больного. В качестве

интегральных клинических показателей мотивационной сферы больных мы использовали кластеры PANSS (Анергия, Нарушения мышления, Возбуждение, Параноидное поведение, Депрессия) (Кау, 1991) и факторы из пятифакторной модели PANSS (позитивный, негативный, когнитивный, возбуждения, эмоционального дискомфорта) (van der Gaag et al., 2006). Основные интегральные показатели PANSS, относительно которых предполагалась связь с Мак, представлены в таблице 3. Учитывая особенности распределения признаков, для показателей EPI и STAI вычисляли корреляции Пирсона, для показателей PANSS — корреляции Спирмана. Мы также проанализировали связь Мак с отдельными симптомами PANSS. Для этого применили пошаговый линейный регрессионный анализ, где зависимыми переменными служили общая оценка Mach-IV или оценки по подшкалам Mach-IV

Таблица 3

Интегральные показатели PANSS

Интегральные показатели PANSS	Симптомы, образующие интегральный показатель PANSS
Негативный фактор из 5-факторной модели (van der Gaag et al., 2006)	Притупленный аффект, эмоциональная отгороженность, малококонтактность, пассивно-апатическая социальная отгороженность, нарушения спонтанности и плавности речи, моторная заторможенность, отказ от сотрудничества, активная социальная устраненность
Кластер «Анергия» (Кау, 1991)	Притупленный аффект, эмоциональная отгороженность, моторная заторможенность, дезориентация
Кластер «Депрессия» (Кау, 1991)	Соматическая озабоченность, тревога, чувство вины, депрессия
Кластер «Параноидное поведение» (Кау, 1991)	Подозрительность, враждебность, малококонтактность

«Тактика» и «Цинизм», а независимыми все 30 симптомов PANSS.

Результаты и обсуждение

В группе больных выраженность Мак положительно коррелировала с чертами тревожного ряда (таблица 4), что согласуется с данными для общей популяции (Al Aïn et al., 2013; Jones, Paulhus, 2009). Мы не выявили достоверных корреляций Мак с Экстраверсией EPI и какими-либо интегральными показателями PANSS. Однако отдельные симптомы PANSS оказались значимыми предикторами Мак (таблица 5). Причем это были именно те симптомы, которые отражают расстройство мотивационно-волевой сферы. Мы предполагали, что связь симптомов с Мак будет отрицательной — чем сильнее выражен симптом, тем ниже Мак. Паттерн корреляций оказался более сложным.

Гипотезе соответствовали только отрицательные корреляции общей

оценки Mach-IV и оценки по подшкале Mach-IV «Тактика» с симптомом «пассивно-апатическая социальная отгороженность» PANSS. Симптом отражает уменьшение интереса и инициативы в социальных отношениях из-за апатии, утраты энергии и волевых побуждений, что приводит к уменьшению общительности и пренебрежению повседневной деятельностью. Данный симптом объяснял чуть менее 2% дисперсии оценок Мак. В то же время симптом PANSS «эмоциональная отгороженность», т.е. отсутствие эмоциональной сопричастности к жизненным явлениям, положительно коррелировал с Мак, объясняя 6 и 8% дисперсии общей оценки Mach-IV и оценки по подшкале Mach-IV «Тактика» соответственно. Эти данные, хотя и кажутся парадоксальными на первый взгляд, перекликаются с представлениями об эмоциональной отстраненности макиавеллистов (Al Aïn et al., 2013; Jones, Paulhus,

Таблица 4

Корреляции показателей Mach-IV с личностными и клиническими признаками

Психометрические показатели	Mach-IV Общая оценка	Mach-IV «Тактика»	Mach-IV «Цинизм»
EPI «Экстраверсия» ¹	0.07	-0.03	0.05
EPI «Нейротизм» ¹	0.14*	0.07	0.25**
STAI «Личностная тревожность» ¹	0.17**	0.16*	0.17**
PANSS «Негативный фактор» ²	0.02	-0.02	0.10
PANSS «Анергия» ²	0.07	0.06	0.09
PANSS «Депрессия» ²	0.06	0.01	0.09
PANSS «Параноидное поведение» ²	0.01	0.01	0.01

Примечание. ¹ корреляции Пирсона, ² корреляции Спирмана.

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

Таблица 5

Регрессионные модели для прогноза показателей макиавеллизма на основе симптомов, оцениваемых PANSS

Предикторы (симптомы PANSS)	Параметры уравнения регрессии					
	B (SE)	β	A (SE)	F	p	R^2
Зависимая переменная – общая оценка Mach-IV						
Эмоциональная отгороженность	2.4 (0.56)	0.39**	-8.07 (1.15)**	10.11	0.00	0.07
Пассивно-апатическая социальная отгороженность	-1.87 (0.46)	-0.37**				
Зависимая переменная – «Тактика» Mach-IV						
Эмоциональная отгороженность	1.52 (0.34)	0.41**	-4.17 (0.69)**	12.40	0.00	0.09
Пассивно-апатическая социальная отгороженность	-1.31 (0.38)	-0.42**				
Зависимая переменная – «Цинизм» Mach-IV						
Расстройства воли	0.41 (0.19)	0.14**	-2.96 (0.53)	4.89	0.03	0.02

Примечание. B (SE) – коэффициент регрессии (стандартная ошибка), β – стандартизованный коэффициент регрессии, A – константа, F и p – статистическая значимость модели, R^2 – доля объясняемой дисперсии зависимой переменной, стандартизованная.

** $p < 0.01$.

2009). Наименее ожидаемый результат – положительные корреляции между симптомом PANSS «расстройства воли» и подшкалой Mach-IV «Цинизм». Этот симптом отражает общее снижение инициативы, способности добиваться поставленной цели и контролировать свои мысли, поведение, движения и речь. Возможно, что мрачный взгляд на природу человека, который оценивает подшкала Mach-IV «Цинизм», привлекается в качестве оправдания бездеятельности и нежелания проявлять социальную активность или является причиной такого поведения.

Результаты исследования больных шизофренией в целом согласуются с гипотезой о том, что снижение направленности на общение вносит вклад в снижение Мак, хотя это объясняет лишь небольшую часть дисперсии этого признака. Кроме того, на основании полученных данных можно предположить, что Мак связан с относительно специфичным изменением потребности в общении, а не с общим обеднением мотивационной сферы. Результаты не подтверждают роль тревожности или подозрительности/враждебности в снижении Мак. Показано, что снижение Мак нельзя объяснить и

общей тяжестью состояния пациентов, поскольку некоторые симптомы болезни могут способствовать повышению оценок по шкале Мач-IV.

Молекулярно-генетический анализ вариативности макиавеллизма при шизофрении

В последние годы интенсивно развивается нейронаучный подход к изучению социальных явлений. Методы нейронауки привлекаются не только для выявления мозговых механизмов, обеспечивающих когнитивные и эмоциональные процессы, лежащие в основе социальных взаимодействий, но и для проверки различных гипотез, объясняющих психологическую природу того или иного социального феномена (Vagozzi et al., 2013).

Одним из методов нейронауки является поиск генов, ассоциированных с изучаемым свойством. Наиболее вероятными генами-кандидатами для различных аспектов социального поведения в настоящее время считаются гены, кодирующие белки, которые участвуют в обмене нейромедиатора серотонина и двух нейрогормонов — вазопрессина и окситоцина (Ebstein et al., 2010). Ранее мы выявили связь между снижением Мак и присутствием в генотипе определенной формы гена *HTR2C*, кодирующего рецептор серотонина типа 2с, у больных шизофренией и здоровых (Алфимова и др., 2015). Редкая, мутантная форма гена (аллель Ser, полиморфизм Cys23Ser) вела к снижению макиавеллизма. Рецепторы серотонина 2с присутствуют во многих отделах мозга, где регулируют активность различных

систем, прежде всего дофаминергической, поэтому описанная ассоциация не позволяет пролить свет на биологическую и психологическую природу снижения Мак у больных. Вместе с тем выявление эффектов взаимодействия гена *HTR2C* с другими генами может послужить дополнительным аргументом в пользу когнитивной или мотивационной гипотезы.

Для проверки когнитивной гипотезы мы включили в анализ ген *COMT*. Он кодирует фермент катехол-О-метилтрансферазу, который участвует в разрушении дофамина, регулируя тем самым уровень дофамина в мозге. Ген *COMT* связывают с общим интеллектом и регуляторными функциями, так как он в наибольшей степени влияет на уровни дофамина в префронтальной коре (Witte, Floel, 2012).

При выборе генов для проверки мотивационной гипотезы мы руководствовались тем, что мотивация приближения, основанная на вознаграждающем эффекте социальных взаимодействий, в определенной мере связана с работой мезолимбической дофаминовой системы. Важным фактором функционирования этой системы являются дофаминовые рецепторы типа 2 (DRD2). Высокая плотность рецепторов DRD2 наблюдается в стриатуме — структуре, играющей важную роль в оценке мотивационной и эмоциональной значимости стимулов. Более редкая форма гена *DRD2* (аллель A1, полиморфизм TAQ1 A) характеризуется меньшей активностью по сравнению с аллелем A2 и ведет к снижению плотности рецепторов в стриатуме (Thompson et al., 1997). Нужно отметить, что для шизофрении характерна

гиперфункция рецепторов DRD2, предположительно отвечающая за возникновение позитивных симптомов болезни.

Обработку аверсивных стимулов и мотивацию избегания связывают с чертами тревожного ряда. Уровень тревожности, в свою очередь, в значительной степени зависит от обмена серотонина в лимбических структурах мозга. Учитывая это, мы включили в анализ ген, кодирующий белок-переносчик серотонина. Переносчик серотонина отвечает за обратный захват серотонина из синаптической щели в пресинаптический нейрон для последующего использования или метаболизма. Показано, что одна из форм этого гена (короткий аллель S, полиморфизм 5-HTTLPR) ведет к снижению активности гена и формированию черт тревожного ряда и депрессии в ответ на неблагоприятные средовые воздействия в детстве (McGuffin et al., 2011). Важно отметить, что серотонин связывают с моральным и просоциальным поведением. Часто эту связь объясняют участием нейромедиатора в функционировании орбитофронтальной коры, опосредующей контроль импульсивных действий. Согласно другой гипотезе, повышение уровня серотонина может вести к избеганию поступков, направленных на причинение вреда невинной жертве, поскольку увеличивает тревогу (ожидание негативных последствий такого поведения). Этот эффект серотонина опосредован вентролатеральной префронтальной корой и миндалиной (Crockett et al., 2010). Последняя гипотеза перекликается с результатами нейровизуализационных исследований обмана,

свидетельствующих о том, что замена правдивых ответов высказываниями, не соответствующими действительности, вовлекает активацию префронтальной коры, включая левую дорсолатеральную область, связанную с регуляторными функциями. В то же время собственно обман собеседника ведет к активации вентролатеральной префронтальной коры и миндалины — структур, связанных с эмоциональными аспектами обработки информации (Abe et al., 2007).

Материал и методы

У лиц из основной группы больных проводили отбор венозной крови и выделение ДНК. Затем с помощью маркеров в генах *HTR2C* (Cys23Ser), *COMT* (Val158Met), *DRD2* (Taq1 A) и переносчика серотонина (5-HTTLPR) согласно ранее описанным методикам (Голиббет и др., 2005; Masellis et al., 1998; Monakhov et al., 2008) определяли соответствующие генотипы. Количество испытуемых, у которых был определен каждый из генотипов, представлено в таблице 6. Следует подчеркнуть, что выборка, в которой были определены генотипы по маркеру в гене *HTR2C*, та же, что и в нашей предыдущей работе (Алфимова и др., 2015).

Поиск ассоциаций проводили с помощью дисперсионного анализа (MANOVA). Сначала использовали однофакторный анализ, в котором зависимыми переменными служили общий показатель Mach-IV и показатели по подшкалам Mach-IV «Тактика» и «Цинизм», а независимым каждый из генотипов. При этом

Таблица 6

Показатели шкалы Mach-IV (средние и стандартные отклонения) у больных шизофренией в зависимости от генотипов

Показатели Mach-IV	<i>HTR2C</i>		<i>DRD2</i>		<i>COMT</i>		<i>HTTLPR</i>	
	CysCys n=136	Ser+ n=50	A2A2 n=83	A1+ n=51	ValVal n=45	Met+ n=108	LL n=111	S+ n=93
Общая оценка	-5.24 (6.77)	-8.00* (7.30)	-6.05 (7.59)	-5.16 (6.43)	-5.84 (6.86)	-5.76 (7.39)	-5.73 (7.31)	-7.15 (7.25)
«Тактика»	-2.60 (4.04)	-4.90** (4.52)	-3.30 (4.51)	-2.55 (4.08)	-3.53 (4.51)	-3.07 (4.35)	-3.20 (4.50)	-3.59 (4.27)
«Цинизм»	-1.70 (3.77)	-1.96 (3.40)	-1.98 (4.14)	-1.35 (3.72)	-1.44 (3.91)	-1.70 (3.80)	-1.49 (3.80)	-2.56* (3.73)

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

среди испытуемых выделяли группы тех, в генотипе которых была хотя бы одна редкая (мутантная) форма гена, и тех, у кого ее не было. Затем использовали двухфакторный анализ, с помощью которого последовательно оценивали эффекты взаимодействия гена *HTR2C* с генами *COMT*, *DRD2* и переносчика серотонина на показатели Mach-IV. Кроме того, представлялось важным выяснить, не являются ли коррелирующие с оценками Mach-IV когнитивные и мотивационные переменные факторами, опосредующими влияние гена *HTR2C* на Мак. С этой целью мы сравнили носителей редкого аллеля гена *HTR2C* с лицами без такового по показателям переключаемости внимания, g, тревожности и выраженности симптомов PANSS «эмоциональная отгороженность», «пассивно-апатическая социальная отгороженность» и «расстройства воли». В зависимости от распределения признака использовали t-критерий или критерий Манна–Уитни. В случае обнаружения связи гена с одним из перечисленных признаков плани-

ровалось проведение медиаторного анализа.

Результаты и обсуждение

Анализ показал, что в основе выявленной нами ранее связи гена *HTR2C* с общей оценкой Mach-IV лежит ассоциация *HTR2C* с подшкалой Mach-IV «Тактика» (таблица 6). У носителей редкой формы гена наблюдалось более выраженное снижение оценки по подшкале Mach-IV «Тактика» и общей оценки Mach-IV, чем у лиц без этого аллеля в генотипе. При анализе других генов обнаружена слабая связь между коротким аллелем гена переносчика серотонина и снижением оценки по подшкале Mach-IV «Цинизм». Эффекты взаимодействия гена *HTR2C* с генами *COMT*, *DRD2* и переносчика серотонина были изучены в группах численностью 132, 152 и 186 человек соответственно. Значимых эффектов взаимодействия выявлено не было. Не было также обнаружено влияния гена *HTR2C* на когнитивные и мотивационные показатели.

В заключение мы провели пошаговый регрессионный анализ, направленный на проверку независимости вклада когнитивных, мотивационных и генетических факторов в оценки Мак. Для каждого показателя Mach-IV (общей оценки и оценок по подшкалам) независимыми переменными служили все признаки, корреляции Мак с которыми были выявлены на предыдущих этапах исследования. Оказалось, что в вариативность общей оценки Mach-IV значимый и примерно равный вклад (по 4%) вносят переключаемость внимания и ген *HTR2C*. Для подшкалы Mach-IV «Тактика» предиктором является только ген *HTR2C* (около 6%), а для подшкалы Mach-IV «Цинизм» — личностная тревожность (2%).

Таким образом, на этом этапе исследования не было получено молекулярно-генетических данных ни в пользу когнитивной, ни в пользу мотивационной гипотезы снижения Мак при шизофрении.

Заключение

Настоящее исследование подтвердило, что при шизофрении имеется существенное снижение макиавеллизма. Оно характерно для пациентов разного пола, с разной длительностью заболевания и не коррелирует с тяжестью клинического состояния. Полученные результаты свидетельствуют против гипотезы о том, что применение манипулятивных стратегий больными невозможно в силу характерных для больных общего когнитивного дефицита или дефицита социальных когниций. Напротив, согласно на-

шим данным, снижение макиавеллизма более выражено у пациентов с более сохранным когнитивным функционированием. Гипотеза о вкладе амотивированности больных в снижение макиавеллизма частично подтвердилась: была выявлена корреляция между нарастанием пассивно-апатической отгороженности и снижением макиавеллизма. Следует отметить, что симптом отгороженности был связан со взглядами на возможность манипулировать окружающими (подшкала Mach-IV «Тактика»), но не на человеческую природу (Mach-IV «Цинизм»). С подшкалой Mach-IV «Тактика» оказалось связано и влияние гена рецептора серотонина 2с, мутантный аллель которого предположительно вносит вклад в развитие депрессивных и тревожных расстройств (Lerer et al., 2001). Наконец, общая оценка и оценки по обеим подшкалам Mach-IV положительно коррелировали с личностной тревожностью.

Несмотря на выявленные корреляции, основная часть вариативности макиавеллизма при шизофрении осталась необъясненной. Ранее проведенное исследование здоровых молодых людей показало, что высокий макиавеллизм отрицательно связан с саморегуляцией и показателями адаптации (Егорова, 2009). Обобщая собственные и литературные данные, М.С. Егорова (2009) пришла к заключению, что индивиды с высокими оценками макиавеллизма являются социальными дезадаптантами, а сам макиавеллизм можно рассматривать как защитную реакцию лиц, обладающих рядом неблагоприятных характеристик, включая тревожность, сниженную

самооценку и экстернальный локус контроля. Возможно, что и при шизофрении уровень макиавеллизма отражает особенности адаптации больных. Низкие оценки пациентов по шкале Mach-IV могут быть следствием их специфического приспособления к своему состоянию. Это приспособление заключается в отказе от манипуляции и признании безусловной ценности честности и морали в человеческих отношениях. Указанная позиция может способствовать снижению эмоционального напряжения и тревоги у больных, особенно у носителей формы гена *HTR2C*, повышающей риск развития тревожных и депрессивных расстройств. Нельзя также исключить,

что больные с более сохранными когнитивными функциями в большей степени искажают ответы в сторону социальной желательности, т.е. в сторону снижения макиавеллизма. Однако такое искажение ответов не объясняет отличия больных от нормы по уровню макиавеллизма.

В целом, по нашему мнению, результаты настоящего исследования следует рассматривать в пользу представлений о том, что низкий макиавеллизм больных шизофренией не является простым «выпадением» функции, а может быть результатом работы защитных механизмов личности. Это следует учитывать при построении психокоррекционной работы с больными.

Литература

- Алфимова, М. В., Абрамова, Л. И., Бондарь, В. В., Каледа, В. Г., Голимбет, В. Е. (2003). Психологические механизмы нарушений общения у больных шизофренией и их родственников. *Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова*, 103(5), 34–39.
- Алфимова, М. В., Голимбет, В. Е., Коровайцева, Г. И., Абрамова, Л. И., Каледа, В. Г. (2015). Ассоциация полиморфизма CYS23SER гена рецептора серотонина 2с (HTR2C) с социальным поведением у больных шизофренией и здоровых. *Генетика*, 51(2), 242–247.
- Голимбет, В. Е., Лебедева, И. С., Гриценко, И. К., Коровайцева, Г. И., Алфимова, М. В., Лежейко, Т. В., ... Рогаев, Е. И. (2005). Связь полиморфизма генов серотонинергической и дофаминергической систем с вызванными потенциалами (компонент Р300) у больных шизофренией и их родственников. *Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова*, 105(10), 35–39.
- Егорова, М. С. (2009). Макиавеллизм в структуре личностных свойств. *Вестник Пермского государственного педагогического университета. Серия 10, Дифференциальная психология*, 1/2, 65–80.
- Знаков, В. В. (2002). Макиавеллизм: манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении. *Вопросы психологии*, 6, 45–48.
- Калуцкая, И. Н., Подьяков, А. Н. (2007). Представления о макиавеллизме: разнообразие подходов и оценок. *Культурно-историческая психология*, 4, 78–89.
- Критская, В. П., Мелешко, Т. К., Поляков, Ю. Ф. (1991). *Патология психической деятельности при шизофрении: мотивация, общение, познание*. М.: Изд-во Московского университета.
- Лоскутова, В. А. (2009). Социальные когнитивные функции при шизофрении и способы терапевтического воздействия. *Социальная и клиническая психиатрия*, 19(4), 92–104.

- Рычкова, О. В. (2013). Структура нарушений социального интеллекта при шизофрении. *Психологические исследования*, 6(28), 11. URL: <http://psystudy.ru>
- Abe, N., Suzuki, M., Mori, E., Itoh, M., & Fujii, T. (2007). Deceiving others: distinct neural responses of the prefrontal cortex and amygdale in simple fabrication and deception with social interactions. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 19, 287–295.
- Al Ain, S., Carré, A., Fantini-Hauwel, C., Baudouin, J.-Y., & Besche-Richard, C. (2013). What is the emotional core of the multidimensional Machiavellian personality trait? *Frontiers in Psychology*, 4, Article 454. doi:10.3389/fpsyg.2013.00454
- Alfimova, M. V., Abramova, L. I., Barhatova, A. I., Yumatova, P. E., Lyachenko, G. L., & Golimbet, V. E. (2009). Facial affect recognition deficit as a marker of genetic vulnerability to schizophrenia. *Spanish Journal of Psychology*, 12, 46–55.
- Ali, F., & Chamorro-Premuzic, T. (2010). Investigating theory of mind deficits in nonclinical psychopathy and Machiavellianism. *Personality and Individual Differences*, 49, 169–174.
- Bagozzi, R. P., Verbeke, W. J. M. I., Dietvorst, R. C., Belschak, F. D., van den Berg, W. E., & Rietdijk, W. J. R. (2013). Theory of mind and empathic explanations of Machiavellianism: A neuroscience perspective. *Journal of Management*, 39, Article 1760. doi:10.1177/0149206312471393
- Byrne R.W., & Whiten, A. (Eds.). (1988). *Machiavellian intelligence: social expertise and the evolution of intellect in monkeys, apes, and humans*. Oxford, UK: Clarendon Press.
- Christ, S. E., Van Essen, D. C., Watson, J. M., Brubaker, L. E., & McDermott, K. B. (2009). The contributions of prefrontal cortex and executive control to deception: evidence from activation likelihood estimate meta-analyses. *Cerebral Cortex*, 19, 1557–1566.
- Christie, R., & Geis, F. L. (Eds.). (1970). *Studies in Machiavellianism*. New York, NY: Academic Press.
- Corral, S., & Calvete, E. (2000). Machiavellianism: Dimensionality of the Mach IV and its relation to self-monitoring in a Spanish sample. *Spanish Journal of Psychology*, 3, 3–13.
- Couture, S. M., Granholm, E. L., & Fish, S. C. (2011). A path model investigation of neurocognition, theory of mind, social competence, negative symptoms and real-world functioning in schizophrenia. *Schizophrenia Research*, 125, 152–160.
- Crockett, M. J., Clark, L., Hauser, M. D., & Robbins, T. W. (2010). Serotonin selectively influences moral judgment and behavior through effects on harm aversion. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 107, 17433–17438.
- Crow, T. J. (1993). Sexual selection, Machiavellian intelligence, and the origins of psychosis. *Lancet*, 342, 594–598.
- Dunbar, R. I. M. (1998). The social brain hypothesis. *Evolutionary Anthropology*, 6, 178–190.
- Ebstein, R. P., Israel, S., Chew, S. H., Zhong, S., & Knafo A. (2010). Genetics of human social behavior. *Neuron*, 65, 835–844.
- Green, M. F., Penn, D. L., Bentall, R., Carpenter, W. T., Gaebel, W., Gur, R. C., ... Heinssen, R. (2008). Social cognition in schizophrenia: An NIMH Workshop on Definitions, Assessment, and Research Opportunities. *Schizophrenia Bulletin*, 34, 1211–1220.
- Hawley, P. H. (2006). Evolution and personality: A new look at Machiavellianism. In D. K. Mroczek & T. D. Little (Eds.), *Handbook of personality development* (pp. 147–161). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum.
- Jones, D. N., & Paulhus, D. L. (2009). Machiavellianism. In M. R. Leary & R. H. Hoyle (Eds.), *Handbook of individual differences in social behavior* (pp. 257–273). New York, NY; London, UK: The Guilford Press.
- Kay, S. R. (1991). *Positive and negative syndromes in schizophrenia*. New York, NY: Brunner/Mazel Inc.

- Kay, S. R., Fiszszbein, A., & Opler, L. A. (1987). The positive and negative syndrome scale for schizophrenia. *Schizophrenia Bulletin*, *13*, 261–276.
- Lerer, B., Macciardi, F., Segman, R. H., Adolfsson, R., Blackwood D., Blairy, S., ... Mendlewicz, J. (2001). Variability of 5-HT_{2C} receptor cys23ser polymorphism among European populations and vulnerability to affective disorder. *Molecular Psychiatry*, *6*, 579–585.
- Lyons, M., Caldwell, T., & Shultz, S. (2010). Mind-reading and manipulation: Is Machiavellianism related to theory of mind? *Journal of Evolutionary Psychology*, *8*, 261–274.
- Lysaker, P. H., Wilt, M. A., Plascak-Hallberg, C. D., Brenner, C. A., & Clements, C. A. (2003). Personality dimensions in schizophrenia: associations with symptoms and coping. *Journal of Nervous and Mental Disease*, *191*, 80–86.
- Masellis, M., Basile, V., Meltzer, H. Y., Lieberman, J. A., Sevy, S., Macciardi, F. M., ... Kennedy, J. L. (1998). Serotonin subtype 2 receptor genes and clinical response to clozapine in schizophrenia patients. *Neuropsychopharmacology*, *19*, 123–132.
- Mazza, M., De Risio, A., Tozzini, C., Roncone, R., & Casacchia M. (2003). Machiavellianism and Theory of Mind in people affected by schizophrenia. *Brain and Cognition*, *51*, 262–269.
- McGuffin, P., Alsabban, S., & Uher, R. (2011). The truth about genetic variation in the serotonin transporter gene and response to stress and medication. *British Journal of Psychiatry*, *198*, 424–427.
- Meehl, P. E. (1962). Schizotaxia, schizotypy, schizophrenia. *American Psychology*, *17*, 827–838.
- Mehta, U. M., Thirthalli, J., Subbakrishna, D. K., Gangadhar, B. N., Eack, S. M., & Keshavan, M. S. (2013). Social and neurocognition as distinct cognitive factors in schizophrenia: A systematic review. *Schizophrenia Research*, *148*, 3–11.
- Monakhov, M., Golimbet, V., Abramova, L., Kaleda, V., & Karpov, V. (2008). Association study of three polymorphisms in the dopamine D2 receptor gene and schizophrenia in the Russian population. *Schizophrenia Research*, *100*, 302–307.
- Paal, T., & Berezkei, T. (2007). Adult theory of mind cooperation, Machiavellianism: The effect of mindreading on social relations. *Science Direct*, *43*, 541–551.
- Schmidt, S. J., Mueller, D. R., & Roder, V. (2011). Social cognition as a mediator variable between neurocognition and functional outcome in schizophrenia: empirical review and new results by structural equation modeling. *Schizophrenia Bulletin*, *37*, S41–S54.
- Sullivan, R. J., & Allen, J. S. (1999). Social deficits associated with schizophrenia defined in terms of interpersonal Machiavellianism. *Acta Psychiatrica Scandinavica*, *99*, 148–154.
- Thompson, J., Thomas, N., Singleton, A., Piggott, M., Lloyd, S., Perry, E. K., ... Court, J. A. (1997). D2 dopamine receptor gene (DRD2) Taq1 A polymorphism: reduced dopamine D2 receptor binding in the human striatum associated with the A1 allele. *Pharmacogenetics*, *7*, 479–484.
- Van der Gaag, M., Hoffman, T., Remijnsen, M., Hijman, R., de Haan, L., van Meijel, B., ... Wiersma, D. (2006). The five-factor model of the positive and negative syndrome scale II: a ten-fold cross-validation of a revised model. *Schizophrenia Research*, *85*, 280–287.
- Witte, A. V., & Floel, A. (2012). Effects of COMT polymorphisms on brain function and behavior in health and disease. *Brain Research Bulletin*, *88*, 418–428.

Psychological and Molecular-Genetic Mechanism of Machiavellianism Reduction in Schizophrenia

Margarita V. Alfimova

Principal investigator, Mental Health Research Centre, D.Sc.
E-mail: m.alfimova@gmail.com

Tatyana V. Lezheiko

Research associate, Mental Health Research Centre, Ph.D.
E-mail: lezheiko@list.ru

Galina I. Korovaitseva

Principal investigator, Mental Health Research Centre, Ph.D.
E-mail: korovaitseva@mail.ru

Vera E. Golimbet

Head of the Department of Clinical Genetics of Mental Health Research Centre, D.Sc.
E-mail: golimbet@mail.ru

Address: 34 Kashirskoe shosse, Moscow, 115522, Russian Federation

Abstract

Schizophrenic patients are characterized by failure of social interaction, which leads to deterioration of their well-being. One of its manifestations is reduction of Machiavellianism. There is a hypothesis, that it is generated by cognitive deficit of the patients – general or affecting only social cognitions. On the other hand, it may be the consequence of diminished motivation and asociality of the patients. The objective of the present work is to check cognitive and motivational hypotheses of diminished Machiavellianism in schizophrenia with the help of psychological and genetic approaches. The sample consisted of 274 schizophrenic patients. The control group consisted of 234 normals. To evaluate Machiavellianism we used the scale Mach-IV, for cognitive sphere – tasks on verbal memory, executive functions, facial emotion recognition and theory of mind, for affective-motivational sphere – psychometric instruments EPI, STAI and PANSS. The subsets of patients were genotyped for polymorphisms in the *HTR2C*, *COMT*, *DRD2* genes, as well as serotonin transporter (the subsets sizes were 186, 153, 134 and 204 patients correspondingly). The values of Mach-IV scale in patients were lower than in controls. In schizophrenia the more significant Machiavellianism reduction coincided with higher composite scores of basic cognitions, increase in passive-apatetic social withdrawal, decrease in anxiety and emotional withdrawal. We didn't find any gene effects and their interaction that would shed light on the mechanisms of diminished Machiavellianism in patients. The data gives evidence against cognitive hypothesis, shows moderate input of motivational failure of socialization in Machiavellianism reduction and allows assuming that low Machiavellianism of patients is not the “drop-out” of the function, but the result of work of defensive mechanisms of personality.

Keywords: Machiavellianism, schizophrenia, motivation, cognitive deficit, social cognition, genetic polymorphism, serotonin.

References

- Abe, N., Suzuki, M., Mori, E., Itoh, M., & Fujii, T. (2007). Deceiving others: distinct neural responses of the prefrontal cortex and amygdale in simple fabrication and deception with social interactions. *Journal of Cognitive Neuroscience*, *19*, 287–295.
- Al Ain, S., Carré, A., Fantini-Hauwel, C., Baudouin, J.-Y., & Besche-Richard, C. (2013). What is the emotional core of the multidimensional Machiavellian personality trait? *Frontiers in Psychology*, *4*, Article 454. doi:10.3389/fpsyg.2013.00454
- Alfimova, M. V., Abramova, L. I., Barhatova, A. I., Yumatova, P. E., Lyachenko, G. L., & Golimbet, V. E. (2009). Facial affect recognition deficit as a marker of genetic vulnerability to schizophrenia. *Spanish Journal of Psychology*, *12*, 46–55.
- Alfimova, M. V., Bondar, V. V., Abramova, L. I., Kaleda, V. G., & Golimbet, V. E. (2003). Psychological mechanisms of communication disorders in schizophrenics and their relatives. *Zhurnal Nevrologii i Psikhiiatrii imeni S.S. Korsakova*, *103*(5), 34–39.
- Alfimova, M. V., Golimbet, V. E., Korovaitseva, G. I., Abramova, L. I., & Kaleda, V. G. (2015). Assotsiatsiya polimorfizma CYS23SER gena retseptora serotoninina 2c (HTR2C) s sotsial'nym povedeniem u bol'nykh shizofreniei i zdorovykh [Association between serotonin receptor 2C gene Cys23Ser polymorphism and social behavior in schizophrenia patients and healthy individuals]. *Genetika*, *51*(2), 242–246.
- Ali, F., & Chamorro-Premuzic, T. (2010). Investigating theory of mind deficits in nonclinical psychopathy and Machiavellianism. *Personality and Individual Differences*, *49*, 169–174.
- Bagozzi, R. P., Verbeke, W. J. M. I., Dietvorst, R. C., Belschak, F. D., van den Berg, W. E., & Rietdijk, W. J. R. (2013). Theory of mind and empathic explanations of Machiavellianism: A neuroscience perspective. *Journal of Management*, *39*, Article 1760. doi:10.1177/0149206312471393
- Byrne R. W., & Whiten, A. (Eds.). (1988). *Machiavellian intelligence: social expertise and the evolution of intellect in monkeys, apes, and humans*. Oxford, UK: Clarendon Press.
- Christ, S. E., Van Essen, D. C., Watson, J. M., Brubaker, L. E., & McDermott, K. B. (2009). The contributions of prefrontal cortex and executive control to deception: evidence from activation likelihood estimate meta-analyses. *Cerebral Cortex*, *19*, 1557–1566.
- Christie, R., & Geis, F. L. (Eds.). (1970). *Studies in Machiavellianism*. New York, NY: Academic Press.
- Corral, S., & Calvete, E. (2000). Machiavellianism: Dimensionality of the Mach IV and its relation to self-monitoring in a Spanish sample. *Spanish Journal of Psychology*, *3*, 3–13.
- Couture, S. M., Granholm, E. L., & Fish, S. C. (2011). A path model investigation of neurocognition, theory of mind, social competence, negative symptoms and real-world functioning in schizophrenia. *Schizophrenia Research*, *125*, 152–160.
- Crockett, M. J., Clark, L., Hauser, M. D., & Robbins, T. W. (2010). Serotonin selectively influences moral judgment and behavior through effects on harm aversion. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, *107*, 17433–17438.
- Crow, T. J. (1993). Sexual selection, Machiavellian intelligence, and the origins of psychosis. *Lancet*, *342*, 594–598.
- Dunbar, R. I. M. (1998). The social brain hypothesis. *Evolutionary Anthropology*, *6*, 178–190.
- Ebstein, R. P., Israel, S., Chew, S. H., Zhong, S., & Knafo A. (2010). Genetics of human social behavior. *Neuron*, *65*, 835–844.

- Egorova, M. S. (2009). Machiavellizm v strukture lichnostnykh svoystv [Machiavellianism in structure of personality traits]. *Vestnik Permskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta. Seriya 10, Differentsial'naya Psikhologiya*, 1/2, 65–80.
- Golimbet, V. E., Lebedeva, I. S., Gritsenko, I. K., Korovaitseva, G. I., Alfimova, M. V., Lezheiko, T. V., ... Rogaev, E. I. (2005). A study of some genes related to serotonergic and dopaminergic systems and auditory evoked-potentials (P300) in patients with schizophrenia and spectrum disorders and their first-degree relatives. *Zhurnal Nevrologii i Psikiatrii imeni S.S. Korsakova*, 105(10), 35–41.
- Green, M. F., Penn, D. L., Bentall, R., Carpenter, W. T., Gaebel, W., Gur, R. C., ... Heinsen, R. (2008). Social cognition in schizophrenia: An NIMH Workshop on Definitions, Assessment, and Research Opportunities. *Schizophrenia Bulletin*, 34, 1211–1220.
- Hawley, P. H. (2006). Evolution and personality: A new look at Machiavellianism. In D. K. Mroczek & T. D. Little (Eds.), *Handbook of personality development* (pp. 147–161). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum.
- Jones, D. N., & Paulhus, D. L. (2009). Machiavellianism. In M. R. Leary & R. H. Hoyle (Eds.), *Handbook of individual differences in social behavior* (pp. 257–273). New York, NY; London, UK: The Guilford Press.
- Kaluckaja, I. N., & Poddyakov, A. N. (2007). The concept of Machiavellianism: a diversity of approaches and evaluations. *Cultural-Historical Psychology*, 4, 78–89.
- Kay, S. R. (1991). *Positive and negative syndromes in schizophrenia*. New York, NY: Brunner/Mazel Inc.
- Kay, S. R., Fiszbein, A., & Opler, L. A. (1987). The positive and negative syndrome scale for schizophrenia. *Schizophrenia Bulletin*, 13, 261–276.
- Kritskaya, V. P., Meleshko, T. K., & Polyakov, Yu. F. (1991). *Patologiya psikhicheskoi deyatel'nosti pri shizofrenii: motivatsiya, obshchenie, poznanie* [Pathology of mental activity in schizophrenia: motivation, communication, cognition]. Moscow: Moscow University Press.
- Lerer, B., Macciardi, F., Segman, R. H., Adolfsson, R., Blackwood D., Blairy, S., ... Mendlewicz, J. (2001). Variability of 5-HT_{2C} receptor cys23ser polymorphism among European populations and vulnerability to affective disorder. *Molecular Psychiatry*, 6, 579–585.
- Loskoutova, V. A. (2009). Sotsial'nye kognitivnye funktsii pri shizofrenii i sposoby terapevticheskogo vozdeistviya [Social cognition in schizophrenia and therapeutic interventions]. *Sotsial'naya i Klinicheskaya Psikiatriya*, 19(4), 92–104.
- Lyons, M., Caldwell, T., & Shultz, S. (2010). Mind-reading and manipulation: Is Machiavellianism related to theory of mind? *Journal of Evolutionary Psychology*, 8, 261–274.
- Lysaker, P. H., Wilt, M. A., Plascak-Hallberg, C. D., Brenner, C. A., & Clements, C. A. (2003). Personality dimensions in schizophrenia: associations with symptoms and coping. *Journal of Nervous and Mental Disease*, 191, 80–86.
- Masellis, M., Basile, V., Meltzer, H. Y., Lieberman, J. A., Sevy, S., Macciardi, F. M., ... Kennedy, J. L. (1998). Serotonin subtype 2 receptor genes and clinical response to clozapine in schizophrenia patients. *Neuropsychopharmacology*, 19, 123–132.
- Mazza, M., De Risio, A., Tozzini, C., Roncone, R., & Casacchia M. (2003). Machiavellianism and Theory of Mind in people affected by schizophrenia. *Brain and Cognition*, 51, 262–269.
- McGuffin, P., Alsabban, S., & Uher, R. (2011). The truth about genetic variation in the serotonin transporter gene and response to stress and medication. *British Journal of Psychiatry*, 198, 424–427.
- Meehl, P. E. (1962). Schizotaxia, schizotypy, schizophrenia. *American Psychology*, 17, 827–838.

- Mehta, U. M., Thirthalli, J., Subbakrishna, D. K., Gangadhar, B. N., Eack, S. M., & Keshavan, M. S. (2013). Social and neurocognition as distinct cognitive factors in schizophrenia: A systematic review. *Schizophrenia Research, 148*, 3–11.
- Monakhov, M., Golimbet, V., Abramova, L., Kaleda, V., & Karpov, V. (2008). Association study of three polymorphisms in the dopamine D2 receptor gene and schizophrenia in the Russian population. *Schizophrenia Research, 100*, 302–307.
- Paal, T., & Bereczkei, T. (2007). Adult theory of mind cooperation, Machiavellianism: The effect of mindreading on social relations. *Science Direct, 43*, 541–551.
- Rychkova, O. V. (2013). The structure of social intelligence impairments in schizophrenics. *Psikhologicheskie Issledovaniya, 6*(28), 11. Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/eng/2013v6n28e/801-rychkova28e.html>
- Schmidt, S. J., Mueller, D. R., & Roder, V. (2011). Social cognition as a mediator variable between neurocognition and functional outcome in schizophrenia: empirical review and new results by structural equation modeling. *Schizophrenia Bulletin, 37*, S41–S54.
- Sullivan, R. J., & Allen, J. S. (1999). Social deficits associated with schizophrenia defined in terms of interpersonal Machiavellianism. *Acta Psychiatrica Scandinavica, 99*, 148–154.
- Thompson, J., Thomas, N., Singleton, A., Piggott, M., Lloyd, S., Perry, E. K., ... Court, J. A. (1997). D2 dopamine receptor gene (DRD2) Taq1 A polymorphism: reduced dopamine D2 receptor binding in the human striatum associated with the A1 allele. *Pharmacogenetics, 7*, 479–484.
- Van der Gaag, M., Hoffman, T., Remijnsen, M., Hijman, R., de Haan, L., van Meijel, B., ... Wiersma, D. (2006). The five-factor model of the positive and negative syndrome scale II: a ten-fold cross-validation of a revised model. *Schizophrenia Research, 85*, 280–287.
- Witte, A. V., & Floel, A. (2012). Effects of COMT polymorphisms on brain function and behavior in health and disease. *Brain Research Bulletin, 88*, 418–428.
- Znakov, V. V. (2002). Machiavellianism, manipulative behaviour and mutual understanding in interpersonal communication. *Voprosy Psikhologii, 6*, 45–48.

ДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ ТЕОРИЯ СОЗНАНИЯ (*сознание как атрибут системы деятельностей субъекта*)

В.П. СЕРКИН

Серкин Владимир Павлович — профессор кафедры организационной психологии департамента психологии НИУ ВШЭ, доктор психологических наук, профессор. Опубликовано монографии и учебники по проблемам образа мира и образа жизни, психосемантики, сознания. Художественное произведение «Хохот Шамана» («Свобода Шамана») переиздано на русском языке 22 раза переведено на три европейских языка.
Контакты: vserkin@hse.ru

Резюме

В статье изложена авторская теория сознания, которая позволяет описывать ранее не объясненную психологическую феноменологию. Идеальное (психическое) и материальное (физическое) рассматриваются как атрибуты субстанции-процесса активности. Человек является субъектом не одной деятельности, а целостной системы деятельностей. Соответственно, индивидуальное сознание является атрибутом индивидуальной системы деятельностей и личной истории деятельностей человека. Свообразие системы и истории деятельностей каждого человека порождает многообразие типов сознания (идеальный атрибут системы деятельностей) и телесности (материальный атрибут). Групповые различия систем деятельностей порождают, соответственно, культурные, этнические, региональные, профессиональные и другие групповые различия атрибутов активности (сознания и телесности). Своей деятельностью человек изменяет реальность, т.е. реальность частично зависит от нашей активности. Таким образом, «объективной реальности, независимой от нашего сознания» и наших действий, не существует, что, учитывая системность и взаимосвязи внутри Вселенной, по-новому определяет проблему ответственности субъекта процесса сознания. Разные состояния сознания человека собираются в единое целостное самосознание с помощью его продолжающейся и развивающейся системы деятельностей. Новые состояния сознания (и новые знания) порождаются не из самого сознания, а из развития деятельности человека. Совместная деятельность порождает совместное сознание (идеальный атрибут совместной активности) и совместную телесность (инструментальность, материальный атрибут). Включение различных субъектов в общественную деятельность обуславливает трансперсональность (в пределе — ноосферность) сознания. Не объясненную пока наукой зафиксированную парапсихологическую феноменологию можно изучать по схемам структур индивидуальной и совместной деятельности как ее процессы и продукты, как следствие процессов ее трансперсональности и непрерывности (скандх).

Ключевые слова: активность, субстанция-процесс, атрибут, теория деятельности, система деятельностей, сознание, трансперсональные явления.

В настоящее время накоплены миллионы фактов (трансперсональный, религиозный и психотехнический опыт, неожиданное знание древних языков не изучавшим их человеком, предсказания будущего, «выходы из тела» (ВТ) и путешествия сознания, телепатия, телекинез и пр.), многие из которых объективно зафиксированы на основе строго позитивистских требований и подкреплены свидетельствами авторитетных ученых¹. При этом подавляющее большинство опубликованных сегодня в мире и «общепризнанных» теорий сознания (Акопов, 2007; Аллахвердов, 2000; Бехтерев, 2001; Деннет, 2004; Серл, 2002; Чалмерс, 2013; Velmans, 2009; и др.) никак такие факты объяснить не позволяют. Например, человек в состоянии клинической смерти, в период, когда все физиологические и связанные с ними нейрокognитивные процессы полностью отсутствуют (нулевые показатели электроэнцефалограммы и всех других процессов), в состоянии ВТ наблюдает за происходящим и после выхода из состояния клинической смерти сообщает и о происходящем в целом, и о конкретных фактах и деталях ситуации (Ревонсуо, 2013). Дальнейшее игнорирование многочисленной не объясняемой существующими теориями феноменологии психических явлений не приведет к исчезновению этих явлений, но может привести к потере научного статуса самой психологии.

В методологии науки принцип абстракции познающего субъекта (независимости результатов от наблюдателя) давно признан несостоятельным, однако при построении моделей и теорий психологии многие исследователи все еще пытаются ему следовать. При построении теорий сознания принцип абстракции познающего субъекта приводит к полному абсурду — попыткам построить теории или модели сознания, независимые от субъекта процесса сознания. И именно такие абсурдные теории являются сегодня общепризнанными.

Согласно обязательным *методологическим требованиям к теориям (объяснение фактов, предсказание новых фактов)*, теории, не объясняющие фактов, должны быть отклонены как несостоятельные, а вместо них должны быть предложены новые, объясняющие всю совокупность накопленного эмпирического материала. Да и зачем нужны науке теории, игнорирующие и не объясняющие многочисленные и общеизвестные факты?

В данной статье предложены 9 тезисов деятельностной теории сознания, являющейся, на взгляд автора, с одной стороны, вполне преемственной в русле основных тенденций развития отечественной психологии, с другой — претендующей на естественно-научное объяснение как общепризнанной феноменологии сознания, так и многих трансперсо-

¹ Среди известных отечественных психологов и философов такие факты изучали и свидетельствовали о них В.П. Зинченко, И.М. Каган, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, А.Р. Лурия, В.Д. Небылицын, Б.В. Раушенбах, М.Г. Ярошевский и др. (Зинченко, Леонтьев, 1978; Первозчиков, 1989; и др.).

нальных явлений. Первый тезис предлагает новую трактовку реальности, т.е. является философско-мировоззренческой основой деятельностной теории сознания. Остальные восемь тезисов раскрывают суть самой теории.

Тезис 1. Психическое и физическое являются разными атрибутами активности как базовой субстанции-процесса

Психологи и философы (Рашид Аль-Мансур, 2015; Ревонсуо, 2013; Серкин, 2012; и др.) все более склоняются к сформулированной еще Б. Спинозой мысли о том, что психическое и физическое (физиологическое) являются двумя разными (возможными для человеческого познания) атрибутами одной и той же пока неизвестной современной науке единой субстанции (Спиноза, 1957).

Это предположение, оформленное в концепциях параллелизма или интеракционизма, позволяет многочисленным исследователям заниматься поисками разнообразных систем корреляций между физическими или физиологическими показателями процессов (ситуаций, воздействий) и эмпирическими проявлениями психологического.

Но что это за субстанция? Каков ее онтологический статус? Принято считать, что эта субстанция науке пока неизвестна. Так ли это? Отметив, в соответствии с современной трактовкой принципа развития, что *любая субстанция является только субстанцией-процессом и иначе существовать не может*, и не вдаваясь в дальнейшие дискуссии, предположу, что такой субстанцией², определяющей психическое, является активность³. И *только такая субстанция-процесс может быть связующим звеном между идеальным (психическим) и материальным (физическим). Материальное и идеальное являются не первоосновой, не субстанцией и атрибутом друг друга в любом порядке, а двумя атрибутами активности как базовой субстанции-процесса Вселенной.*

Для многих интерпретаторов корреляционных связей между показателями нейронной активности и продуктивностью когнитивных процессов человека после такого предположения можно четко *указать* на *опосредствованный*⁴ характер связей (через активность человека — его систему деятельностей) между психическими процессами и их физиологическими (физическими) коррелятами, а также *объяснить и предсказать*, что

² См. п. 1.4 «О субстанциональном статусе субъективности как основы активности» в авторской работе (Серкин, 2005).

³ Общепринятыми параметрами активности являются: а) расположение на шкале «пассивность (не реактивность) – активность»; б) мера воздействия (изменения, структуриации) – расположение на шкале «адаптация – преобразование»; в) возможность (и величина) пространственно-временных промежутков между моментами начала активности и наступлением результата.

⁴ Т.е. вовсе не взаимодействие двух факторов, не когерентность, не структурная стабильность и другие упрощенные общепринятые объяснения.

при изменении деятельности все корреляции и их совокупности будут изменены.

Еще И. Фихте отмечал, что именно деятельность человека является посредником между «Я», направляющим деятельность, и «не Я» (внешнее), на которое направлена деятельность. Ф. Шеллинг уточнял и развивал эти положения, указывая на то, что деятельность (практика) является также источником познания и самопознания (сознания в современной трактовке). Оба философа при этом говорили не об одной отдельно взятой деятельности, а о всей системе активности человека (системе деятельностей).

В отечественной психологии давно признано, что *изначально* пристрастное (для субъекта) психическое отражение подчинено активности. Субъекту жизнедеятельности не нужно знать объективно, а нужно действовать полезно для своей жизнедеятельности. Задача «поиска объективного знания» формулируется только развитым сознанием, никак не на ранних стадиях развития психики. *Изначально не психика определяет активность, а активность определяет психику.* Психологическим механизмом онтогенетического деятельностного построения психики человека является раскрываемое Ж. Пиаже (1994) и Л.С. Выготским (1982) понятие «интериоризация», которое в наших работах (Серкин, 2005) применялось как психологический механизм становления изомор-

физма психического не одной отдельной деятельности, а всей системе деятельностей субъекта (развитие принципа реконструкции)⁵. Т. е. интериоризируются не структура отдельной деятельности и даже не структура актуальной системы и истории деятельностей субъекта, а системные свойства (не присущие ни одной из входящих в систему деятельностей). Именно эти системные свойства и составляют содержание сознания.

Тезис 2. Человек является субъектом не одной деятельности, а системы актуально реализуемых деятельностей

Исследования сознания и других интегральных психических образований (например, личности) сопряжено с изучением их отношений не с одной отдельно взятой деятельностью (это вряд ли возможно даже в лаборатории), а со всей системой реализуемых субъектом деятельностей. А.Н. Леонтьев определял деятельность как единицу анализа активности человека, указывая тем самым на то, что одной единичной деятельностью активность человека не исчерпывается. Используемый А.Н. Леонтьевым термин «иерархия мотивов» (Леонтьев, 1983) однозначно предполагает наличие у каждого человека иерархизированной системы актуально реализуемых, соответствующих мотивам деятельностей. Термин для обозначения всей актуально реализуемой человеком

⁵ Попутно дан ответ на «трудную проблему сознания»: как кто-то осознает себя субъектом? (Чалмерс, 2013). Действительно, вне деятельностного подхода такая проблема является неразрешимой.

системы деятельностей введен нами (Серкин, 2005) как индивидуальный образ жизни (*определение*): *образ жизни — система деятельностей, которые человек актуально реализует как субъект или в которые «включен» (субъектами являются общество, группа) в течение определенного жизненного периода, этапа или цикла (до изменения иерархии мотивов). Структура образа жизни детерминируется и образом мира, и планом реальных взаимодействий и, в свою очередь, детерминирует развитие образа мира.*

Сознание субъекта проявляется как психологическое качество именно системы деятельностей субъекта, а не одной отдельно выделенной деятельности. Например, для возникновения (и переживания, и возможного осознания) внутреннего конфликта необходимо как минимум две мотивации, т.е. при наличии только одной деятельности (одного мотива) внутреннего конфликта возникнуть не может. В реальной же ситуации внутренний конфликт (и сопровождающие его неуверенность, напряженность) обусловлен не двумя, а большим количеством мотивов, чем и объясняется сложность рефлексивной обработки этого конфликта.

Сам факт осознания своей субъектности возможен только при наличии нескольких мотивов и, соответственно, необходимости делать

выбор. Также и само понятие об объективности (объективных свойствах) может возникнуть только при «отрыве» понимаемого от отдельного мотива и сопоставлении его с другими мотивами (объективное как «общее свойство» при разной мотивации). Рефлексивность (и самосознание как начало рефлексивности), в свою очередь, может развиваться только через множественность и альтернативность субъективного⁶.

Тезис 3. Индивидуальное сознание является атрибутом такой формы человеческой активности, как система деятельностей субъекта

Психологическим атрибутом такой формы активности, как система актуально реализуемых деятельностей человека, является сознание. Развитие и содержание индивидуального сознания определяются через «личную историю деятельностей» (Артемьева, Стрелков, Серкин, 1983, с. 105), предметы этих деятельностей, а процессы сознания – через акты деятельности. Физическим атрибутом деятельности является физическое тело человека (группы, общества, человечества)⁷ настолько, насколько человек является субъектом той или иной деятельности (системы деятельностей). Более развитой (сложной, структурированной)

⁶ Здесь принципиальное различие предлагаемой теории с рефлексивной теорией сознания (Velmans, 2009), в которой априорно предполагается наличие абсолютно объективной реальности.

⁷ Утверждение А.Н. Леонтьева о том, что «деятельность конституирует» (выстраивает) структуру психического, согласно нашей концепции, должно быть экстраполировано не только на психические структуры, но и на физические структуры субъекта деятельности (человека и его инструменты, группы, общества и т.д.).

системе деятельности соответствует и более развитое сознание. Сразу же отмечу, что сложность всей системы реализуемых человеком деятельностей (индивидуального образа жизни) определяется не только уровнем образования или технологизации, но и, прежде всего, психологическим уровнем ее реализации. На такой шкале именно творческая, научная, регулятивная, саморегулятивная, трансперсональная, консультативная и другие виды деятельности будут считаться наиболее сложными. Избыточная неадаптивная активность (Петровский, 1992) не необходима для адаптации, но, вполне возможно, является необходимой на определенных этапах онтогенеза для развития сознания и в качестве осознанной практики для увеличения уровня развития сознания взрослого.

Соответственно, более сложным, чем человеческая деятельность, формам активности соответствуют и более сложные, чем сознание человека, психические образования. Понятно, что при такой трактовке психического физический носитель сознания (человек) является преходящим эволюционным звеном (физическим атрибутом) развития все более сложных форм активности.

Качественный скачок такой формы психического, как сознание, связанный с наличием у человека самосознания и рефлексии, определяет и *осознаваемые эволюционные усилия*,

и качественные изменения другого атрибута активности — физического человека, и его истинное место в Космосе. Для более высокого уровня активности и его психического атрибута, вероятно, потребуется другой физический носитель (возможно, «лучистый человек» К.Э. Циолковского или другие виды полевых форм, плазмоедов и пр., разнообразие которых еще не изучалось)⁸. Если человек (каждый, индивидуально) не предпринимает активности (деятельности) по своему эволюционированию, то и эволюционировать он не будет.

Тезис 4. Не существует «объективной реальности, независимой от нашего сознания». Человек «творит» реальность своей деятельностью

Независимо от того, хотим мы этого или нет, наши действия всегда изменяют нашу реальность.

Пример

Во время лекции студенты попросили меня доказать данный тезис. Я попросил для этого несколько секунд и нарисовал обезьяну на чистой доске. С моим высказыванием о том, что теперь реальность в аудитории является иной, чем до рисунка, все согласились.

Осознание факта изменения реальности своими действиями дает нам возможность хотя бы иногда изменять реальность своего бытия осознанно и ответственно. Часто

⁸ Те. «телесный образ» (Серл, 2002; Velmans, 2009; и др.), возможно, и является одной из составляющих сознания (хотя мне кажется правильнее: «образ телесной активности»), но это важно именно как принцип описания, а не как структура. Структура меняется на каждом эволюционном уровне.

также отказ от практических действий является одновременно и отказом от влияния на реальность своего бытия.

Традиционная парадигма моделирования сознания, связанная с гносеологическим подходом, описывает отражательные функции сознания. Наиболее ярко такое описание представлено в работах К. Кастанеды (1996), где человек прямо описывается как воспринимающее существо, а варианты «реальности» осознаются как варианты описания материала восприятия. Предлагаемая нами парадигма трактует человека как творящее (и тем самым выбирающее) свою «реальность» существо, а основными специфическими функциями сознания являются функции преобразования и проектирования (Серкин, 2010). Представление о сознании как совокупности познавательных и мотивационных процессов опирается на неявный постулат о существовании «объективной реальности», с одной стороны, и отделенного от реальности познающего субъекта, с другой. Согласно нашей теории, сознание развивается в процессе деятельности (активной практики), изменяющей «реальность», т.е. вместе с развитием «реальности». Термин «реальность» взят в кавычки, так как «реальность» для творящего существа является не неизменной «объективно существующей» данностью, а процессом (физическим атрибутом его активности), на который возможно влиять своей деятельностью. А.Н. Леонтьев в свое время очень близко подошел к этой мысли, указывая на переход форм деятельности (и отдельных действий) в свойство предмета (одна из

граней опредмечивания деятельности).

Пример

При строительстве дачного домика (деятельность) я распиливаю длинную доску (действие). После успешного завершения моего действия в новой более устраивающей меня «реальности» уже не существует одной прежней длинной доски, а существуют две короткие.

В текстах А.Н. Леонтьева (1983) и Б.Ф. Ломова (1984) содержатся размышления о тройственном влиянии деятельности на: а) предмет деятельности; б) субъекта деятельности; в) саму себя. Раскроем эти положения чуть шире и подробнее: деятельность изменяет а) реальность, так как любой предмет деятельности является системной частью реальности; б) физическое тело, психические функции, сознание, отношения и средства субъекта деятельности; в) саму деятельность и, соответственно, всю систему деятельностей.

Несуществование «объективной реальности, независимой от нашего сознания» и наших действий, учитываемая системность и взаимосвязи Вселенной, по-новому определяет проблему ответственности субъекта процесса сознания.

Тезис 5. Не сознание объединяет разнообразную активность человека, а его система деятельностей объединяет разнообразные состояния сознания в единое «осознаваемое»

Клинические и другие эмпирические данные о «разделении» сознания показывают, что человек, находясь в одном из возможных состояний сознания, не может вспомнить

того опыта, который был приобретен в другом состоянии. Согласно нашему подходу, возможно именно опосредствованное деятельностью «восстановление» какой-то части такого опыта, так как «сотворенная деятельностью реальность» остается и воспринимается в другом состоянии сознания. Это позволяет *исследовать и описывать сознание не как совокупность изолированных состояний сознания, а как структуру состояний сознания, связанную в единое целое системой деятельности (активностью) человека.*

Следовательно, не сознание объединяет деятельности человека в целостный процесс, а, наоборот, активность, система актуально реализуемых деятельности объединяет различные состояния сознания в тот процесс, который осознается как самосознание субъекта деятельности.

Пока очевидно доказанным является изменение реальности посредством действия, хотя во многих мистических учениях и свидетельствах говорится об изменении реальности усилиями только сознания. Здесь для попыток обсуждения опосредствованного внутренней активностью (деятельностью) воздействия психического (атрибута) на реальность (физический атрибут) нет принципиальных логических возражений. Однако для исследования таких взаимодействий необходимо будет разрабатывать терминологию описания очевидных для всех, но пока совсем мало изучаемых энергоинформационных свойств психических процессов (сознания).

Вышесказанное позволяет концептуально объяснять трансперсональные состояния сознания и раз-

личные концепции реинкарнации: если система деятельностей при жизни человека объединяет его различные состояния в единое целое, то принципиально возможно (при продолжении системы деятельностей) и объединение состояний сознания (психического атрибута), осуществляемого разными физическими носителями. Именно поэтому для проявления как реинкарнационных воспоминаний, так и различного трансперсонального опыта требуются определенные, передаваемые в поколениях практики (деятельности).

В соответствии с методологией деятельностного подхода возможно развитие понятия «сознание»: исследователь рассматривает не сознание само по себе, а «деятельность сознания» (деятельность не как полностью осознаваемую, а как регулируемую сознанием и регулируемую его), встает вопрос о выделении актов сознания и закономерностей топологии актов сознания.

В объективной экспериментальной схеме исследоваться и интерпретироваться должны не самоотчеты испытуемого или экспериментатора, а результаты деятельности (действия) и их осознание испытуемыми. Например, в наших экспериментах (2005) при выполнении элементарного задания (*при удерживании легкого грузика массой 15 г за конец тонкой (0,1 мм) нити факт прекращения осознаваемого усилия фиксировался не на основе самоотчета, а на основе падения грузика; самоотчеты использовались для объяснения этого факта*) ни один из ста испытуемых не смог удерживать грузик дольше девяти минут. Среднее время удержания грузика (такта произвольного

усилия) равно двум минутам. При этом ни один из испытуемых не назвал в самоотчете причиной падения грузика физическую невозможность его удерживания; все говорили об отвлечении или забывании о выполнении задания. *Состояние сознания изменялось, но никто из здравомыслящих испытуемых не считал мистическим или даже просто загадочным тот факт, что в каком-то состоянии сознания задание было забыто. Почему? Потому что «реальность» испытуемых оставалась цельной благодаря другим формам активности (взаимодействие с экспериментатором, размышление над своими проблемами и пр.).*

Тезис 6. Новое содержание сознания возникает не из атрибута (сознания), а из целого (деятельности)

Откуда берется новая мысль? Не из старой мысли. Откуда берется новое знание? Не из старого знания. Все логические, рациональные объяснения не работают. *Иначе мы бы породили на основе только объяснений знание за знанием. Никак не объясняемый рационально качественный переход от старого к действительно новому знанию и не может быть объяснен средствами только сознания. Новое порождается не самим сознанием (частным атрибутом целого), а целым — активностью (в случае человека — деятельностью, иногда даже экспериментальной). Естественно, что при изменении*

целого — системы деятельностей — изменяются и атрибуты целого («реальность» и сознание).

Новое знание и новое понимание осознаются всегда не в процессе их получения, а ретроспективно (когда они уже есть в сознании) именно потому, что появляются они после акта деятельности как ее новое свойство (сознание, теперь содержащее новое знание или понимание).

Тезис 7. Совместная деятельность — новые качества сознания

Проект исследования сознания через сравнение характеристик функционирования и продуктивности индивидуального сознания и группового сознания, экстраполяции результатов сравнения на модель сознания еще ждет своей разработки. Факт разделения целостной деятельности (как разделение и отчуждение труда) между разными людьми, выполняющими отдельные действия или даже отдельные трудовые операции (например, разными рабочими на разных конвейерах при сборке одного автомобиля), четко описан в «Капитале», однако относительно широко применяемых терминов «групповые цели», «групповая мотивация» и «корпоративное сознание» пока нет описания и теоретического обоснования⁹.

Пример

Мотивация токаря, вытачивающего десять лет по восемь часов в смену одни и те же гайки, может быть никак не связана

⁹ В этих терминах прослеживается антропоцентрический редукционизм — приписывание человеческих качеств сложным сущностям.

со сборкой автомобиля. Например, его мотивация связана с заработком для личных целей, поэтому автомобилестроение токаря не интересует, а интересуется соответствие изделия (гайки) требованиям отдела технического контроля (ОТК). В данном случае термины типа «групповые цели» и «корпоративное сознание» лишь демонстрируют антропологическую редукцию мышления использующих их специалистов при объяснении закономерностей активности СТС (социотехнических систем). Деятельность токаря «включена», «встроена» в процесс автомобилестроения (кто субъект?).

Именно при исследовании психологической групповой (общественной, культурной) феноменологии пока особенно ярко проявляются редукционные тенденции использования терминов, разработанных для описания психологии отдельного человека, к «групповому сознанию» — очень четко проявляется проблема ограничения сложности исследователя (предмет исследования сложнее исследователя). Единственный путь решения такой проблемы — *деятельностное познательное проектирование* — постепенное рефлексивное усложнение исследовательского проекта по мере накопления знаний о предмете исследования (Серкин, Сиротский, 1990).

Экспериментально доказано (Журавлев, 2005; Ломов, 1984; и др.), что продуктивность совместной деятельности двух человек, например, при поисках, при выполнении работ увеличивается не вдвое, а гораздо больше. Таким образом, *в совместной дея-*

тельности проявляются новые системные качества, не присущие индивидуальной деятельности. Продолжая логический ряд, можно указать на существование взаимодействующих уровней психического как индивидов (от чувствительности простейших до сознания человека и далее), так и объединений (стая, популяция, род, вид, группа, общество, культура, ноосфера, ноосферные группы и далее).

Г.П. Щедровицкий, создавая методики проведения организационно-деятельностных игр (ОДИ), говорил о «мегамашинах» — конгломератах из индивидуальных сознаний, предназначенных для решения какой-либо сложной проблемы (Щедровицкий, 1995). Такими мегамашинами он называл современные научные и научно-производственные коллективы, а также созданные по методике ОДИ (организационно-деятельностные игры) группы.

Совместная деятельность порождает совместное сознание (идеальный атрибут активности) и совместную телесность и инструментальность (материальный атрибут). В настоящее время в мировой психологии отсутствуют даже термины для понятий «сознание субъекта совместной деятельности» и «телесность (инструментальность) совместной деятельности. Термины «общественное сознание», «коллективное сознание», «групповое сознание» не обязательно включают в себя аспект наличия совместной деятельности и вообще ничего не говорят о совместной телесности (инструментальности).

**Тезис 8. Сознание
не индивидуально, оно
трансперсонально (в культуре,
группе, народе и пр.)**

Со-знание как совместное знание изначально является социальным и опосредствованным системой деятельностей. Индивидуальная система деятельностей имеет структуру и функции, определяемые ее надсистемой (системой деятельностей общества). Индивидуальная система деятельностей должна: а) включаться в какую-либо деятельность общества; б) воспроизводить какую-то часть деятельности общества (возможна специализация – или включаться, или воспроизводить).

В процессе онтогенетического развития сознания факт его деятельностной опосредствованности является общепризнанным в отечественной психологии. При рассмотрении сознания как атрибута (кому больше нравится – системного качества) системы деятельностей, необходимо продолжить временную ось существования сознания «до» и «после» существования физического тела хотя бы настолько, насколько существует (пусть частично или иным образом структурировано) такая система деятельностей¹⁰. По логике: существует активность – существуют и ее атрибуты. В буддийской психологии этот вопрос тщательно

проработан, и продолжающие после оставления физического тела тенденции активности называются скандхами.

Другой аспект трансперсональности обусловлен включением индивидуальной системы деятельности человека в общий поток активности человечества. *Определение: идеальным (психологическим) аспектом общей активности человечества и всех других изученных и неизученных планетарных существ является ноосфера.* Включенность в ноосферу дает возможность естественно-научного объяснения (при наличии определенных практик) трансперсональных, внепространственных и вневременных проявлений человеческого сознания как следствий опосредствованного взаимодействия деятельности отдельного человека с общим ноосферным потоком активности.

Постижение трансперсональных отношений является особенно трудным для основной массы современных ученых. Из-за определенных особенностей современной научной коммуникации и позитивистских правил (верификации, фальсификации и пр.) основную массу современных ученых составляют люди с сильно развитой сферой рационального (ограничение, дифференциация, обобщение), что, конечно (по закону реципрокных отношений), затрудняет их возможности использования иррационального

¹⁰ «...Доведенная до предела человеческих возможностей свободная воля способна управлять субъективной реальностью после прекращения дыхания и остановки кровообращения. Причем если переход в “иную реальность” совершается хорошо подготовленным человеком произвольно, то изменяются даже свойства его тела. Последний, известный мне пример этого феномена, – нетленность тела XII Пандито Хамбо Ламы Даши Доржо Итигэлова, хранящегося сегодня в Иволгинском дацане “Хамбын Сумэ” (Бурятия)» (Сердюков, 2013, с. 105).

(связь с целым, синтез, интуиция) постижения.

**Тезис 9. Большинство
трансперсональных,
экстрасенсорных, шаманских и
других пока не изученных наукой
практик следует изучать именно
как неизвестные виды
деятельности**

Определяя культуру как пространство деятельностей, можно выделить общекультурные составляющие сознания и онтогенетическую структуру культурного сообщества, например, как онтогенетическую последовательность систем деятельностей (Серкин, 2005), объединяемых типом ведущей деятельности. Сознание является культурным как атрибут именно «культурного набора» форм активности.

Иногда практические действия профессионала могут показаться нам «чудесными или магическими» в силу освоения им малознакомой нам деятельности (Серкин, 2001) и формирования соответствующих им особых форм психического как особых форм психических функциональных органов, которых у нас просто нет (но есть другие — для нашей профессии). Тем более магическими могут показаться нам, например, диагностические и практические действия шамана в силу освоения им совсем незнакомой в нашей культуре деятельности и формирования совсем пока невообразимых для нас форм психического.

Пусть Человек 1, являясь членом сообщества, одновременно представляет и его культуру. Предположим, что человек, включенный в Культуру 1,

имеет представление о пяти деятельности (Д1...Д5) или знает, как получить продукты (П1...П5) этих деятельностей. Другой человек (Человек 2), включенный в другую Культуру 2, имеет представление о тех же пяти деятельности и еще об одной, шестой (Д1...Д5, Д6), или знает, как получить продукты (П1...П5, П6) этих деятельностей.

Представитель первой культуры (Человек 1) не знает и вообразить не может деятельности (Д6), при реализации которой можно получить продукт (П6). Для него П6 — продукт, полученный неизвестным и невообразимым путем, т.е. магический продукт, а Д6 — неизвестная и невообразимая практика, т.е. магия. Такое описание позволяет понять, почему взрослый иногда выступает перед ребенком как маг. Человек может быть «магом» и для группы людей, и для целого сообщества. Личная история деятельностей каждого человека уникальна, но факт существования одинаковых в одной и той же культуре практик на определенных возрастных этапах развития позволяет говорить о существовании возрастных структур культурного сообщества. Эти структуры определяют истинное различие культур, различие практик и культурную специфику развития сознания в разные периоды жизни человека.

Групповые различия систем деятельностей (больших групп) порождают, соответственно, этнические, региональные, профессиональные и другие групповые различия атрибутов активности (сознания и телесности).

Многие измененные состояния сознания (ИСС), описанные в религиозных и эзотерических текстах (Торчинов, 2007; и др.), научных

монографиях (Леонова, Кузнецова, 2009; и др.) и учебных пособиях (Цзен, Пахомов, 1999; и др.), достигаются путем реализации хорошо разработанных упражнений и особого образа жизни. Сами эти ИСС являются предметом (предмет как мотив) специально организованной деятельности. Структура такой деятельности полностью соответствует известным структурам макроструктуры любой другой деятельности (см. таблицу 2).

Пример

«...Обратимся к самому исихастскому деланию. Его основные принципы: а) непрестанная “умная молитва”, то есть постоянное сосредоточенное и осознанное (трезвение) повторение Иисусовой молитвы (“Господи помилуй мя”); б) “низведение” ума в сердце; в) созерцание световых феноменов (фотизмов) как нетварного Фаворского света (согласно Паламе — нетварных божественных энергий); г) активное использование методов психосоматической регуляции (задержки дыхания, специфические позы, визуализация, сосредоточение)» (Торчинов, 2007, с. 481).

Обратимся к результатам экспериментов А.Н. Леонтьева по развитию неспецифической (экстрасенсорной) чувствительности — ощущение светового потока (зеленый цвет) кожей ладони: «В итоге опытов мы получили следующие результаты. Объективно все испытуемые в конце серии опытов снимали в ответ на действие видимых лучей руку с ключа, либо вовсе не давая при этом ошибочных реакций, либо делая единичные ошибки¹¹» (Леонтьев, 1981,

с. 42; курсив мой. — В.С.). В других сериях экспериментов испытуемые обучались не только фиксировать освещение ладони, но и различать зеленый и красный цвета освещения.

Сам А.Н. Леонтьев интерпретировал полученные результаты либо как экспериментально созданный аналог функционального (в активности, у человека — в деятельности) геноза чувствительности, либо как аналогичным образом (в деятельности) пробужденной филогенетической способности к чувствительности. Для нас важен сам достоверный факт того, что специально организованная (необычная) деятельность ведет к необычным (сегодня называемым — парапсихологическими, экстрасенсорными) результатам (продуктам деятельности). «...Для наших выводов безразлично, будем ли мы исходить из первого или из второго предположения, ибо с точки зрения принципиальной гипотезы исследования основным является вопрос о том, действительно ли в данных экспериментальных условиях (активность, действия испытуемых на основе экспериментального задания. — В.С.) обычно не ощущаемые воздействия превращаются в воздействия ощущаемые» (Там же, с. 66). На этот вопрос А.Н. Леонтьев отвечает утвердительно.

Определение

1. *Сознание (филос.)* — идеальный аспект активности как базовой субстанции-процесса Вселенной. Взаимосвязь идеального со вторым ас-

¹¹ Интенсивность теплового облучения отслеживалась и была во всех сериях эксперимента во много раз меньше нижнего абсолютного порога тепловой чувствительности.

пектом активности (материальным — телесность, инструментарий) опосредствована самой активностью.

2. *Сознание человека (психол.)* — идеальный аспект, системное качество системы и истории деятельностей субъекта как специфической формы активности. Индивидуальное сознание (идеальный аспект) и индивидуальная телесность¹² (материальный аспект) человека формируются и специфицируются в процессе его личной истории деятельностей (личной активности), включенной в пространство деятельностей соответствующего общества и его культуры.

Как справедливо отмечает Д. Чалмерс, любое фундаментальное утверждение не дает ответа на вопрос «Почему?» (Чалмерс, 2013) и, добавив от себя, поверяется в истории науки лишь потенциалом своих объяснительных возможностей.

Очевидные следствия

Следствие 1. Используя материал главы 1 книги А.Н. Леонтьева «Проблемы развития психики» (1981) и дополнив его, можно предложить следующую таблицу психического и физического атрибутов активности (таблица 1).

Приведенные в таблице 1 уровни развития психического могут рассматриваться как эволюционные состояния сознания в отличие от актуальных прижизненных состояний сознания человека (бодрствование, функциональные состояния, сон, транс и др.).

Следствие 2. Используя понятие о системе деятельностей субъекта, необходимо «достроить» (уровень 1) схему макроструктуры деятельности А.Н. Леонтьева (1983) следующим образом (таблица 2).

Таблица 1

Уровни психического в соответствии с видами организации активности

Основные формы активности	Уровни развития психического (психический атрибут)	Основные известные предшественники (физический атрибут)	Дифференциация реальности	Реальность
Таксисы, инстинктивное поведение	Сенсорная психика (индивидуальная и групповая адаптация)	Насекомые, рыбы, земноводные	Отдельные свойства	Совокупность биотических и абиотических свойств
Навык	Перцептивная психика (индивидуальная и групповая адаптация)	Волки, олени, кошки, собаки, крысы, низшие приматы и др.	Свойства, предметы	Ситуации

¹² Включая владение инструментариумом.

Таблица 1 (окончание)

Уровни психического в соответствии с видами организации активности

Основные формы активности	Уровни развития психического (психический атрибут)	Основные известные представители (физический атрибут)	Дифференциация реальности	Реальность
Решение ситуативных («интеллектуальных») задач	Стадия «интеллекта» (индивидуальная и групповая адаптация, ситуативное преобразование)	Высшие приматы	Свойства, предметы, ситуации (связи предметов)	Развивающиеся во времени ситуации
Система деятельностей	Сознание (индивидуальная и групповая адаптация, ситуативное и внеситуативное преобразование, проектирование)	Человек	Свойства, предметы, ситуации, ситуативные и временные связи, история, представление о будущем	Образ мира
Метадеятельность	Добавлено: сотворчество? ...	Лучистый человек (линия развития 1), киборг (линия развития 2)...	Большее количество измерений, «видимость» событий во временной перспективе, аналогичная видимости в пространственной...	Более многомерный образ мира...

Таблица 2

Макроструктура деятельностей

Проявляемый аспект	Непроявляемый (моделируемый) аспект
Система деятельностей (образ жизни)	Иерархия мотивов
Деятельность	Мотив
Действие	Цель
Операции	Учитываемые условия

Следует отметить (уточнение схемы А.Н. Леонтьева), что операции (уровень 4) выполняются с учетом не всех, а только осознаваемых условий.

Пример

Если человек не заметит косяк двери, то и не будет учитывать его («врезается») при ходьбе, выполняя двигательные операции. Факты необходимо учитывать.

Литература

- Акопов, Г. В. (2007). Проблема сознания в современной психологии. *Методология и история психологии*, 3(2), 43–64.
- Аллахвердов, В. М. (2000). *Сознание как парадокс*. СПб.: «Изд-во ДНК».
- Артемьева, Е. Ю., Стрелков, Ю. К., Серкин, В. П. (1983). Описание структур субъективного опыта: контекст и задачи. В кн.: Ю. К. Корнилов (Ред.), *Мышление. Общение. Опыт* (с. 99–108). Ярославль: ЯрГУ.
- Бехтерев, В. М. (2001). Сознание и его границы. В кн.: Л. В. Куликова (Ред.), *Психология сознания* (с. 19–31). СПб.: Питер.
- Выготский, Л. С. (1982). Мышление и речь. В кн.: Выготский, Л. С., *Собрание сочинений* (т. 2, с. 5–361). М.: Педагогика.
- Деннет, Д. (2004). *Виды психики: на пути к пониманию сознания*. М.: Идея-Пресс.
- Журавлев, А. Л. (2005). *Психология совместной деятельности*. М.: Издательство «Институт психологии РАН».
- Зинченко, В. П., Леонтьев, А. Н. (1978). Парапсихология. В кн.: А. М. Прохоров (Ред.), *Большая советская энциклопедия* (т. 19). М.: Советская энциклопедия.
- Леонова, А. Б., Кузнецова, А. С. (2009). *Психологические технологии управления состоянием человека*. М.: Смысл.
- Леонтьев, А. Н. (1981). *Проблемы развития психики*. М.: Издательство Московского университета.
- Леонтьев, А. Н. (1983). *Избранные психологические произведения* (в 2 т.). М.: Педагогика.
- Ломов, Б. Ф. (1984). *Методологические и теоретические проблемы психологии*. М.: Наука.
- Перевозчиков, А. Н. (1989). Экстрасенсы — миф или реальность (о круглом столе в журнале «Вопросы философии». *Знак вопроса*, 10, 26–54.
- Петровский, В. А. (1992). *Психология неадаптивной активности*. М.: ТОО Горбунок.
- Пиаже, Ж. (1994). *Избранные психологические труды*. М.: Международная педагогическая академия.
- Рашид Аль-Мансур (2015). *Сознание и материя: великий предел*. М.: ЛЕНАНД.
- Ревонсуо, А. (2013). *Психология сознания*. СПб.: Питер.
- Сердюков, Ю. М. (2013). Контуры трансцендентального опыта. *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*, 1(37), 90–105.
- Серкин, В. П. (2001). *Хочот Шамана*. Магадан: Кордис, 2001.
- Серкин, В. П. (2005). *Структура и функции образа мира в практической деятельности* (Докторская диссертация, М., МГУ им. М.В. Ломоносова).
- Серкин, В. П. (2010). Теория сознания. *Вестник СВГУ*, 14, 62–70.
- Серкин, В. П. (2012). Деятельностная теория сознания. В кн.: *V съезд Общероссийской правительственной организации «Российское психологическое общество». Материалы участников съезда* (т. 1, с. 97–98). М.: Российское психологическое общество.
- Серкин, В. П., Сиротский, В. Е. (1990). Психосемантика: на пути к моделированию. *Вестник МГУ. Сер. 14. Психология*, 4, 28–33.
- Серл, Дж. (2002). *Открывая сознание заново*. М.: Идея-Пресс.
- Спиноза, Б. (1957). *Избранные произведения* (в 2 т.). М.: Госполитиздат.
- Торчинов, Е. А. (2007). *Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния*. СПб.: Азбука-Классика; Петербургское Востоковедение.

- Цзен, Н. В., Пахомов, Ю. В. (1999). *Психотренинг: игры и упражнения*. М.: Класс.
- Чалмерс, Д. (2013). *Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории*. М.: УРСС; Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- Щедровицкий, Г. П. (1995). *Избранные труды*. М.: Школа Культурной Политики.
- Velmans, M. (2009). *Understanding consciousness*. London: Routledge; Psychology Press.

Activity Theory of Consciousness (Consciousness as an Attribute of System Operations Subject)

Vladimir P. Serkin

Professor, School of Psychology, HSE, professor, D.Sc.

E-mail: vserkin@hse.ru

Address: 20 Myasnickaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

The article presents the author's theory of consciousness. The proposed theory allows describing unexplained yet psychological phenomenology. Ideal (psychic) and material (physical) is viewed as attributes of the substance-process of activity. Human is the subject of not one activity, but of the integral system of activities. Thus, individual consciousness is the attribute of individual system of activities and personal history of activities of the person. The difference between a system and a history of every man causes differences of consciousness (ideal attribute of system of activities) and corporeality (material attribute). Group differences of the systems of activities cause, accordingly, cultural, ethnic, regional, professional and other group differences of attributes of activity (of consciousness and corporeality). We change reality with our activity, i.e. reality is partly dependent on our activity. Thus, "objective reality, which is independent of our consciousness" and our acts, is non-existent, and taking into account consistency and interconnectedness of the Universe, this redefines the issue of responsibility of the subject of the conscious process. Various states of consciousness of man gather in one integral self-consciousness with the help of his continuous and developing system of activities. New states of consciousness (and new knowledge) are born not from the consciousness itself, but from the development of one's activity. Joint activity causes joint consciousness (ideal attribute of joint activity) and joint corporeality (instrumentality material attribute). Inclusion of various subjects in common activity causes transpersonality (in its limit – noospherity) of consciousness. The unexplained yet by science, but stated parapsychological phenomenology is possible to study with the schemes of structures of individual and joint activity as processes and products of these activities, as results of processes of transpersonality and continuity (skandhas) of activities.

Keywords: activity, substance-process, attribute, theory of activity, system activity, consciousness, transpersonal phenomena.

References

- Akopov, G. V. (2007). Problema soznaniya v sovremennoi psikhologii [The issue of consciousness in modern psychology]. *Metodology and the History of Psychology*, 3(2), 43–64.
- Allakhverdov, V. M. (2000). *Soznanie kak paradoks* [Consciousness as a paradox]. Saint Petersburg: «Izdatel'stvo DNK».
- Artemieva, E. Yu., Strelkov, Yu. K., & Serkin, V. P. (1983). Opisanie struktur sub"ektivnogo opyta: kontekst i zadachi [The description of the structures of subjective experience: context and tasks]. In Yu. K. Kornilov (Ed.), *Myshlenie. Obshchenie. Opyt* [Cognition. Communication. Experience] (pp. 99–108). Yaroslavl: Yaroslavl State University.
- Bekhterev, V. M. (2001). Soznanie i ego granitsy [Consciousness and its limits]. In L. V. Kulikova (Ed.), *Psikhologiya soznaniya* [The psychology of consciousness] (pp. 19–31). Saint Petersburg: Piter.
- Dennett, D. (2004). *Vidy psikhiki: na puti k ponimaniyu soznaniya* [Kinds of minds: Towards an understanding of consciousness]. Moscow: Ideya-Press. (Transl. of: Dennett, D. (1997). *Kinds of minds: Towards an understanding of consciousness*. New York: Basic Books).
- Leonova, A. B., & Kuznetsova, A. S. (2009). *Psikhologicheskie tekhnologii upravleniya sostoyaniem cheloveka* [Psychological technologies of management of human states]. Moscow: Smysl.
- Leontiev, A. N. (1981). *Problemy razvitiya psikhiki* [Problems of the development of the mind]. Moscow: Moscow University Press.
- Leontiev, A. N. (1983). *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya* [Selected psychological works] (in 2 vols.). Moscow: Pedagogika.
- Lomov, B. F. (1984). *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii* [Methodological and theoretical issues of psychology]. Moscow: Nauka.
- Perevozchikov, A. N. (1989). Ekstrasensy – mif ili real'nost' (o kruglom stole v zhurnale "Voprosy filosofii") [Mentalists – fiction or reality (about the round table in the journal "Issues of Philosophy")]. *Znak Voprosa*, 10, 26–54.
- Petrovsky, V. A. (1992). *Psikhologiya neadaptivnoi aktivnosti* [The psychology of non-adaptive activity]. Moscow: TOO Gorbunok.
- Piaget, J. (1994). *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected psychological works]. Moscow: Mezhdunarodnaya Pedagogicheskaya Akademiya.
- Rashid Al'-Mansur. (2015). *Soznanie i materiya: velikii predel* [Consciousness and matter: The great limit]. Moscow: LENAND.
- Revonsuo, A. (2013). *Psikhologiya soznaniya* [The psychology of consciousness]. Saint Petersburg: Piter.
- Serdyukov, Yu. M. (2013). Contours of transcendental experience. *The Humanities And Social Studies in the Far East*, 1(37), 90–105.
- Serkin, V. P. (2001). *Khokhot Shamana* [Laughter of shaman]. Magadan: Kordis, 2001.
- Serkin, V. P. (2005). *Struktura i funktsii obraza mira v prakticheskoi deyatel'nosti* [Structure and functions of the worldview in practical activity] (Doctoral dissertation, Moscow, Moscow State University).
- Serkin, V. P. (2010). The theory of consciousness. *Vestnik of North-Eastern State University*, 14, 62–70.
- Serkin, V. P. (2012). Deyatel'nostnaya teoriya soznaniya [Activity theory of consciousness]. In *V s"ezd Obshcherossiiskoi pravitel'stvennoi organizatsii "Rossiiskoe psikhologicheskoe obshchestvo". Materialy uchastnikov s"ezda* [V congress of the All-Russian governmental organization "Russian

- Psychological Society". Materials of the participants of the congress] (Vol. 1, pp. 97–98). Moscow: Russian Psychological Society.
- Serkin, V. P., & Sirotskii, V. E. (1990). Psikhosemantika: na puti k modelirovaniyu [Psychosemantics: On the way of modeling]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 4, 28–33.
- Searle, J. (2002). *Otkryvaya soznanie zanovo* [The rediscovery of the mind]. Moscow: Ideya-Press. (Transl. of: Searle, J. R. (1992). *The rediscovery of the mind*. Cambridge, MA: MIT Press).
- Spinoza, B. de. (1957). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works] (in 2 vols.). Moscow: Gospolitizdat.
- Torchinov, E. A. (2007). *Religii mira: Opyt zapredel'nogo. Psihotekhnika i transpersonal'nye sostoyaniya* [Religions of the world. The other-worldly experiences. Psychotechnics and transpersonal states]. Saint Petersburg: Azbuka-Klassika/Peterburgskoe Vostokovedenie.
- Tszen, N. V., & Pakhomov, Yu. V. (1999). *Psikhotrening: igry i upravneniya* [Psychotraining: Games and exercises]. Moscow: Klass.
- Chalmers, D. (2013). *Soznayushchii um: V poiskakh fundamental'noi teorii* [The conscious mind: Is search of a fundamental theory]. Moscow: URSS/Knizhnyi Dom «LIBROKOM». (Transl. of: Chalmers, D. J. (1996). *The conscious mind: In search of a fundamental theory*. New York/Oxford: Oxford University Press).
- Shchedrovitsky, G. P. (1995). *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: Shkola Kul'turnoi Politiki.
- Velmans, M. (2009). *Understanding consciousness*. London: Routledge/Psychology Press.
- Vygotsky, L. S. (1982). Myshlenie i rech' [Cognition and speech]. In Vygotsky, L. S., *Sobranie sochinenii* [Collected works] (Vol. 2, pp. 5–361). Moscow: Pedagogika.
- Zhuravlev, A. L. (2005). *Psikhologiya sovmestnoi deyatelnosti* [The psychology of joint activity]. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
- Zinchenko, V. P., & Leontiev, A. N. (1978). Parapsikhologiya [Parapsychology]. In A. M. Prokhorov (Ed.), *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia] (Vol. 19). Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya.

ETHNIC PREJUDICES IN RUSSIA: QUESTIONNAIRE ADAPTATION FOR THE MEASUREMENT OF PREJUDICES TOWARDS MIGRANTS

O.A. GULEVICH, I.R. SARIEVA, I.S. PRUSOVA

Olga A. Gulevich — Associate Professor, School of Psychology, HSE;
Leading Research Fellow, Laboratory for Experimental and Behavioural
Economics, HSE, D.Sc.
E-mail: o.gulevich@hse.ru
Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

Irena R. Sarieva — Senior Lecturer, School of Psychology, HSE.
E-mail: iren.sarieva@gmail.com
Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

Irina S. Prusova — student, School of Psychology, HSE.
E-mail: itirik@mail.ru
Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

Ethnic prejudices is a crucial factor affecting the relationship between ethnic groups. To measure blatant ethnic prejudice questionnaires are used which include questions and statements that reflect different aspects of negative attitudes towards ethnic groups. Since most of these techniques were created in North America and Western Europe, they reflect the content of ethnic prejudices prevalent in these regions, and need cultural adaptation. The aim of this study is to adapt the scale of blatant and subtle prejudice by Pettigrew and Meertens (Pettigrew & Meertens, 1995) for a Russian sample. The study included a pilot phase and a main phase. Participants of the pilot phase (N = 354) filled out the original version of the questionnaire translated into Russian, evaluating migrants who arrived in Russia from Central Asia and the Caucasus. The results showed the low structural validity of the original version of the scale. Participants of the main phase of the study (N = 402) filled out a modified version of the questionnaire, which included 28 statements that form six scales. The results showed that the highest structural validity is exhibited by a five-factor model, which includes the following scales: the perceived economical threat, the perceived physical threat, the avoidance of close contact, the perceived problems in adaptation, the exaggeration of cultural differences. The results demonstrated that Russian prejudices against migrants from Central Asia and the Caucasus are associated with relative deprivation, ethnic identity and the intensity of intergroup contact. The structure of the methodology is universal and the link between individual factors and variables depend on the group that serves as the object of prejudice. In particular, relative deprivation and the number of contacts are more tightly linked to prejudice against migrants from Central Asia than prejudice against migrants from the Caucasus.

Keywords: ethnic prejudice, ethnic identity, relative deprivation, contact hypothesis.

Ethnic prejudices — the negative evaluation of out-groups — are widely spread in modern societies and causes discrimination against different ethnic groups. These include both members of ethnic and racial minorities who have lived in a country for a long time and migrants who have recently arrived from other regions. The problem of negative attitudes towards migrants who have an unusual appearance in the eyes of the local population and speak a different language, has been actively discussed in the countries of North America and Western Europe for decades. Studies show that in different countries different ethnic groups are subject to prejudices: for example, in Germany this role is filled by Turks, in France by the natives of Asia and North Africa, in Holland by Turks and Surinamese and in the UK by the nati-

ves of Asia and the West Indies (Hamberger & Hewstone, 1997; Meertens & Pettigrew, 1997). Over the past three decades, the problem of hostility towards migrants has become relevant for Russia. The main target of negative attitudes are immigrants from Central Asia and the Caucasus.

Psychological studies conducted in North American and Western European countries allow us to distinguish between two fundamentally different forms of negative attitudes towards ethnic and racial out-groups — blatant and subtle prejudice (Pettigrew & Meertens, 1995). Blatant prejudice presupposes the open expression of negative attitudes towards the out-group, whereas subtle prejudices include the rejection of the out-group in a socially acceptable manner and are a response to the emergence of societal

rules prohibiting discrimination based on ethnicity/race.

Studies have shown that ethnic prejudice affects various aspects of inter-ethnic perception and interaction. However, blatant and subtle prejudice leads to different consequences. People who highly exhibit both blatant and subtle prejudice call for the limiting of ethnic out-groups' rights and refuse to engage in contact with them. People who exhibit low blatant, but high subtle prejudice reject ethnic out-groups in a socially accepted way: they do not exhibit overt hostility and thus do not break societal norms, but at the same time call for the limiting of ethnic minorities' rights in the presence of "objective reasons". People who exhibit neither blatant nor subtle prejudices support the rights of ethnic out-groups and engage in contact with their members.

One of the best known methods of measuring blatant and subtle prejudices against members of the ethnic out-group is the Meertens and Pettigrew questionnaire. It includes 20 questions and statements that reflect different aspects of the negative attitude towards minorities by the host population: the perception of threat from the out-group, avoiding close contact with its representatives; recognition that out-group representatives violate traditional values; the exaggeration of differences between their own and the alien ethnic out-group; the denial of positive emotions towards the out-group.

Over the last two decades this method has been translated into German, (Zick, 1997; Neumann & Seibt, 2001), Dutch (Van Hiel & Mervielde, 2005), Italian (Arcuri & Boca, 1996), Spanish (Gonzalez-Castro, Ubillos, & Ibanez, 2009; Rodriguez et al., 2009) and a

number of other languages. It has been used to conduct studies in Australia, (McGrane & White, 2007), Central (Rodríguez-García & Wagner, 2009) and North America (Adesokan et al., 2011; Eller & Abrams, 2003; Eller, Abrams, & Gomez, 2012; Wright et al., 1997), and also a number of European countries, including Germany (Cohrs & Asbrock, 2009; Degner & Wentura, 2007, 2008, 2010; Eyssel & Ribas, 2012; Gawronski, 2002; Gawronski, Geschke, & Banse, 2003; Geschke et al., 2010; Hofmann et al., 2008; Keller, 2005; Kessler et al., 2010; Kuchenbrandt, Eyssel, & Seidel, 2013; Mummendey, Klink, & Brown, 2001; Petersen & Dietz, 2005; Pettigrew, 1997; Rangel & Keller, 2011; Steffens, Kirschbaum, & Glados, 2008; Stellmacher & Sommer, 2008; van Dick et al., 2004; Zick et al., 2001), UK (Meertens & Pettigrew, 1997; Mummendey et al., 2001; Vrij, Akehurst, & Smith, 2003), France (Meertens & Pettigrew, 1997), Belgium (Dhont et al., 2012; Dhont, Roets, & Van Hiel, 2011, 2013; Franssen, Dhont, & Van Hiel, 2013; Gordijn, Koomen, & Stapel, 2001; Onraet et al., 2011; Onraet & Van Hiel, 2013; Saroglou et al., 2009; Van Hiel et al., 2007; Van Hiel & Mervielde, 2005), Norway (Horverak et al., 2012), the Netherlands (Bijleveld, Scheepers, & Ellemers, 2012; Pettigrew, 1997), Italy (Azevedo et al., 2013; Castelli, Arcuri, & Zogmaister, 2003; Castelli, Zogmaister Tomelleri, 2009; Castellini et al., 2011; Kotic, Mannetti, & Sam, 2005; Kotic, Phalet, & Mannetti, 2012; Manganeli, Rattazzi, Bobbio, & Canova, 2007; Passini, 2013; Prezza et al., 2008; Voci & Hewstone, 2003), Spain (Gonzalez-Castro et al., 2009; Rodriguez et al., 2009).

The main advantage of the Meertens and Pettigrew questionnaire is the complex approach to the measurement of prejudice. At the same time, it has certain limitations. The first limitation is related to the structure of the questionnaire. Different studies have highlighted the single-factor structure (Hofmann et al., 2008; Rangel & Keller, 2011), and the classical and modified two-factor, three-factor (Van Hiel & Mervielde, 2005) and some other variants (Gonzalez-Castro et al., 2009). In the classical two-factor structure the perception of the threat posed by the out-group and the avoiding close contact form blatant prejudices, while the protection of cultural values, the exaggeration of cultural differences and denial of positive emotions form subtle prejudices (Pettigrew & Meertens, 1995, 2001). In a modified two-factor structure the first factor is formed by the perception of threat from the out-group, the avoidance of close contact, the protection of cultural values and the denial of positive emotions while the second is formed by the exaggeration of cultural differences (Coenders Scheepers, Sniderman, & Verberk, 2001).

The second limitation is related to the content of the individual scales. Several items of the questionnaire which work well in some countries, lose their meaning in others (Gonzalez-Castro et al., 2009; Rodriguez et al., 2009). Consequently, modified versions of the Meertens and Pettigrew have been created. Such differences suggest the cultural specificity of prejudice against migrants and as a consequence, the need to adapt the Meertens and Pettigrew methodology for each particular culture. Our study adapts this questionnaire for a Russian sample and

determines its structural and criterial validity. The adaptation of the questionnaire included the pilot study and the main study.

Pilot study

Sample. At the pilot study 354 people participated, age 18-63 years, 122 men and 232 women. All respondents identified themselves as “Russian” or “Slavs”.

Method. The original version of the questionnaire by Pettigrew (Pettigrew & Meertens, 1995) was translated into Russian. The composition of the statements was adjusted with the help of proficient English speakers. From the total pool of questions one question was deleted concerning the attitude of the respondent to his grandson possibly having a different skin color. The question was removed because, in our view, it is irrelevant for the Russian sample. The final version included 19 items that formed five subscales: the perceived threat from the out-group (PT), the avoidance of close contact (ACC), the protection of traditional values (PTV), the exaggeration of cultural differences (ECD), the denial of positive emotions (DPE). The first, second and third subscales included statements, with which the respondent could agree or disagree. At the same time, the fourth and fifth subscales included questions which had the respondent evaluate members of the out-group on a scale of “completely different” to “completely similar” and “very seldom” to “very often”. Furthermore, the second, fourth and fifth subscales were inverse. When analyzing the results of the inverse subscales, their values were overturned. With this

technique, respondents rated their attitude towards one of two groups, migrants from the North Caucasus or Central Asia. Accordingly, the text of the questionnaires used the expressions “migrants from the North Caucasus” and “migrants from Central Asia.”

Results

The analysis of the results was performed using confirmatory factor analysis in the statistical package MPlus. The study analyzed the structural validity of the three theoretical models: the one-factor model, in which all the statements comprise the general ethnic prejudice factor (model A); the classic two-factor model, in which the statements make up the blatant and subtle prejudice factors (model B); and the five-factor model, in which the statements comprise five distinct dimensions of ethnic prejudice (model C). Models A and B were taken from the Pettigrew and Meertens study that tested the methodology. Model C was added in the course of our study. In this case we assumed that Russian respondents do not make the distinction between blatant and subtle prejudices, but also don't unite them into one factor.

The results showed that the original version of the methodology has a low structural validity (Table 1). CFI para-

meters vary from 0.605 for the two-factor model to 0.766 for the five-factor model; RMSEA parameters vary from 0.102 for the two-factor model to 0.077 for the five-factor model.

The consistency of different subscales was also low: the perceived threat from the out-group ($\alpha = 0.632$), the avoidance of close contact ($\alpha = 0.641$), the protection of traditional values ($\alpha = 0.358$), the exaggeration of cultural differences ($\alpha = 0.616$) and the denial of positive emotions ($\alpha = 0.650$). This is due to the fact that a number of items “fell out” from the factor structure of the methodology. Therefore, in the next phase of cultural adaptation a modified version of the questionnaire was created.

Main study

Sample. At the second stage of the study 402 people participated, age 16–78 years ($M = 35$, $SD = 14$), 40% men. All respondents identified themselves as “Russian” or “Slavs”.

Method. Study participants completed a questionnaire, which consisted of four parts: ethnic prejudice, ethnic identity, deprivation, and intensity of contact with out-groups' members.

Prejudice towards migrants. The questionnaire used in the main version of the study differed from the original

Table 1

The structural validity of the original version of the ethnic prejudices questionnaire

Model	χ^2 (<i>df</i> , <i>p</i>)	RMSEA (90% CI)	CFI	TLI	SRMR	AIC
Model A	877.288 (354, 0.000)	0.087 (0.080 ... 0.094)	0.647	0.623	0.226	15428.822
Model B	706.745 (151, 0.000)	0.102 (0.094 ... 0.110)	0.605	0.552	0.108	17532.074
Model C	441.452 (142, 0.000)	0.077 (0.069 ... 0.085)	0.766	0.718	0.095	17326.064

Meertens and Pettigrew version of the questionnaire by three parameters.

First, all items were formulated as statements. This was done to ensure that the grammatical structure of the items would not encourage respondents to similarly answer the questions that form a single subscale.

Secondly, items were excluded from the questionnaire that during the pilot phase of the study were weakly associated with the respective subscales.

Third, the questionnaire included additional statements reflecting the specifics of Russian ethnic prejudice. To do this, a content analysis of articles in Russian popular print media and discussion forums with nationalist orientations was conducted. The final version of the questionnaire consisted of 28 statements that form six subscales (discourse analysis has shown that respondents make a distinction between the economic and physical threat posed by the out-group):

The perceived economic threat from the out-group (PET). This subscale includes five statements concerning economic dangers posed by migrants (see Appendix 1, items 1 to 5).

The perceived physical threat from the out-group (PPT). This subscale includes five statements concerning physical danger posed by migrants (see Appendix 1, items 6 to 10).

The avoidance of close contact (ACC). This subscale includes 5 statements reflecting the willingness of respondent to engage in close relations with migrants (see Appendix 1, items 11 to 15).

The perceived problems in adaptation (PPA). This subscale was included in the method instead of the “protecting traditional values” subscale. It

includes 5 statements reflecting the desire of migrants to stay isolated and unwillingness to communicate with the local population (see Appendix 1, items 16 to 20).

The exaggeration of cultural differences (ECD). This subscale consisted of 6 statements about the similarity between migrants and the local population (see Appendix 1, items 21 to 26).

The denial of positive emotions (DPE). This subscale included two statements regarding the extent to which migrants cause positive emotions in the respondent, namely sympathy and empathy (see Appendix 1, items 27 to 28).

The first, second and third subscale reflect blatant, and the fourth, fifth and sixth – subtle prejudices. As in the original version the third, fifth and sixth subscales were inverse. In processing the results of the inverse scale were overturned.

Respondents filled in one of two questionnaires measuring prejudice towards migrants from the Caucasus or Central Asia. Answers used a five-point scale ranging from 1 – “strongly disagree” to 5 – “strongly agree.”

Ethnic identity. To measure identification with “Russian” ethnicity a questionnaire developed by Leach and colleagues (Leach et al., 2008) was used, adapted for the Russian sample. It included 14 statements that form five subscales: “self-stereotyping” (e.g., “I have a lot in common with the average Russian”), “in-group homogeneity” (e.g., “There are many similarities between Russians”), “satisfaction” (e.g., “I am glad that I am Russian”), “solidarity” (“I feel a connection with Russians”) and “centrality” (“I often think that I’m Russian.”) The first and second subscale form the factor “self-determination”

and the third, fourth and fifth subscales form the factor “personal contribution”. For answers a seven-point scale was used, ranging from 1 – “strongly disagree” to 7 – “strongly agree.” The results demonstrated adaptation reliability when measuring ethnic identification ($\chi^2 = 98.59$, $df = 71$, $p < 0.05$, CFI = 0.965, RMSEA = 0.052) (Agadullina & Lovakov, 2013).

Relative deprivation. Respondents answered two questions: “In your opinion, in the last 5 years how much has the economic well-being of Russians improved or deteriorated in comparison with migrants living in Russia”, and “In your opinion, in the last 5 years how much has the economic well-being of Russians improved or deteriorated in comparison with other people living in Russia “. The answer was in the form of a 5-point scale ranging from “1” – “deteriorated significantly” to “5” – “significantly improved (Pettigrew & Meertens, 1995).

Contacts with representatives of other groups. Respondents answered four questions about the number of friends among (a) migrants, (b) people of other nationalities, (c) other religions, and (d) members of another social class. Each time they could choose one of three options: “no”, “some” or “a lot (Pettigrew & Meertens, 1995).

Results

Structural validity of the questionnaire for measuring ethnic prejudice.

To verify the factor structure of the modified version of the questionnaire a confirmatory factor analysis was conducted with Mplus. During the analysis the validity of five models was checked (Table 2): the one-factor model, in

which all the statements comprise the general ethnic prejudice factor (model A); the classic two-factor model, in which the statements make up the blatant and subtle prejudice factors (model B); the modified two-factor model (model C); the six-factor model in which the statements comprise six various dimensions of ethnic prejudice (model D) and the five-factor model, which excludes the “Denial of positive emotions” factor (model E). Models A and B were borrowed from the Pettigrew and Meertens study, model C – from the Coenders study, both of which tested the structural validity of the method. Models D and E were added in the course of our study.

The results of confirmatory analysis (Table 2) show that the single-factor (model A) ($\chi^2 = 2253.880$, $df = 350$, $p < 0.001$, CFI = 0.556, RMSEA = 0.116), the classical two-factor (model B) ($\chi^2 = 1678.598$, $df = 349$, $p < 0.001$, CFI = 0.690, RMSEA = 0.097) and the modified two-factor model (C) ($\chi^2 = 1560.018$, $df = 349$, $p < 0.001$, CFI = 0.717, RMSEA = 0.093) have low structural validity. Higher structural validity is demonstrated by to model D, which distinguishes between six different dimensions of prejudice ($\chi^2 = 698.594$, $df = 335$, $p < 0.001$, CFI = 0.915, RMSEA = 0.052). The greatest structural validity is attributed to the five-factor model E (Figure 1, $\chi^2 = 633.370$, $df = 289$, $p < 0.001$, CFI = 0.915, RMSEA = 0.054). Thus, during further analysis the scale with five dimensions of prejudice was considered.

Table 3 shows the descriptive statistics of the scales of ethnic prejudice and the correlation between them. The results suggest that the coordination of subscales for the entire sample ranges

Table 2

The structural validity of the modified version of the questionnaire for measuring ethnic prejudice

Model	χ^2 (df, p)	RMSEA (90% CI)	CFI	TLI	SRMR	AIC
<i>Prejudice towards migrants from Central Asia (N = 195)</i>						
Model A	1422.026 (350, 0.00)	0.125 (0.119 ... 0.132)	0.632	0.603	0.101	15481.833
Model B	1118.999 (349, 0.00)	0.106 (0.099 ... 0.113)	0.736	0.714	0.111	15139.377
Model C	1045.881 (349, 0.00)	0.101 (0.094 ... 0.108)	0.761	0.741	0.089	15060.931
Model D	654.139 (335, 0.00)	0.070 (0.062 ... 0.088)	0.890	0.876	0.079	14648.603
Model E	531.258 (289, 0.00)	0.066 (0.057 ... 0.074)	0.913	0.902	0.075	13605.157
<i>Prejudice towards migrants from the Caucasus (N = 207)</i>						
Model A	1402.036 (350, 0.00)	0.121 (0.114... 0.127)	0.441	0.397	0.139	17714.108
Model B	1123.653 (349, 0.00)	0.104 (0.097... 0.110)	0.589	0.554	0.139	17402.765
Model C	1031.706 (349, 0.00)	0.097 (0.090... 0.104)	0.637	0.607	0.114	17297.459
Model D	583.956 (335, 0.00)	0.060 (0.052... 0.068)	0.868	0.851	0.067	16835.488
Model E	531.499 (289, 0.00)	0.064 (0.055... 0.072)	0.871	0.855	0.069	15612.498
<i>Prejudice: general (N = 402)</i>						
Model A	2253.880 (350, 0.00)	0.116 (0.112... 0.121)	0.556	0.520	0.115	33490.126
Model B	1678.598 (349, 0.00)	0.097 (0.093... 0.102)	0.690	0.664	0.117	32803.631
Model C	1560.018 (349, 0.00)	0.093 (0.088... 0.098)	0.717	0.694	0.095	32675.972
Model D	698.594 (335, 0.00)	0.052 (0.047... 0.057)	0.915	0.904	0.058	31706.494
Model E	633.370 (289, 0.00)	0.054 (0.049... 0.060)	0.919	0.909	0.058	29418.397

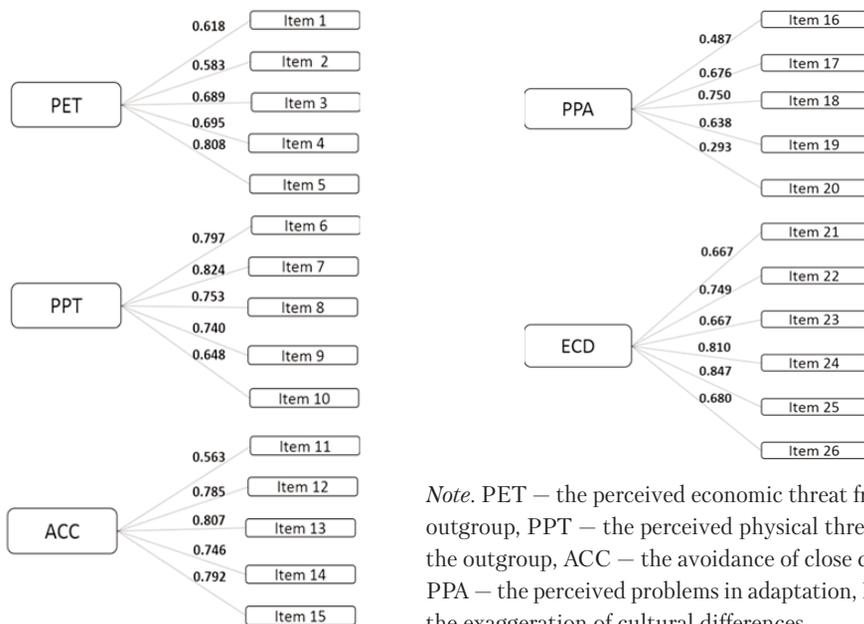
from 0.70 (subscale “the perceived problems in adaptation”) to 0.87 (subscales “the perceived physical threat” and “the exaggeration of cultural differences”). However, when measuring prejudice against migrants from Central Asia the consistency of subscales was higher than with migrants from the Caucasus.

Several subscales of the questionnaire are correlated. For the full sam-

ple, the correlation coefficient ranges from $r_s = 0.20$ to 0.69. However, the degree of correlation between the subscales of the questionnaire varies depending on which out-group is the object of prejudice. Various components of prejudice against migrants from Central Asia are more strongly related to each other than the components of prejudice against migrants from the Caucasus.

Figure 1

The five factor model of prejudices towards migrants

Note. PET – the perceived economic threat from the outgroup, PPT – the perceived physical threat from the outgroup, ACC – the avoidance of close contact, PPA – the perceived problems in adaptation, ECD – the exaggeration of cultural differences.

Table 3

Descriptive statistics and the correlation of the ethnic prejudice subscales

	M	SD	α	1	2	3	4
<i>Prejudice towards migrants from Central Asia</i>							
1. Perceived economic threat	3.78	0.95	0.82	–			
2. Perceived physical threat	3.31	1.09	0.89	0.78**	–		
3. Avoidance of close contact	3.17	1.19	0.89	0.62**	0.59**	–	
4. Perceived problems in adaptation	3.66	0.81	0.70	0.54**	0.43**	0.33**	–
5. Exaggeration of cultural differences	4.21	0.82	0.91	0.61**	0.51**	0.58**	0.33**
<i>Prejudice towards migrants from the Caucasus</i>							
1. Perceived economic threat	3.96	0.88	0.80	–			
2. Perceived physical threat	3.58	0.94	0.84	0.57**	–		
3. Avoidance of close contact	3.19	0.99	0.81	0.23**	0.25**	–	
4. Perceived problems in adaptation	3.52	0.84	0.70	0.48**	0.41**	0.06	–
5. Exaggeration of cultural differences	4.11	0.84	0.84	0.02	0.18**	0.33**	0.10

Table 3 (termination)

	M	SD	α	1	2	3	4
<i>Prejudice: general</i>							
1. Perceived economic threat	3.87	0.92	0.81	–			
2. Perceived physical threat	3.45	1.03	0.87	0.69**	–		
3. Avoidance of close contact	3.18	1.09	0.86	0.43**	0.43**	–	
4. Perceived problems in adaptation	3.59	0.83	0.70	0.49**	0.41**	0.20**	–
5. Exaggeration of cultural differences	4.16	0.83	0.87	0.27**	0.34**	0.46**	0.21**

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

Criterial validity of the questionnaire. To measure the criterial validity three indicators were used which in other studies, were related to the level of prejudice: ethnic identity, relative deprivation and the number of friends among the out-groups. To determine the criterial validity a correlation analysis was performed between these indicators and subscales of prejudice. The results are shown in Table 4.

They show that all the components of prejudice toward migrants are related to in-group identification with the group “Russian”. The correlation coefficients for the total sample varied in the range of $r_s = 0.23$ to 0.39 . At the same time, the in-group identity is associated with stronger prejudices towards migrants from Central Asia than towards migrants from the Caucasus.

Furthermore, prejudice towards migrants is related to the level of relative deprivation. The correlation coefficients for the total sample ranged from $r_s = 0.19$ to 0.43 . An exception is the subscale the exaggeration of cultural differences. However, the strength of this connection also depends on the out-group. Relative deprivation is more

strongly associated with prejudice against migrants from Central Asia than with prejudice against migrants from the Caucasus. This primarily concerns the subscale the exaggeration of cultural differences.

Finally, ethnic prejudices are related to the intensity of contact with the out-group. The weakest link is observed between the intensity of exposure and the subscale the perceived problems in adaptation, and the strongest between the intensity of contact and the exaggeration of cultural differences. However, this relationship depends on the out-group: prejudice against migrants from Central Asia is more strongly related to the intensity of contact than prejudice against migrants from the Caucasus. This primarily concerns the subscales the perceived economic threat, the perceived physical threat, the avoiding close contact and the perceived problems of adaptation, but not the the exaggeration of cultural differences subscale.

Discussion

Our study was focused on the cultural adaptation of the Pettigrew and

Table 4

Results of the correlation analysis

	Perceived economic threat	Perceived physical threat	Avoidance of close contact	Perceived problems in adaptation	Exaggeration of cultural differences
Prejudice towards migrants from Central Asia					
Relative deprivation (migrants)	0.46**	0.51**	0.35**	0.24**	0.22**
Relative deprivation (other peoples)	0.38**	0.41**	0.35**	0.25**	0.26**
Friends – migrants	-0.34**	-0.24**	-0.44**	-0.25**	-0.31**
Friends – other nationalities	-0.28**	-0.24**	-0.41**	-0.12	-0.21**
Friends – other religions	-0.34**	-0.26**	-0.41**	-0.10	-0.28**
Friends – other classes	-0.09	-0.06	-0.18*	-0.01	-0.14*
Identification: personal input	0.54**	0.50**	0.53**	0.28**	0.43**
Identification: self-determination	0.43**	0.38**	0.41**	0.19**	0.35**
Relative deprivation (migrants)	0.29**	0.31**	0.26**	0.18*	-0.01
Relative deprivation (other peoples)	0.19**	0.22**	0.18**	0.18*	-0.05
Friends – migrants	0.01	0.07	-0.12	-0.06	-0.26**
Friends – other nationalities	-0.01	0.01	-0.04	-0.15*	-0.24**
Friends – other religions	-0.05	-0.01	-0.07	-0.08	-0.26**
Friends – other classes	-0.03	-0.08	-0.08	-0.09	-0.21**
Identification: personal input	0.20**	0.20**	0.23**	0.25**	0.24**
Identification: self-determination	0.27**	0.15*	0.14*	0.30**	0.19**
Prejudice: general					
Relative deprivation (migrants)	0.39**	0.43**	0.31**	0.19**	0.09
Relative deprivation (other peoples)	0.29**	0.33**	0.27**	0.21**	0.09
Friends – migrants	-0.16**	-0.09	-0.28**	-0.16**	-0.28**
Friends – other nationalities	-0.17**	-0.16**	-0.23**	-0.12*	-0.21**
Friends – other religions	-0.21**	-0.17**	-0.25**	-0.08	-0.26**
Friends – other classes	-0.07	-0.10*	-0.13**	-0.04	-0.16**
Identification: personal input	0.39**	0.37**	0.30**	0.26**	0.33**
Identification: self-determination	0.36**	0.30**	0.29**	0.23**	0.27**

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

Meertens questionnaire designed to measure ethnic prejudice. The advantages of this technique include the ability to use it to measure both blatant and subtle prejudices against ethnic groups. However, research showed that the content and structure of this technique have cultural characteristics. This is clearly seen when comparing the version adapted for the Russian sample, with the version used in Western European studies.

First, the Russian version includes two different components related to the threat posed by the out-group - economic and physical threat. The idea of introducing into the methodology items related to economic threat was born during the content analysis of Russian print media. It demonstrated that the economic aspect of the relationship with migrants is touched on in public discussions as frequently as the aspect related to their effect on the lives and health of the local population. Of course, the subscale of the perceived economic and physical threats are strongly correlated with each other. However the estimation of the economic threat is greater than that of the physical threat, and this applies to both prejudice against migrants from Central Asia and migrants from the Caucasus.

Second, the Russian version of the questionnaire is missing the subscale the protecting traditional values, which was replaced by the subscale the perceived problems of adaptation. This was done based on the first phase of the study, which showed that in the minds of Russian respondents the idea of migrants not making enough effort is not related to the inability of migrants to adapt to the host community. This is

probably due to the weak prevalence of the Protestant work ethic in Russia, which were reflected in the original version of the questionnaire. As a result, adaptation to the host community is not seen as the result of systematic effort and hard work. Because the content analysis showed that one of the key topics discussed in relation to migration is cultural adaptation and not lack of effort, this subscale was included in the modified version of the questionnaire.

Third, the new version of the methodology included an extended subscale of the avoidance of close contact. It included statements concerning willingness to have a relationship with a migrant as a friend, colleague or neighbor. This was done in order to allow for different levels of communication. The high consistency of this subscale suggests that prejudices are associated with either willingness to have contact or refusal to do so.

Fourthly, the subscale the denial of positive emotions was excluded from the modified version of the questionnaire. The low internal consistency of this subscale indicates that admiration and sympathy reflect two fundamentally different attitudes towards migrants. Admiration suggests a positive attitude towards a powerful, high-status group, while sympathy — a weak, low status one.

Overall, this study demonstrated the structural validity of a modified version of the Pettigrew and Meertens questionnaire, which includes five separate subscales. These subscales are related to three criterial variables: identification with the group “Russian”, the intensity of contact with the out-group, and relative deprivation.

Counterintuitively, the stronger the ethnic identification, the more a person has friends among the out-group, the lower the relative deprivation, the greater the prejudice towards migrants. However, the degree of connection between these indicators and prejudice depends on the out-group. Prejudice against migrants from the Caucasus is more weakly related to Russian identity, the intensity of contact and relative deprivation than prejudice against migrants from Central Asia. Apparently, this is due to the fact that prejudice against migrants from the Caucasus has become a kind of “cultural norm.” It originated earlier than the prejudice

against migrants from other regions, it was strengthened during the two Chechen wars and the Russian-Georgian war, and continually fueled by reports of crimes committed by “people from the Caucasus”.

Furthermore, the study results show that Russian respondents don't make a distinction between blatant and subtle prejudice towards migrants. That kind of prejudice can be considered as a sum of various components which are created by various conditions. Thus, the further direction of research would be the study of how exactly these components are linked to behavior towards ethnic minority groups.

References

- Agadullina, E., Lovakov, A. (2013). Measurement model of in-group identification: Validation in Russian samples. *Psychology Journal of the Higher School of Economics*, 10(4), 139–153.
- Adesokan, A. A., Ullrich, J., van Dick, R., & Tropp, L. R. (2011). Diversity beliefs as moderator of the contact–prejudice relationship. *Social Psychology*, 42, 271–278.
- Azevedo, R. T., Macaluso, E., Avenanti, A., Santangelo, V., Cazzato, V., & Aglioti, S. M. (2013). Their pain is not our pain: Brain and autonomic correlates of empathic resonance with the pain of same and different race individuals. *Human Brain Mapping*, 34, 3168–3181.
- Bijleveld, E., Scheepers, D., & Ellemers, N. (2012). The cortisol response to anticipated intergroup interactions predicts self-reported prejudice. *PLoS ONE*, 7. Retrieved from <http://www.plosone.org>
- Brown, T.A. (2006). *Confirmatory factor analysis for applied research*. N.Y.: The Guilford Press.
- Byrne, B. (2012). *Structural equation modeling with Mplus*. N.Y.: Routledge.
- Castelli, L., Arcuri, L., & Zogmaister, C. (2003). Perceiving in-group members who use stereotypes: Implicit conformity and similarity. *European Journal of Social Psychology*, 33, 163–175.
- Castelli, L., Zogmaister, C., & Tomelleri, S. (2009). The transmission of racial attitudes within the family. *Developmental Psychology*, 45, 586–591.
- Castellini, F., Colombo, M., Maffei, D., & Montali, L. (2011). Sense of community and interethnic relations: Comparing local communities varying in ethnic heterogeneity. *Journal of Community Psychology*, 39, 663–677.
- Coenders, M., Scheepers, P., Sniderman, P.M., & Verberk, G. (2001). Blatant and subtle prejudice: Dimensions, determinants and consequences: some comments on Pettigrew and Meertens. *European Journal of Social Psychology*, 31, 281–297.
- Cohrs, J., & Asbrock, F. (2009). Right-wing authoritarianism, social dominance orientation and prejudice against threatening and competitive ethnic groups. *European Journal of Social Psychology*, 39, 270–289.

- Degner, J., & Wentura, D. (2007). Hostility-related prejudice against Turks in adolescents: Masked affective priming allows for a differentiation of automatic prejudice. *Basic and Applied Social Psychology, 29*, 245–256.
- Degner, J., & Wentura, D. (2008). The extrinsic affective Simon task as an instrument for indirect assessment of prejudice. *European Journal of Social Psychology, 38*, 1033–1043.
- Degner, J., & Wentura, D. (2010). Automatic prejudice in childhood and early adolescence. *Journal of Personality and Social Psychology, 98*, 356–374.
- Dhont, K., Roets, A., & Van Hiel, A. (2011). Opening closed minds: the combined effects of intergroup contact and need for closure on prejudice. *Personality and Social Psychology Bulletin, 37*, 514–528.
- Dhont, K.D., Roets, A., & Van Hiel, A. (2013). The intergenerational transmission of need for closure underlies the transmission of authoritarianism and anti-immigrant prejudice. *Personality and Individual Differences, 54*, 779–784.
- Dhont, K., Van Hiel, A., De Bolle, M., & Roets, A. (2012). Longitudinal intergroup contact effects on prejudice using self- and observer-reports. *British Journal of Social Psychology, 51*, 221–238.
- Eller, A., & Abrams, D. (2003). “Gringos” in Mexico: cross-sectional and longitudinal effects of language school-promoted contact on intergroup bias. *Group Processes & Intergroup Relations, 6*, 55–75.
- Eller, A., Abrams, D., & Gomez, A. (2012). When the direct route is blocked: the extended contact pathway to improving intergroup relations. *International Journal of Intercultural Relations, 36*, 637–646.
- Eyssel, F., & Ribas, X. (2012). How to be good (or bad): on the fakeability of dehumanization and prejudice against out-groups. *Group Processes & Intergroup Relations, 15*, 804–812.
- Franssen, V., Dhont, K., & Van Hiel, A. (2013). Age-related differences in ethnic prejudice: evidence of the mediating effect of right-wing attitudes. *Journal of Community and Applied Psychology, 23*, 252–257.
- Gawronski, B. (2002). What does the implicit association test measure? A test of the convergent and discriminant validity of prejudice-related IATs. *Experimental Psychology, 49*, 171–180.
- Gawronski, B., Geschke, D., & Banse, R. (2003). Implicit bias in impression formation: associations influence the construal of individuating information. *European Journal of Social Psychology, 33*, 573–589.
- Geschke, D., Mummendey, A., Kessler, T., & Funke, F. (2010). Majority members’ acculturation goals as predictors and effects of attitudes and behaviours towards migrants. *British Journal of Social Psychology, 49*, 489–506.
- Gonzalez-Castro, J. L., Ubillos, S., & Ibanez, J. (2009). Predictive factors of ethnic prejudice toward immigrants in a representative subsample of Spanish young people. *Journal of Applied Social Psychology, 39*, 1690–1717.
- Gordijn, E. H., Koomen, W., & Stapel, D. A. (2001). Level of prejudice in relation to knowledge of cultural stereotypes. *Journal of Experimental Social Psychology, 37*, 150–157.
- Hamberger, J., & Hewstone, M. (1997). Inter-ethnic contact as a predictor of blatant and subtle prejudice: tests of a model in four West European nations. *British Journal of Social Psychology, 36*, 173–190.
- Hofmann, W., Gschwendner, T., Castelli, L., & Schmitt, M. (2008). Implicit and explicit attitudes and interracial interaction: the moderating role of situationally available control resources. *Group Processes & Intergroup Relations, 11*, 69–87.

- Horverak, J. G., Sandal, G. M., Bye, H. H., & Pallesen, S. (2012). Managers' selection preferences: The role of prejudice and multicultural personality traits in the assessment of native and immigrant job candidates. *Revue Européenne de Psychologie Appliquée*, *63*, 267–275.
- Keller, J. (2005). In genes we trust: The biological component of psychological essentialism and its relationship to mechanisms of motivated social cognition. *Journal of Personality and Social Psychology*, *88*, 686–702.
- Kessler, T., Mummendey, A., Funke, F., Brown, R., Binder, J., Zagefka, H., Leyens, J. P., Demoulin, S., & Maquil, A. (2010). We all live in Germany but ... In-group projection, group-based emotions and prejudice against immigrants. *European Journal of Social Psychology*, *40*, 985–997.
- Kosic, A., Mannetti, L., & Sam, D. L. (2005). The role of majority attitudes towards out-group in the perception of the acculturation strategies of immigrants. *International Journal of Intercultural Relations*, *29*, 273–288.
- Kosic, A., Phalet, K., & Mannetti, L. (2012). Ethnic categorization: The role of epistemic motivation, prejudice, and perceived threat. *Basic and Applied Social Psychology*, *34*, 66–75.
- Kuchenbrandt, D., Eyssel, F., & Seidel, S. K. (2013). Cooperation makes it happen: Imagined intergroup cooperation enhances the positive effects of imagined contact. *Group Processes & Intergroup Relations*, *16*, 635–647.
- Leach, C. W., van Zomeren, M., Zebl, S., Vliek, M. L. W., Pennekamp, S. F., Doosje, B., ... Spears, R. (2008). Group-level self-definition and self-investment: A hierarchical (multicomponent) model of in-group identification. *Journal of Personality and Social Psychology*, *95*, 144–165.
- Manganelli Rattazzi, A. M., Bobbio, A., & Canova, L. (2007). A short version of the Right-Wing Authoritarianism (RWA) Scale. *Personality and Individual Differences*, *43*, 1223–1234.
- McGrane, J. A., & White, F. A. (2007). Differences in Anglo and Asian Australians' explicit and implicit prejudice and the attenuation of their implicit in-group bias. *Asian Journal of Social Psychology*, *10*, 204–210.
- Meertens, R. W., & Pettigrew, T. F. (1997). Is subtle prejudice really prejudice? *Public Opinion Quarterly*, *61*, 54–71.
- Mummendey, A., Klink, A., & Brown, R. (2001). Nationalism and patriotism: national identification and out-group rejection. *British Journal of Social Psychology*, *40*, 159–172.
- Neumann, R., & Seibt, B. (2001). The structure of prejudice: associative strength as a determinant of stereotype endorsement. *European Journal of Social Psychology*, *31*, 609–620.
- Onraet, E., & Van Hiel, A. (2013). When threat to society becomes a threat to oneself: Implications for right-wing attitudes and ethnic prejudice. *International Journal of Psychology*, *48*, 25–34.
- Onraet, E., Van Hiel, A., Roets, A., & Cornelis, I. (2011). The closed mind: "Experience" and "cognition" aspects of openness to experience and need for closure as psychological bases for right-wing attitudes. *European Journal of Personality*, *25*, 184–197.
- Passini, S. (2013). What do I think of others in relation to myself? Moral identity and moral inclusion in explaining prejudice. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, *23*, 261–269.
- Petersen, L. E., & Dietz, J. (2005). Prejudice and enforcement of workforce homogeneity as explanations for employment discrimination. *Journal of Applied Social Psychology*, *35*, 144–159.
- Pettigrew, T. F. (1997). Generalized intergroup contact effects on prejudice. *Personality and Social Psychology Bulletin*, *23*, 173–185.
- Pettigrew, T. F., & Meertens, R. W. (1995). Subtle and blatant prejudice in Western Europe. *European Journal of Social Psychology*, *57*, 57–75.

- Pettigrew, T. F., & Meertens, R. W. (2001). In defense of the subtle prejudice concept: a retort. *European Journal of Social Psychology, 31*, 299–309.
- Prezza, M., Zampatti, E., Pacilli, M. G., & Paolillo, A. (2008). Territorial sense of community, ethnic prejudice and political orientation. *Journal of Community & Applied Social Psychology, 18*, 315–332.
- Rangel, U., & Keller, J. (2011). Essentialism goes social: belief in social determinism as a component of psychological essentialism. *Journal of Personality and Social Psychology, 100*, 1056–1078.
- Rodriguez, F. J., Herrero, J., Ovejero, A., & Torres, A. (2009). New expressions of racism among young people in Spain: an adaptation of the Meertens and Pettigrew (1992) prejudice scale. *Adolescence, 44*, 1033–1043.
- Rodriguez-Garcia, J.-M., & Wagner, U. (2009). Learning to be prejudiced: A test of unidirectional and bidirectional models of parent–offspring socialization. *International Journal of Intercultural Relations, 33*, 516–523.
- Saroglou, V., Lamkaddem, B., Van Pachterbeke, M., & Buxant, C. (2009). Host society's dislike of the Islamic veil: The role of subtle prejudice, values, and religion. *International Journal of Intercultural Relations, 33*, 419–428.
- Steffens, M. G., Kirschbaum, M., & Glados, P. (2008). Avoiding stimulus confounds in Implicit Association Tests by using the concepts as stimuli. *British Journal of Social Psychology, 47*, 217–243.
- Stellmacher, J., & Sommer, G. (2008). Human rights education: an evaluation of University seminars. *Social Psychology, 39*, 70–80.
- Van Dick, R., Wagner, U., Pettigrew, T. F., Christ, O., Wolf, C., Petzel, T., ... Jackson, J. S. (2004). Role of perceived importance in intergroup contact. *Journal of Personality and Social Psychology, 7*, 211–227.
- Van Hiel, A., Cornelis, I., Roets, A., & De Clecrq, B. (2007). A comparison of various authoritarianism scales in Belgian Flanders. *European Journal of Personality, 21*, 149–168.
- Van Hiel, A., & Mervielde, I. (2005). Authoritarianism and social dominance orientation: relationships with various forms of racism. *Journal of Applied Social Psychology, 35*, 2323–2344.
- Voci, A., & Hewstone, M. (2003). Intergroup contact and prejudice toward immigrants in Italy: The mediational role of anxiety and the moderational role of group salience. *Group Processes & Intergroup Relations, 6*, 37–54.
- Vrij, A., Akehurst, L., & Smith, B. (2003). Reducing ethnic prejudice: an evaluation of seven recommended principles for incorporation in public campaigns. *Journal of Community & Applied Social Psychology, 13*, 284–299.
- Wright, S. C., Aron, A., McLaughlin-Volpe, T., & Ropp, S. A. (1997). The extended contact effect: knowledge of cross-group friendships and prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology, 73*, 73–90.
- Zick, A., Wagner, U., van Dick, R., & Petzel, T. (2001). Acculturation and prejudice in Germany: majority and minority perspectives. *Journal of Social Issues, 57*, 541–557.

Appendix 1

Questionnaire for the measurement of prejudices towards migrants (translation from Russian)

Recently the population of our country is becoming more and more ethnically diverse. This is happening because of migration from other countries. Read the statements concerning the (name of group) and rate how much you agree with each of them.

		Strongly disagree	Disagree	Neither agree nor disagree	Agree	Strongly agree
1	(Name of group) are relentlessly trying to fill economic and political positions that are traditionally filled by the host population	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
2	Many of (name of group) take the jobs that could be taken by the host population	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
3	Most of (name of group) produce and sell low-quality goods and services	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
4	Most of (name of group) see Russia solely as a source of income and are indifferent about the country's future	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
5	Most of (name of group) would take any opportunity to swindle members of the host population for their on profit	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
6	(Name of group) act more aggressively than the host population	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
7	(Name of group) break the law more often than the host population	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
8	(Name of group) create dangerous traffic situations on the road more often than the host population	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
9	Most politicians in Russia care too much about (name of group) and not enough about the host population	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
10	In case of conflict between the (name of group) and the host population, the authorities side with the migrants	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
11	I wouldn't mind if one of my family members married a (name of group)	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
12	I don't exclude the possibility that a (name of group) could become my friend	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
13	I wouldn't mind if a suitably qualified (name of group) was appointed as my boss	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
14	I wouldn't mind if a suitably qualified (name of group) became my subordinate	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
15	I wouldn't mind if a (name of group) became my neighbor	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐

		Strongly disagree	Disagree	Neither agree nor disagree	Agree	Strongly agree
16	(Name of group) teach to to their children values and skills different from those required to be successful in Russia	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
17	After coming to Russia (name of group) settle together, which prevents them from adapting to a new culture	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
18	(Name of group) prefer following their traditions even if they prevent them from achieving success in the society	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
19	Many of (name of group) are badly educated and are not keen on learning the Russian language to achieve success in Russia	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
20	After coming to Russia (name of group) engage in marriage primarily with representatives of their culture	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
21	Values of most (name of group) resemble mine	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
22	Religious beliefs and rituals of (name of group) resemble mine	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
23	Sexual practices of (name of group) resemble mine	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
24	The way of life of (name of group) mostly resembles mine	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
25	Many family values of (name of group) resemble mine	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
26	Behavior of (name of group) in business resembles mine	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
27	I often feel sympathy for the (name of group)	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
28	I often fell admiration for the (name of group)	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐

Этнические предрассудки в России: Методика для измерения предрассудков в отношении к мигрантам

Гулевич Ольга Александровна

Доцент департамента психологии НИУ ВШЭ, доктор психологических наук
Контакты: goulevitch@mail.ru

Сариева Ирена Ремаевна

Преподаватель департамента психологии НИУ ВШЭ
Контакты: iren.sarieva@gmail.com

Прусова Ирина Сергеевна

Студентка департамента психологии НИУ ВШЭ
Контакты: itirik@mail.ru

Резюме

Этнические предрассудки — важный фактор, оказывающий влияние на отношения между этническими группами. Для измерения хорошо осознаваемых этнических предрассудков используются опросники, которые включают вопросы и утверждения, отражающие разные аспекты негативного отношения к этническим группам. Поскольку большинство подобных методик создано в странах Северной Америки и Западной Европы, они отражают содержание этнических предрассудков, распространенных в этих регионах, и нуждаются в изменении с учетом культурного контекста. Целью данного исследования является модификация опросника для измерения отношения к мигрантам на основе шкалы явных и скрытых предрассудков Т. Петтигрю и Р. Миртенса для российской выборки (Pettigrew, Meertens, 1995). Исследование включало в себя пилотажный и основной этап исследования. Участники пилотажного этапа (N = 355) заполняли русскоязычную версию оригинального варианта опросника Петтигрю и Миртенса, оценивая мигрантов, приехавших в Россию из Средней Азии и с Кавказа. Полученные результаты продемонстрировали низкую структурную валидность оригинальной версии шкалы. Участники основного этапа исследования (N = 402) заполняли модифицированную версию опросника, который включал в себя 28 утверждений. Результаты показали, что наибольшей структурной валидностью обладает пятифакторная модель, включающая в себя следующие шкалы: «воспринимаемая экономическая угроза», «воспринимаемая физическая угроза», «избегание близкого контакта», «воспринимаемые проблемы в адаптации», «преувеличение культурных различий». Они продемонстрировали, что российские предрассудки к мигрантам из Средней Азии и с Кавказа связаны с относительной депривацией, этнической идентичностью и интенсивностью межгруппового контакта. При этом структура методики носит универсальный характер, а связи отдельных факторов с критериальными переменными зависят от группы — объекта предрассудков. В частности, относительная депривация и количество контактов сильнее связаны с предрассудками в отношении мигрантов из Средней Азии, чем мигрантов с Кавказа.

Ключевые слова: этнические предрассудки, этническая идентичность, относительная депривация, гипотеза контакта.

Приложение

Методика для измерения предрассудков в отношении к мигрантам

В последнее время население нашей страны становится все более разнообразным в этническом отношении. Это происходит благодаря миграции людей из других стран. Прочитайте утверждения, касающиеся (название группы), и оцените, насколько Вы согласны с каждым из них.

		Абсолютно не согласен	Скорее не согласен, чем согласен	Что-то среднее	Скорее согласен, чем не согласен	Абсолютно согласен
1	(Название группы) настойчиво стремятся занять экономические и политические позиции, которые традиционно принадлежали местному населению.	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
2	Многие (название группы) занимают рабочие места, которые могли бы занимать местные жители.	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
3	Большинство (название группы) делают и продают низкокачественные товары и услуги.	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
4	Большинство (название группы) рассматривают Россию только как источник дохода и равнодушны к ее будущему.	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
5	Многие (название группы) при любой возможности готовы обмануть представителей местного населения ради собственной выгоды.	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
6	(Название группы) ведут себя более агрессивно, чем местное население.	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
7	(Название группы) чаще, чем местное население, нарушают закон.	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
8	(Название группы) чаще, чем местное население, создают аварийные и опасные ситуации на дорогах.	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
9	Большинство политиков в России слишком заботятся о (название группы) и недостаточно — о местном населении.	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
10	При конфликте (название группы) с местным населением власть встает на сторону мигрантов.	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
11	Я не буду против, если (название группы) вступит в брак с членом моей семьи.	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
12	Я не исключаю того, что (название группы) станет моим другом.	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐

		Абсолютно не согласен	Скорее не согласен, чем согласен	Что-то среднее	Скорее согласен, чем не согласен	Абсолютно согласен
13	Я не буду против того, чтобы обладающий соответствующей квалификацией (название группы) был назначен моим начальником.	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
14	Я не буду против того, чтобы обладающий соответствующей квалификацией (название группы) стал моим подчиненным.	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
15	Я не буду против того, чтобы (название группы) стал моим соседом.	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
16	(Название группы) передают своим детям ценности и учат навыкам, которые не способствуют достижению успеха в России.	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
17	Приезжая в Россию (название группы) селятся вместе, что мешает им адаптироваться в новой культуре.	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
18	(Название группы) предпочитают следовать своим традициям, даже если они мешают им достичь успеха в обществе.	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
19	Многие (название группы) плохо образованы и не стремятся учить русский язык, чтобы достичь успеха в России.	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
20	Приезжая в Россию, (название группы) вступают в браки преимущественно с представителями своей культуры.	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
21	Ценности большинства (название группы) похожи на мои ценности.	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
22	Религиозные верования и обряды (название группы) похожи на мои.	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
23	Сексуальные практики (название группы) похожи на мои.	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
24	Быт (название группы) по большей части похож на мой быт.	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
25	Многие семейные традиции (название группы) похожи на мои традиции.	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
26	Поведение (название группы) в деловой сфере похоже на мое поведение.	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
27	Я часто сочувствую (название группы).	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
28	Я часто восхищаюсь (название группы).	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐

BEYOND THE DRAMA TRIANGLE: THE OVERCOMING SELF

I.M. SHMELEV

Shmelev Ilya V. — lecturer, School of Psychology, HSE, MS in Psychology. Co-founder and a business coach at the Coaching Centre; business coach at the Academy of Business and Consulting; certified professional master and trainer of coaching. Member of the St. Petersburg Association for Transactional Analysis (SOTA), European Association for Transactional Analysis (EATA), International Coach and Trainer Association (ICTA) and the International Coaches Union (ICU).

Research interests: the psychology of personality, personology, psychotherapy, the psychology of religion, coaching, social and psychological training.

E-mail: shmelevilya@gmail.com

Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

The article offers a comprehensive framework for analyzing and diagnosing the roles played in the Karpman drama triangle by using analysis of the states, behaviors, secondary gains, payoffs and marker words. The framework considers and describes specific instruments to step out of the script and possibilities of using those instruments in counseling. The author substantiates the potential of Overcoming Self, which is a particular formation within the Adult Ego-state that leads the subject towards an autonomous, realistic and responsible attitude to life and overcoming difficult life situations. The article demonstrates that in the process of communication all three roles are simultaneously played: while one of the roles is on stage, the other two thereafter; the main role gives way to one of the background roles. The foundation of the author's models of entering and exiting dependent relationships is Berne's theory of Transactional Analysis and V. Petrovskiy's multisubject approach. Both those theories help to demonstrate that one of the most important objectives for the counseling therapist is to reinforce and strengthen the client's Self through the client's undertaking of responsibility, for himself in the first place and thereafter for the lives of others (family, business and those surrounding him). The research demonstrates that in order to break the Gordian knot of the drama triangle, the counseling therapist needs to create such an environment, in which the client can reveal the inanity of script patterns and move from being dependent to forming, maintaining and relying on one's own self as an integral subject through strengthening of the Overcoming Self. Choosing a responsible attitude, the client takes over her behavior and gets the opportunity to see herself as the author of her life events.

Keywords: the drama triangle, the Overcoming Self, counseling, responsibility, difficult situations, coping, coping behavior, emotional "flutter".

When analyzing and examining the communication process one comes across its multilevel nature and diverse

vector directions. On the external level it is a general communication process, which combines all the possibilities of

verbal and nonverbal expression, while on the internal level it is the psychological component, which can combine many different (often contradictory) motivational tendencies. It is particularly keenly revealed in a therapeutic setting or a coaching session¹, where an entire theater of actions evolves with its director, multitude of actors and spectators. During counseling sessions subtle plotlines often surface, in which myriads of forms of transactions and their intertwinings unfold and detangle in the art of counseling relationship. Psychology considers many different ways of understanding and analyzing communication. This article centers on one of those internal psychological processes hidden behind the communication veil: the Karpman drama triangle (Karpman, 1968).

Although the Karpman model is highly popular in literature on practical psychology (Badkhen et al., 2006), it is mostly described in general terms. Most authors present only a short overview of the model, focusing on the moments in which switches between roles occur (for example, alone/social, near/far, open/closed (Berne, 1972)) and on the necessity to step out of the triangle. The wide use of the drama triangle is possibly due to the popularity of transactional analysis founded by E. Berne (Berne, 1961), the ideas of which underlie the model.

The model itself describes three habitual psychological roles, which people change depending on the situation:

– the role of the Victim, in which the performer projects the causes of

problems and sufferings onto other people, events and circumstances;

– the role of the Persecutor, in which one pressurizes, forces and persecutes the victim;

– the role of the Rescuer, in which one interferes out of a seeming willingness to help.

As S. Karpman demonstrates, being inside the triangle is the negative alternative of organising one's life. It leads to the reinforcement of possible tragic outcomes of dependent behavior. As mentioned above, available literature rarely offers a comprehensive description of the model. Even those available most often provide neither detailed analysis of vocal and behavioral indicators that characterize the roles nor the potentialities of a large number of techniques and communication approaches, which could allow stepping out of the drama triangle.

To fill this shortage, I focus my research on the possibility of highlighting key elements that allow to detect and comprehend how clients and counselors entangle within a scripted process and a means by which such communications lead the counseling process into a constructive mode. The general scheme of the setting is arranged so as to get the person out of roleplaying. However it is important to distinguish, examine and comprehend also the alternative to the drama triangle, and see what substance can be developed beyond the triangle, the substance being operationalized in this research via the *Overcoming Self* (Shmelev, 2011) the main characteristics of which are autonomy and a responsible and

¹ Hereafter counseling.

realistic approach to life. This will allow both beginning and practicing counselors to understand how the above mentioned trio of roles unfolds, to define its focal elements in order to be able to choose the most appropriate techniques for working with each specific case, and to build a possible algorithm for working with the client beyond the script of dependence by actualizing the Adult Ego-state. The abundance of literature on counseling and psychotherapy provides many descriptions of the role music of this trio with its flow onto the tragic requiem of consequences. What notes create this drama and how to pick up each role's music is the subject of this paper.

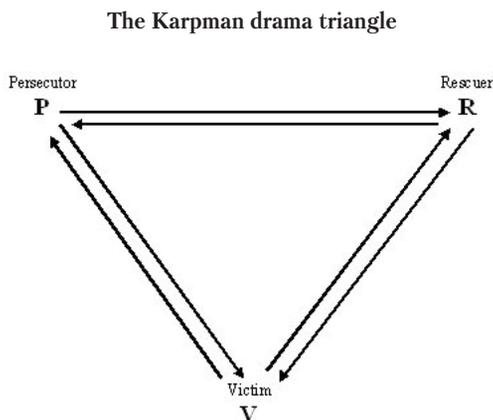
The main objectives of this research include: 1) for each role to distinguish the key indicator that would allow diagnosis of the role; 2) to analyze and describe the possible ways of stepping out of the Karpman drama triangle; 3) as an alternative to the drama triangle to substantiate the possibilities of strengthening the *Overcoming Self* in the Adult Ego-state. As basis for building the models I use E. Berne's theory

of transactional analysis and V. Petrovskiy's multisubject approach.

The drama triangle particularly acutely reveals itself in working with dependent (Moskalenko, 2014) and codependent (Emelyanova, 2004) people, and more broadly with any who externalize and transfers the causes of anything happening in their life onto external events, factors, people and circumstances; any who are accustomed to looking for justification for actions and consequences beyond their area of responsibility. As in any psychological script, here too one role switches to another, sets change, while at the heart remains an impressive tripartite Gordian knot of characters, dramatic for all involved.

The triangle is not a static but a variable formation of the communication process. It is like a molecule, atoms of which form specific connections thus allowing one not only to internally play those roles, but involve others within the triangle, cementing those relationships not just in the internal psychological space, but also externally in building relationships. Let us depict this diagrammatically (Figure 1).

Figure 1

In developing his model S. Karpman rested upon E. Berne's theory and devised the unfolding of a game, the whole drama of possible intertwining and consequences of script patterns both in the client's life and in communication with the counselor. In constructing the model the author does not focus on detailed and in-depth analysis of each role, their internal causes and distinguishing vocal manifestations. In my research, to expand and supplement the author's conception, I identify indicators, which allow to examine specific characteristics of each position: the state and feelings one experiences, actions one takes while experiencing those

states and feelings, secondary gains one gets while playing a particular role, payoffs one has to pay for playing that role (consequences) and specific marker works. These indicators were identified based on the ego-states that Berne determined (Child, Adult, and Parent) (Berne, 2010). Each of those ego-states has its emotional, behavioral, mental and verbal manifestations (Stewart & Jones, 1987). The Adult Ego-state, as singled out by E. Berne, allows seeing the destructive script- and game-free personality in its autonomy, integrity and maturity.

Let us have a closer look at each of the Karpman drama triangle roles (Table 1).

Table 1

Victim

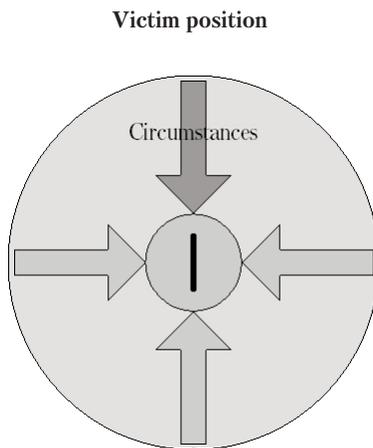
Feelings and states	Actions	Gains	Payoffs (consequences)	Words-markers
Pain Self pity Anxiety Hopelessness Fear Grief Sadness Guilt Anger Rage Aggression Envy Offence Irritation Disappointment Panic Apathy Rightfulness	Manipulation Acts of rightfulness Pitying Captation Attitudinizing Demonstration of weakness and self compassion	Attention from others Self justification Comfort Opportunity to be right (rightfulness) Absence of risk and responsibility Opportunity to suffer for rightfulness Self pity Masochistic pleasure from suffering Maintaining a negative world view	Health Relationship Time Self respect and respect from others Success Financial well-being Self esteem	"Nothing depends on me" "Problems" "Circumstances beyond my control" "I had to do so" "They make use of me" "It happened by itself" "It's not my fault" "I must / have to" "But I'm right!" Questions: "Who's fault is it?" "Why me?" "Why did it happen to me?"

Victims like to prove themselves right². Their communication style has a pronounced leitmotif: nothing depends on them, they are living a hard life filled with absence of happiness, suffering and tragic circumstances. To them a circumstance or a situation can be both an external factor, such as people and events, or an internal one, like illness, bad inheritances (genes), consequences of upbringing, absence of education, etc. From others they expect compassion. To get that compassion they have intricate and shrewd stories filled with myriads of illustrations of their profound unhappiness and hard life. Their focus of attention is in the past. The future is often thought of as difficult

and hopeless. Any interventions and actions of the counselor aimed at raising the client's awareness of his responsibility will be perceived by the Victim with resistance. As a result, client's preferred defense mechanisms and coping strategies will come on stage. He will play his victimhood in all its tragedy and yearning for compassion and counselor's advice. Schematically the Victim position can be described as follows (Figure 2): **Circumstances** will determine and predetermine the person's actions and prevail over the client's weak and vulnerable Self.

Victim's speech is rich with describing personal experience in terms of "problems". The plotline of their talk is

Figure 2

² Rightfulness — an aim that ensures steady direction of actions and gets expressed in the tendency to complete an action in any circumstances, thus leading at times to rigid behavior. Rightfulness is expressed as a consecutive system of stereotypical operations with use of habitual means. It includes: 1) a cognitive component (evaluation of the situation from the point of “this is the only right way”), 2) affective component (the emotional image of what is right), 3) behavioral component (habitual actions towards the object that is being evaluated). As an illustration of rightfulness one can refer to I. Krylov's fable *The Swan, the Pike and the Crab*, in which each of the characters hauls the load in his own direction without agreement and consideration of the common goal, thus upholding his or her own rightfulness.

filled with images of tragedies. Their perception is clouded with emotional experiences of hopelessness, disappointment, offence, sadness, etc. Their entire life is one big stage for **Suffering** and **Surviving** under the pressure of intolerable circumstances. As soon as the exterior and conditions change, for example, the interlocutor demonstrates some kind of weakness, a switch in the position takes place: a different role comes on stage (for example, the role of the Rescuer). Let us have a closer look at this role (Table 2).

A Rescuer is another side of the triad, which makes semblance in relationships, both with the counselor and others, of willingness to help and support. This role is very typical of people, who would like to cover their inner side, the role of the victim, with the *willingness to rescue*. They are *experts* practically in every area: they know how to build the *right* relationship, how to cure and provide psychological support in the *right way*, how to *rescue* vic-

tims in the right way, and how to live in the right way. It is important for them to demonstrate their *professionalism and expertise* in dealing with difficult situations. They are assertive and don't seek invitations when offering their help. A Rescuer needs to be aware of significant events in lives of other people.

Psychologically Rescuers live other people's lives. Their need to help others is rooted in their deeply injured personal autonomy. They depend on their role of a Rescuer and feel they are needed, useful and important only when they offer advice and "care". Often their behavior is extremely obsessive. Inquired or not, they can show or explain how to behave in a "right" way in one or another situation. A specific characteristic of their manifestations is the defense mechanism of denigrating. When a Rescuer changes her counselor she will be telling the new one how wrongly the setting was organized and how the prior specialist was not following her

Table 2

Rescuer

Feelings and states	Actions	Gains	Payoffs (consequences)	Words-markers
Euphoria Self-significance and self-importance Power Excitement Omnipotence	Demonstration of compassion towards the victim Manipulation Obtrusiveness Advices Unsolicited help Doing the work on victim's part	Opportunity to be part of something "important" Self-expression Rightfulness Opportunity to escape own problem solving (there is a reason and a "good cause") Social acceptance High self-esteem.	Relationships Time Respect Success Financial well-being	"I know how to". "Let me give you an advice". "Do this way". "It didn't depend on you". Questions: "Who's fault is it?" "What to do?" "What is right?" / How to do right"

advice, thus switching from the role of a Rescuer to the role of a Victim or Persecutor. Let us look more closely at the role of the Persecutor (Table 3).

A Persecutor is full of resentment and “righteous” indignation. All his aspirations are aimed at punishing the victim. The Persecutor stands for truth and “justice”. Often such people are fanatical and prone to upholding ideas. The Persecutor lacks flexibility and the ability to view a situation from different perspectives. He is profoundly dependent on and attached to his limiting directives (e.g. “rightfulness”) and convictions. In a counseling session this role quite brightly manifests in the abundance of negative feelings and emotions towards people or situations.

All three roles base on a matryoshka principle: each role includes the other two. Just like clockwork under the influence of circumstances they wind each other up and alternate. E. Berne pointed out that there exist an *Executive* and a *Real Self*. V. Petrovskiy, in

his analysis of Karpman’s model, suggests that one triangle, played by the *Executive Self*, contains another triangle, which is played by the *Real Self* (Petrovskiy, 2006). Developing on that suggestion I hypothesize that the third role is implicitly present in the drama as well awaiting its part to come when the decorations change. While one of the roles enacts its character, the other two perform in the background creating the necessary space for the main role to actualize. Then the main role fades into the background and a new one comes on stage. Thus the counselor’s task is not only to diagnose the roles played, but also to track the conditions under which the switch from one position to the other occurs. It is important for the counselor to detect the trigger, the con (or cons) that launches the game.

What are the possibilities for the counselor not to step into a game and not to play the drama triangle together with the client? The answer lies in the

Table 3

Persecutor

Feelings and states	Actions	Gains	Payoffs (consequences)	Words-markers
Anger Irritation Rage Aggression Resentment Self-significance	Conflicts Aggressive actions Violence Harassment Persecution Criticism Accusation Cruelty Pressure Forcing	Power Omnipotence Upholding “justice” Rightfulness	Health Relationship Time Respect Success Financial well-being	“It’s your fault” “I’m right!” “I must uphold justice” “I will prove” “It is important to revenge” “It’s unfair” “I must / am obliged to punish (revenge)” Questions: to “How to prove him/her/them?”

essence of the triad, in which neither of the players takes responsibility and manipulatively abdicates it to others. It is responsibility that becomes in a way an indicator, which allows evaluating whether the person is inside or outside the script (Lister-Ford, 2002), how adequately she perceives reality and whether she uses manipulation to defend her point. Hence, the following common basis for all three roles can be distinguished: escaping responsibility, absence of contact with reality, manipulation, upholding one's rightfulness.

Once outside the drama triangle the counselor's objective is to strengthen and reinforce client's Adult Ego-state, which is identified and operationalized in this research via the *Overcoming Self*. The *Overcoming Self* is characterized by responsible and realistic approach to life and the ability to build profound dialogic relationships. The

reinforcement of the client's *Overcoming Self* can become a good basis and a possible indicator of an effective counseling process. Table 4 provides a more detailed view of the *Overcoming Self*.

One of the most important tasks of the counselor becomes the strengthening and reinforcement of the Self of the client via the client's undertaking of responsibility for his own self, his life and the situation in the first place, and then for the lives of others (family, business, people surrounding him). A psychotherapist or a coach needs to keep in mind that when the client becomes aware of her capabilities and inner strength of the Self, which stems out of personal authorship in the theater of life, it "brings the person back home to herself". As a result, the client takes control of her behavior and gets the opportunity to become the author

Table 4

Responsible and Overcoming Self

Feelings and states	Actions	Gains	Payoffs (consequences)	Words-markers
Joy Autonomy Ease Satisfaction Calmness Energy Pride Power Self-esteem Elation Optimism	Immediacy Support to others Planning and goal setting Looking into the future Accuracy of actions Prioritization Concentration Determination Flexibility Creative approach to decision making Timely execution of actions	Respect Relationship Time Money Trust Results New opportunities Influence Health Achieving own goals	Risk Misunderstanding Envy of others Condemns and reproaches Justifications Judgments by others	"Opportunities" "I can" "I am capable of" "Choice" "Responsibilities" "I will do" Questions: "What for?" "How?" "Why?"

and painter of her own life events and to organize life based on her own choices and decisions. A new context for many plots draws up, the personal potential for creation and co-creation gets unlocked, activity unfolds, thus allowing to direct that activity into fruitful practices and onto the achievement of set goals with use of all available resources, both external and those present in the client's psychological armory. The Self here appears not as a weak and suffering formation, but as a responsible and the *Overcoming Self*, which is capable of consciously unfolding its activity, making thought-out decisions and taking responsibility for own choices and acts.

With respect to events the *Overcoming Self* demands use of own efforts and in consort with them fulfills its capacities in overcoming difficult life situations. Meanwhile, it is important to mention that the client might feel fear, apprehension and anxiety with respect to his decisions and actions taken in the chain of events and there might be many negative shades in his inner dialog. He can under- or overestimate his abilities. However, "connectivity" with own decision, responsibility and focus on what is important for the person to create and achieve, becomes a keystone and a support in the subject's decision to surmount all internal and external attacks of emotional "flutter"³, take risks and achieve

what is truly important and a priority for him. Here the Self becomes a "capacity of its own self" (Starovoitenko, 2013), a source for choosing actions aimed at resolving difficulties. It is important to note that client's activity in such a plot can unfold both inside the logic of the problem situation and beyond that logic (in the metalogic, i.e. taking into consideration that the situation is part of a broader context, to solve the problem one needs to proceed to a metaposition and rise above the situation), and its vector is directed at solutions, which are dictated by the goals of the subject. Schematically described, the process would pass the following stages:

1. Taking the situation as it is.
 2. Selecting a goal (visualizing the "image of what is possible as a prototype of the real" (Petrovskiy, 2010)), out of all possibilities (internal and external) choosing new ways of acting in the situation, making decisions and taking responsibility to fulfill those actions.
 3. Proceeding to taking the devoted actions and risk (for further details see V. Petrovskiy's *A Model for Ascending Risk* (Petrovskiy, 2010)). It is important to note here that the goal lies beyond the problem situation. Achieving it requires the person to get out of the comfort zone of her Self and step into the risk zone (emotional "flutter").
- A case in family counseling can illustrate the process. For example, a

³ Flutter is a strong oscillation of the aircraft as it reaches certain critical speed at which the center of flexure and the center of pressure do not concur. For a long time the supersonic barrier could not be broken due to flutter. Nevertheless, it was successfully broken in 1947 by Chuck Yeager, a courageous pilot who increased the speed of the aircraft at a speed at which his predecessors would drop it. As he passed through flutter and broke the supersonic he found himself in silence and enjoyed his victory and the pleasure of flying.

woman is telling about her conflict with her husband. If the counselor makes long inquiries into the essence of the conflict, with detailed analysis of all the nuances of feelings and experiences with that regard, it can lead to further frustration and escalate the conflict. Certainly, the woman will share her sufferings and play the drama triangle by all means. As a possible response the counselor can ask what is important for the client to create with her husband, and what new relationship she would like to build. In that case the focus shifts from the problem situation to possible solutions, which lie beyond that situation. As the woman speaks of how she sees new relations, there emerges space to step outside the borders of the problem and move towards the desired outcome. The situation itself becomes a challenge for the client, to meet which she needs to go through an emotional “flutter” beyond which opportunities for reaching her goal open up. To expand this idea further reference to V. Petrovskiy’s, *The Principle of Supra Situational Activity* needs to be made. “According to this principle, as the subject takes action towards realizing the initial relationships of his activities, he steps outside the borders of those relationships and eventually transforms them. Taking action above the threshold of situational necessity presents the initial characteristic of activity as a moment of progressive movement.” (Petrovskiy, 2010). “The person steps beyond the requirements of the situation, demonstrating supra situational activity. In other words, he acts *above the threshold of situational activity.*” (Petrovskiy, 2010). In this case the subject gets the opportunity to expand and reinforce her Self

by incorporating the emerged potential of achievements into the structure of her experience and injecting the newly opened possibilities and resources into the tissue of her own Self. The person discovers a new world of possibilities via her own activities and actions (Petrovskiy, 2010).

It is important to underline, that the subject’s aspiration for risk in supra situational activity is “unselfish” and “valuable by itself”, that is risk attracts the person without assuming any particular final goal. In the counseling process it creates a powerful resource, which allows launching the subject’s activity aimed at changing the situation. A psychotherapist or a coach can ask the following questions: “In that situation what is challenging or of risk to you?”, “What will happen if you take the risk in that situation?”, “What could be the value of risk in that situation?”, “What opportunities does risk create for you?”. The principle of supra situational activity allows the client to accept the possibility of an indeterminate outcome (Petrovskiy, 2010).

Human tendency to take risk and establishing conscious goals in the process of the setting create a new context that makes the client’s life more dynamic. He discovers the possibility of living and experiencing change, thus he takes control of himself.

In other words, the difficult life situation itself and the possibility to go beyond it with help of supra situational activity become the resource to unfold the *Overcoming Self*. Setting a conscious goal with counselor’s support directs development.

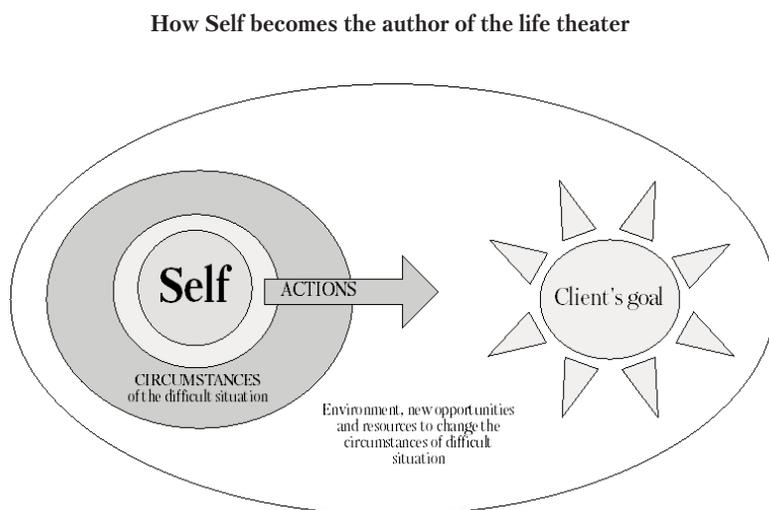
In terms of surmounting difficult life situations, the *Overcoming Self* presents a particular form of coping:

proactive coping. The essence of proactive coping is that it develops before one gets into a difficult situation. Basic coping, which is a *reactive coping*, is used to restore balance during or after something has already happened. *Proactive coping* gets actualized when the difficult situation becomes only one of the preparatory phases to achieve future goals (Aspinwall, Taylor, 1997). According to empirical data, proactive coping is tightly connected with the same personality characteristics as those present in one's notion of the future: advanced self-control and high self-esteem. One of the main sources of proactive coping is the person's emotional and axiological approach to difficulties in life, characterized by a directive that difficulties are challenges, and one becomes stronger by overcoming them. Such people generally take all events and situations optimistically (Belinskaya, 2009).

Figure 3 schematically shows the concept in which Self becomes the author of the life theater.

When the therapist or coach shifts the focus of attention to what could lie in client's area of responsibility, she creates room for the Adult Ego-state to take charge (because the Child is not yet able to take responsibility: in Child Ego-state actions are dictated by parents. The Child then interiorizes and folds the external parent into an inner plan. The Adult is capable of being responsible for himself, while the Parent can take responsibility for others as well.) The Adult concentrates on searching for new opportunities and gaining personal strengths and resources, which gets actualized in achieving goals. The Adult focuses not on emotions and his righteousness, but on the perception of the current situation, on sourcing objective information and on his own goals. The Adult is organised and knowledgeable, he acts as he examines the reality, evaluates his capabilities and analyzes the possible outcomes of his decisions and actions. Here the degree and level of individual involvement, and the client's evaluation

Figure 3

of inner and outer potential, become the other way round. This scheme works also the other way around: if the person has no picture of his final goal and his actions are probationary or abrupt, he wastes energy and exhausts his inner resources. To avoid it, transactional analysis and coaching have developed the contractual method, which allows the counselor to identify and apprehend inquiries. A lot of attention is driven towards setting clearly-stated goals, wishes and expectations with the client, because at this stage both parties have the opportunity to understand the vector and direction of the counseling process (Stuart & Jones, 1987).

Of course, degrees of manifestation of the drama triangle differ and individual characteristics of each client will find their way in the script pattern. Thus apprehension of own responsibility and the degree to which each client takes it will be expressed differently. It is important for the counselor to be sensible and ecological towards the client: she needs to understand how much the client is ready to benefit from the counseling process.

The table below summarizes and shows the features of each of the above mentioned positions. It is important to highlight that my aim was not to describe each position's features in full detail. My goal was to pinpoint those characteristics, which would help to describe the traits inherent in a role. In counseling practice it allows the identification of the client's position based on the manifestations of those characteristics, and if needed, to place new emphasis (Table 5).

A question arises. How is it technically possible to create such conditions

so that the client's Adult Ego-state gets activated and takes responsibility, choosing the position of the *Overcoming Self*? Apparently a personality dependent on role-play will negatively react to any interventions of the counselor and will consciously or subconsciously display a broad variety of his manipulative skills. To create the above mentioned conditions there are number of modes of communication, part of which are presented below.

1. It is important to stimulate the client to think by himself about the possibilities he has (although he might not picture those possibilities yet), by asking questions like "What possibilities do (did) you have to come out of that situation? You have most probably thought of some of them, and even maybe have already done something?"

2. To ask a refining question to one of the client's keywords. For example, the client says, "Only you can help me with this problem. If you don't help me, I'm dead!" The counselor can ask a question and specify how exactly she can help him.

3. Transferring responsibility: "In this situation what are you ready to take responsibility for?", "In this situation, what is under your responsibility?"

4. A coaching method, in which the question addresses the future of the client: the expected results and goals of the counseling process or what is important for the client to create in communication with others or in relation to something (for example, in relation to his illnesses): "What would you like to get as an outcome?", "What result is important for you to achieve?", "What is your goal?"

5. Focusing on the difficulty: "What could be of value in that you take the

Table 5

The features of different positions

Responsible position of Overcoming Self	Position of the Karpman drama triangle script pattern
There are always possibilities.	There are no possibilities.
The person is guided by actions that are based on goals, fulfilling own decisions and promises.	The person is guided by judgments, opinions, feelings, appraisals (like-don't like), hopes and wishes.
The Self expresses and manifests itself in results and products of activity: I find solutions.	The Self expresses and manifests itself in justifications, storytelling (why something can't or didn't happen): I find justifications and problems.
What decisions do I make with regard to my life? What are my goals? What can I do? Why? What for?	What is wrong with me? What is wrong with others? Who's fault is it? Who will "save" me?
I am my word (I think = I say = I do).	I am my feelings, and my inactivity depends on my negative feelings.
Choices and decisions.	Inevitability and compromise.
I know for what purpose and goal I am doing it.	I am a victim of circumstances; other people make use of me.
My efficiency and productivity are an intendedly created outcome.	Circumstances worked out in favor or against.
Responsibility rests with me.	Responsibility rests with others.
It is important to support other people.	People are means to achieving my goals.
Investment into others, heritage, society.	Consumption at the expense of society and others.
Flexibility in ways to achieve results.	Rigidity in ways to achieve results.
Involvement in communication.	Manipulations in communication.

risk and take responsibility for this situation?"

6. Express the need for clarification: "I do not understand what you mean." This method allows the client to search for new ways to formulate what he wants to say, based on which the counselor can bring the client out of the triangle by transferring responsibility to her.

7. Awareness: "What are you doing right now?", "What is happening between us in our communication right

now?" The counselor investigates from a metaposition how the client plays the drama triangle here and now and relates it to the client's life, examining similar manifestations in different situational contexts. The counselor and the client consider the consequences such behavior can lead to and discuss what the client is ready to take responsibility for.

8. Breaking stereotypes: "That is not what you wanted to say."

9. Commenting: “That is an interesting point of view.”, “Interesting point of view.”

10. Reframing: “The question is not that..., but that...”

11. Appealing to the value of what the client said: “It seems it was important for you to tell me that.”

12. A Gestalt therapy method: “Stay with what you said.”, “How does what you say now relate to your life?”, “How one can relate what you say to areas of your life? How does it manifest within the family, at work and among-friends...?”

13. Encodement⁴ as one of the best antithesis to games: “Please rephrase. It is important for me...”, “At times the hunter and the prey switch...”, “How about bringing it to the open?”, “Who am I to you in that situation?” (Petrovskiy, 2011).

This list is not exhaustive. However it can become a good foundation for a practicing counselor. The important thing here is not so much the technical arsenal as the ability to get to the essence of a client’s problems, intentions and goals. The Gordian knots of the drama triangle can be broken by creating an environment, in which the client can reveal the inanity of script patterns, and then acquire her Self as a “cause in itself” (Petrovskiy, 2013), proceed from dependency to evolution, existence and reliance on herself as an integral subject.

For the client it is important to see, that thanks to his own subject activity he gets the opportunity not to depend

on others but to build relationships which allow him to *find himself in his own reflections* (Petrovskiy, 2010). The counseling environment needs to become a place for the client to treasure his “autonomous causality”, i.e. Self as a “cause of itself”, where the “Self of the individual is regarded as a subjective form of the equality of the reflexive and the reflected (Petrovskiy, 2010). It is a context, in which the person opens up new opportunities “to preserve himself, which develop through responsibility towards others, fulfilling obligations, promises and duties, words, apprehension of effectiveness and productivity of life, presence as a sustainable “significance” in other people, stories about own self and images-self portraits, symbolic comprehension and picturing of own self” (Starovoytenko, 2013). It is a place, in which client’s uniqueness can evolve. Uniqueness, which offers fertile grounds to germinate his personality growth, self-efficiency, authenticity and autonomy, free in its creative manifestations and self-awareness, which is expressed in spontaneity, autonomy, integrity, genuineness (when one thinks, tells and does the same thing) and sincerity in relationship to one’s self and with others, and the adoption of a responsible attitude to life and an approach to dialogue with the Other, with communications which develop, and this reinforces and expands the depth and breadth of the Self.

In summary, unfolding the dynamics of working with the Karpman drama triangle, the article reviewed the roles

⁴ Encodements (Engl. *encode* – convert into a coded form) are “Ambiguous phrases, words and expressions, which can be used as an answer practically to any remarks made by the interlocutor. Encodements allow to turn a conversation into a fascinating game.” (Petrovskiy, 2011).

played in it and demonstrated that each role has its peculiarities and together they form the specific melody of a dependent trio. The connecting thread for those relationships is the deep trauma of personality autonomy and inability of the subject to “summon himself around himself”. The main objective for the counselor to assist for the client to become clear and aware of his intentions and goals, and to gain new resources in life via specific actions and achievement of results. It is especially important to draw the client’s attention towards the potential of opportunities, which lie outside the boundaries of the difficult life situation. The client’s task is to unfold the space of his Self towards building autonomous and Overcoming Self relationships, which would allow him to gain personal autonomy through taking responsibility for his own destiny, to make decisions to fulfill obligations and to accept the fact that he is the author

of the story of his life. The goals and steps to achieve them will be specific to each client. It is important for the client to see and apprehend his own “flutters” and to create the new boundaries of his Self. It will allow strengthening the Adult Ego-state, to increase its potential and to develop and reinforce the *Overcoming Self*.

When the focus of attention in the counseling process is not on the problems and difficulties experienced by the client, but on the supra situational activity of the subject as a “carrier of possibilities that are outwardly justifiable”, then the client opens up a new space in which he gets self-reliability that is actualized via his own internal resources — responsible choices and decisions. “The subject of self-reliability feels the possibility itself to objectify his capabilities” (Petrovskiy, 2013) by writing his own autonomous life script. With support from the counselor the client becomes the director of his own performance entitled, *My Life*.

References

- Aspinwall, L. G., & Taylor, S. E. (1997). A stitch in time: self-regulation and proactive coping. *Psychological Bulletin*, 121, 417–436.
- Belinskaya, E. P., & Tikhomandritskaya, O. A. (2009). *Sotsial'naya psikhologiya lichnosti* [Social psychology of personality]. Moscow: Academia.
- Berne, E. (2010). *Games People Play: The psychology of human relationships*. Harmondsworth: Penguin.
- Berne, E. (2006). *Transactional Analysis in Psychotherapy*. New York, NY: Grove Press, Inc.
- Emelianova, E. V. (2004). *Krizis v sozavisimyykh otnosheniyakh. Printsipy i algoritmy konsul'tirovaniya* [Crisis in codependent relationships. Principles and algorithms of consulting]. Saint Petersburg: Rech'.
- Moskalenko, V. D. (2014). *Zavisimost': semeinaya bolezni'* [Dependency, A Family Illness] (7th ed.). Moscow: Institut Konsul'tirovaniya i Sistemnykh Reshenii.
- Karpman, S. (1968). Fairy tales and script drama analysis. *Transactional Analysis Bulletin*, 7(26), 39–43.
- Lister-Ford, Ch. (2002). *Skills in Transactional Analysis Counseling & Psychotherapy*. London, UK; Thousand Oaks, CA; New Delhi, India: SAGE Publications.

- Petrovsky, V. A. (2013). "Ya" v personologicheskoi perspective ["Self" in personological perspective]. Moscow: The Publishing House of the Higher School of Economics.
- Petrovsky, V. A. (2006). Metaslovar' transaktnogo analiza [Metadictionary of transactional analysis]. In Berne, E., *Transaktnyi analiz v psikhoterapii: Sistemnaya individual'naya i sotsial'naya psikhia-triya* [Transactional analysis in psychotherapy: Systemic individual and social psychiatry] (pp. 7–11). Moscow: Akademicheskii Proekt.
- Petrovsky, V. A. (2010). *Chelovek nad situatsiei* [Man above the situation]. Moscow: Smysl.
- Petrovsky, V. A., Khodorych, A. (2011). *ENKODY: kak dogovorit'sya s kem ugodno o chem ugodno* [ENCODES: How to get along with everybody about everything]. Moscow: Eksmo.
- Shmelev, I. M. (2011). Strategii i resursy sovladayushchego povedeniya veruyushchikh molodykh lyudei [Strategies and resources of coping behavior of the young believers]. *Herald of the University of the Russian Academy of Education*, 3(56), 63–65.
- Soloveichik, M. Ya. (2006). Spasatel'stvo [Saving]. In A. A. Badkhen, A. M. Rodina (Eds.), *Masterstvo psikhologicheskogo konsul'tirovaniya* [Mastery of psychological consulting] (pp. 88–97). Saint Petersburg: Rech'
- Starovoitenko, E. B. (2013). Vozmozhnosti Ya v dialoge s Drugim [Possibilities of the Self in the dialog with the Other]. *Mir psikhologii. Nauchno-metodicheskii Zhurnal*, 76(4), 189–203.
- Stewart, I., & Jones, V. (1987). *TA today: A new introduction to transactional analysis*. Nottingham, UK: Lifespace Publishing.

За пределами «драматического треугольника»: Овладевающее Я

Шмелев Илья Михайлович

Преподаватель кафедры психологии личности департамента психологии НИУ ВШЭ, магистр психологии. Соучредитель и ведущий бизнес-тренер ООО «Коучинг Центр», ведущий бизнес-тренер «Академии бизнеса и консалтинга». Certified Professional Master and Trainer of Coaching. Член Санкт-Петербургской организации транзактного анализа (COTA), European Association for Transactional Analysis (EATA), International Coach and Trainer Association (ICTA) и International Coaches Union (ICU).

Сфера научных интересов: психология личности, персонология, психотерапия, психология религии, коучинг, социально-психологические тренинги.

Контакты: shmelevilya@gmail.com

Резюме

В статье предлагается развернутое описание модели анализа и диагностики ролей «драматического треугольника» С. Карпмана с помощью анализа состояний, действий, вторичных выгод, цены, которую приходится «платить», и слов-маркеров; рассматриваются и описываются конкретные инструменты выхода за пределы сценария и возможности их применения в консультативной практике; обосновывается потенциал овладевающего Я как особого образования в эго-состоянии Взрослого, которое ведет к автономному, реалистичному и ответственному отношению к жизни и преодолению трудных жизненных ситуаций. В работе показывается, что все три роли присутствуют в процессе общения одновременно: пока на сцене одна фигура, две оставшиеся выступают фоном, после чего она уступает

место другой. За основание построения моделей вплетения в зависимые формы отношений и выхода из них автором взяты теория транзактного анализа Э. Берна и мультисубъектный подход В.А. Петровского, позволяющие показать, что одной из важнейших задач консультанта становится укрепление и усиление Я клиента за счет взятия им ответственности сначала за себя, свою жизнь и трудную жизненную ситуацию, затем за жизни других (в семье, в бизнесе и за свое окружение). В работе показывается, что разбить гордиев узел «драматического треугольника» возможно тогда, когда консультантом создана среда, позволяющая открыть клиенту всю бессмысленность сценарного паттерна и посредством усиления своего овладевающего Я перейти от зависимости к становлению, существованию и полаганию себя как целостного субъекта. Выбирая ответственную позицию, консультируемый овладевает своим поведением, получает возможность отнестись к событиям своей жизни как автор.

Ключевые слова: «драматический треугольник», овладевающее Я, консультация, ответственность, копинг, трудная жизненная ситуация, совладание, совладающее поведение, эмоциональный «флаттер».

Короткие сообщения

СООТНОШЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ, ПОНИМАНИЯ ЭМОЦИЙ И ТЕЛЕСНЫХ ОЩУЩЕНИЙ В РЕАКЦИИ НА ВЕСЕЛЫЙ МУЛЬТФИЛЬМ

Ю.Е. КРАВЧЕНКО, О.В. БАЛУЕВА

Резюме

Начиная с теории У. Джеймса, ощущение телесных изменений считается источником и основным содержанием субъективного переживания. Этому известно немало житейских и научных подтверждений. Однако выявление конкретного набора ощущений телесных изменений, характеризующих даже наиболее фундаментальные эмоции, сталкивается с трудностями. В ряде эмпирических исследований, изложенных в статье, ставится под сомнение сама связь между субъективным переживанием и телесными изменениями, служащими источником ощущений. Отдельный вопрос, какова роль способности распознавать собственные ощущения при возникновении эмоциональной реакции, поскольку многие исследователи (данные из их работ тоже приведены в статье) указывают, что между этой способностью и эмоциональностью существует прямая связь. В предлагаемом здесь исследовании испытуемых просили оценить интенсивность веселья, количество и интенсивность телесных ощущений после просмотра двух забавных мультфильмов, при просмотре одного из которых они могли выражать эмоции свободно, а во время просмотра другого их просили скрывать улыбку. Порядок мультфильмов, порядок инструкций и сочетание мультфильма и инструкции уравниены. Для оценки телесных ощущений испытуемым предлагался открытый перечень ощущений. Также измерялись эмоциональный интеллект и уровень алекситимии. Выяснилось, что корреляции между субъективным переживанием, количеством и интенсивностью телесных ощущений исчезают, когда испытуемые подавляют выражение эмоций. Сравнение средних при наличии и в отсутствие запрета на выражение веселья показывает, что оценки интенсивности субъективного переживания не меняются под действием запрета, а оценки интенсивности телесных ощущений значительно растут. Поскольку запрет на выражение веселья привел не к пропорциональному изменению оценок веселья и интенсивности телесных ощущений, а лишь к исчезновению корреляции между этими переменными, можно сделать вывод, что ощущение телесных изменений — только коррелирует субъективного переживания, который не определяет его содержания.

Ключевые слова: веселье, радость, теории лицевой обратной связи, алекситимия, эмоциональный интеллект.

Телесные ощущения являются важным компонентом эмоциональной реакции. Большинство самых распространенных эмоций сопровождаются более или менее отчетливыми ощущениями в различных частях тела. Однако выявление устойчивых связей между модальностью эмоции (радость, грусть, страх, отвращение и т.д.) и сопутствующим ей набором ощущений представляет собой проблему, так как одни и те же ощущения зачастую сопровождают весьма разные, часто несовместимые эмоции. Например, ощущения, сопровождающие слезы, возникают и при печали, и при сильной радости, и при гнев. С другой стороны, одни и те же эмоции часто сопровождаются весьма различными ощущениями. Например, страх сопровождается ощущением прилива сил для борьбы или же от страха люди каменеют и чувствуют себя неспособными сопротивляться. Повидимому, связь между эмоциями и телесными ощущениями не настолько прямая, не существует набора ощущений, свойственных только конкретным эмоциям.

Длительное время исследователи эмоций придерживаются мнения, что понимание эмоций напрямую связано с телесными ощущениями, так как в этих ощущениях эмоция проявляет себя, поэтому чем больше наблюдатель фиксирует у себя или у другого человека признаков телесного возбуждения и поведенческих проявлений, характерных для определенной эмоции, тем лучше он идентифицирует эту эмоцию, лучше может ее охарактеризовать, т.е. лучше понимает, что переживает другой человек или он сам.

Исследования, проверяющие эти представления, имели целью сравнить описание переживаемых эмоций у людей, различающихся по способности к телесным ощущениям. Первая группа исследований — это исследования заболеваний, связанных с нарушением чувствительности вследствие нарушения обратной связи в спинном мозге после травм и в результате поперечного миелита. Телесная чувствительность нарушается в большей или меньшей степени при различной локализации поражений, что позволяет оценивать особенности переживания эмоций в зависимости от степени нарушения телесной чувствительности. Исследователи сравнивали самоотчеты об эмоциях таких пациентов в ответ на предъявление эмоциогенных изображений с обычными людьми и отчетами спортсменов, для которых телесная чувствительность является залогом профессионального успеха, при этом измеряя у испытуемых кожно-гальваническую реакцию (КГР) как индикатор возбуждения, вызванного стимулом (Mack et al., 2000). Кроме того, пациентов просили описывать одни и те же эмоции до (по воспоминаниям) и после получения травмы (Montoya, Schandry, 1994). Эти исследования показывают, что снижение телесной чувствительности ведет к обеднению эмоционального переживания и снижению его интенсивности.

Согласно теориям лицевой обратной связи (facial feedback hypothesis), субъективное переживание базируется на обратной связи от экспрессивных мышц, задействованных в эмоциональной реакции. Значит, увеличивая активность этих мышц,

можно усилить переживание эмоции. Многочисленные исследования этого направления показывают, что искусственное создание или усиление экспрессии, соответствующей некоторой эмоции (например, улыбки), приводит к усилению ее субъективного переживания (в случае улыбки — веселья или радости) по самоотчетам испытуемых.

Исследования другого направления фокусировались не на наличии или отсутствии телесных ощущений, а на способности испытуемых их осознавать. Ведь даже объективные телесные ощущения кто-то осознает чаще, а кто-то — реже. Исследователей интересовало, как связана способность осознавать телесные ощущения со способностью к пониманию своих эмоций. Выяснилось, что у людей, хорошо осознающих изменение сердечного ритма, он существенно повышался при предъявлении эмоциогенных слайдов по сравнению с нейтральными и высоко коррелировал с оценкой интенсивности вызываемых эмоций, но не коррелировал с оценкой слайдов по валентности эмоций (приятный/неприятный) (Pollatos et al., 2007).

Исследования нарушений понимания эмоций, в частности алекситимии, свидетельствуют о том, что низкая способность к осознанию своих телесных ощущений высоко коррелирует с выраженной алекситимией и поэтому может служить предиктором этого нарушения. В своем исследовании Беата Херберт (Herbert et al., 2011) просила испытуемых считать удары сердца за период времени, обозначенный звуковыми сигналами. Временные интервалы различались по продолжительности. Одно-

временно сердцебиение испытуемых регистрировалось с помощью приборов. Выяснилось, что люди, которые были более точны в подсчетах, продемонстрировали меньше признаков алекситимии по Торонтской шкале.

Во всех перечисленных исследованиях обосновывается прямая связь присутствия телесных ощущений и способности человека их осознать с качеством субъективного переживания эмоций. Однако не все результаты исследований однозначно подкрепляют эту связь. Критические исследования показали, что не у всех людей, потерявших телесную чувствительность в результате болезни, изменилось переживание эмоций. У тех, чей образ жизни не претерпел кардинальных изменений, переживание эмоций осталось таким же, как до болезни (Chwalisz et al., 1988; Vermond et al., 1991). В других исследованиях вегетативные показатели (КГР и сердцебиение) таких пациентов в ответ на эмоционально значимые изображения системы IAPS не выявили их отличий от здоровых испытуемых (Cobos et al., 2002).

Люди с выраженной алекситимией демонстрируют высокую осознанность телесных ощущений, когда алекситимия сопровождается психосоматическими и соматоформными расстройствами, а также расстройствами пищевого поведения (булимия и анорексия) (Montebarocci et al., 2006; Zackheim, 2007). В этих случаях ощущения, сопутствующие эмоциям, присутствуют, осознаются, но как продукт телесных состояний (нездоровье, голод).

Наконец, в наших предыдущих исследованиях (Кравченко, 2013) выяснилось, что подавление спонтанной

экспрессии эмоций также ведет к усилению субъективного переживания, вопреки положениям теорий лицевой обратной связи.

В предлагаемом далее исследовании проверялась гипотеза о связи между интенсивностью субъективного переживания эмоций, выявляемого в самоотчете, с диапазоном и интенсивностью телесных ощущений, также фиксируемых с помощью самоотчета, в двух условиях: при свободном выражении и при подавлении проявлений эмоций. Для оценки понимания испытуемыми их эмоций измерялись выраженность алекситимии, а также эмоциональный интеллект. Предполагалось, что при свободном выражении эмоций выявятся прямые связи количества и интенсивности телесных ощущений с интенсивностью субъективного переживания эмоции и эмоциональным интеллектом, а также обратные корреляции этих показателей с алекситимией. При подавлении эмоциональной экспрессии эти связи снизятся или пропадут.

Методики и процедура

Исследование проводилось по плану однофакторного внутрисубъектного эксперимента. Испытуемые просматривали два короткометражных мультфильма студии Пиксар: «Новая машина Майка» (Mike's New Car, 2002) и «Потерянный орех» (Gone Nutty (Scrat's Missing Adventure), 2002) средней продолжительностью 3.5 мин. Эти мультфильмы использовались в предыдущих исследованиях (Кравченко, 2013) и оценивались как смешные и оказывающие сходное воздействие по ряду эмоциональных шкал.

При предъявлении одного из мультфильмов испытуемые могли свободно проявлять любые эмоции, которые у них возникали. При предъявлении другого мультфильма их просили подавлять проявления эмоций. Последовательность мультфильмов, инструкций и сочетание мультфильма с инструкцией были уравнены.

Таким образом, независимая переменная имела два уровня: свободное проявление или подавление проявлений эмоций. Зависимыми переменными были самоотчеты об эмоциональном переживании и о телесных ощущениях после просмотра мультфильма. Эмоциональное впечатление оценивалось по 10-балльной шкале, где 1 — несколько не смешной, 10 — самый смешной из тех, что я видел в жизни. После этого следовал список из 27 телесных ощущений. Испытуемым предлагалось оценить выраженность каждого из ощущений в процессе просмотра мультфильма по шкале от 0 — ощущение отсутствовало до 10 — отчетливое ощущение. Список испытуемые могли пополнять.

После просмотра двух мультфильмов испытуемые заполняли Торонтскую алекситимическую шкалу (Алекситимия и методы..., 2005) и опросник ЭМИн Д.В. Люсина (2006) на эмоциональный интеллект.

В исследовании контролировались пол, возраст, род занятий испытуемых, а также то, знакомы ли им мультфильмы.

Испытуемые. 17 мужчин и 48 женщин в возрасте от 17 до 36 лет, средний возраст — 24.4. Основную часть выборки составили актеры кино и работники киногруппы (гримеры,

режиссеры, сценаристы), 19 человек — бакалавры Института психологии РГГУ.

Результаты

Обработка результатов включала оценку значимости различий между условиями свободного просмотра мультфильмов и просмотра с подавлением эмоциональной экспрессии и подсчет корреляций между количеством и интенсивностью телесных ощущений и показателями алекситимии и эмоционального интеллекта. Количество телесных ощущений подсчитывалось как количество разных шкал из 27, по которым испытуемые после просмотра мультфильма поставили оценки выше нуля. Интенсивность ощущений — сумма оценок по всем шкалам телесных ощущений в результате просмотра каждого мультфильма.

Средние значения в выборке по опросникам на алекситимию и эмоциональный интеллект соответствуют среднестатистическим значениям, установленным для этих методик, только понимание эмоций других людей чуть выше ($M = 28.4$), а своих собственных — ниже ($M = 16.7$) этих значений.

Оба мультфильма вызвали у испытуемых одинаково умеренное переживание веселья — в среднем 5.4 балла при свободном просмотре, 5.5 — при подавлении экспрессии из десяти.

Сравнение двух условий просмотра по критерию Стьюдента для связанных выборок (распределение не отличается от нормального) не выявило значимых различий по количеству телесных ощущений и

интенсивности впечатления веселья между просмотрами со свободной и подавляемой экспрессией. Но выяснилось, что при подавлении экспрессии интенсивность телесных ощущений в среднем оценивается выше ($M = 52.07$), чем при свободном выражении эмоций ($M = 48.27$; $t = -2.36$; $p = 0.021$; $n = 61$).

Интенсивность веселья, вызываемого мультфильмом, высоко коррелирует с количеством ($r = 0.46$; $p < 0.001$) и интенсивностью ($r = 0.37$; $p = 0.003$) телесных ощущений при свободном просмотре. При просмотре с запретом экспрессии у тех же самых испытуемых интенсивность веселья перестает коррелировать с количеством и интенсивностью ощущений ($r = 0.094$ и $r = 0.092$, $p = 0.5$).

Точно так же при свободном просмотре интенсивность веселья высоко коррелирует с пониманием чужих эмоций ($r = -0.48$; $p = 0.004$) и межличностным эмоциональным интеллектом ($r = -0.43$; $p = 0.012$). Обратная связь объясняется тем, что подавляющая часть экспрессии персонажей связана с их комически изображенными страданиями. Чем лучше человек понимает такую экспрессию, тем меньше его веселье. Оценки мультфильма, просмотренного с запретом на выражение эмоций, перестают коррелировать с этими шкалами.

Корреляции оценок эмоционального интеллекта, алекситимии, количества и интенсивности ощущений после просмотра мультфильмов с подавлением или свободной экспрессией представлены в таблице 1.

Из таблицы видно, что количество разных ощущений устойчиво коррелирует с эмоциональным

Таблица 1

Связь оценок эмоционального интеллекта и количества/интенсивности ощущений, веселости мультфильма, алекситимии (TAS)

		МУ	ВП	ВУ	МЭИ	ВЭИ	ПЭ	УЭ	TAS
Количество ощущений <i>Свободная экспрессия</i>	<i>r</i>		0.37	0.41		0.41			-0.44
	<i>p</i>		0.03	0.01		0.01			0.02
Количество ощущений <i>Подавленная экспрессия</i>	<i>r</i>		0.41			0.35			-0.43
	<i>p</i>		0.01			0.04			0.03
Интенсивность ощущений <i>Подавленная экспрессия</i>	<i>r</i>		0.320				0.36		
	<i>p</i>		0.057*				0.03		
TAS	<i>r</i>	-0.59	-0.54	-0.56	-0.48	-0.51	-0.48	-0.51	--
	<i>p</i>	0.001	0.004	0.002	0.01	0.01	0.01	0.01	--

Примечание. МУ, ВУ — способности к управлению чужими и своими эмоциями соответственно, ВП — способность к пониманию своих эмоций. ПЭ, УЭ — способности к пониманию и управлению эмоциями. МЭИ, ВЭИ — общая оценка межличностного и внутриличностного эмоционального интеллекта. Показаны только значимые корреляции. * — тенденция.

интеллектом и алекситимией. Прирост количества разных телесных ощущений сопровождается ростом способности к пониманию и контролю своих эмоций и снижением алекситимии, как и в результатах Б. Херберт. Корреляции с интенсивностью ощущений возникают только при подавлении экспрессии, хотя количество ощущений и их интенсивность связаны по процедуре измерения. Торонтская алекситимическая шкала обратно коррелирует с эмоциональным интеллектом в соответствии с данными других исследователей (Herbert et al., 2011).

Обсуждение результатов

Результаты исследования свидетельствуют о том, что ощущение телесных изменений играет важную роль при субъективном пережива-

нии эмоций, однако это переживание не зависит от телесных ощущений.

В пользу важности телесных ощущений свидетельствуют прямые значимые связи самоотчетов об интенсивности переживания веселья с количеством и интенсивностью телесных ощущений и связи оценок телесных ощущений с внутриличностным эмоциональным интеллектом и алекситимией (обратные) при свободном просмотре мультфильмов. Эти связи отражают факт согласованного прироста/снижения интенсивности субъективного переживания и способности к пониманию своих эмоций с изменением количества замеченных испытуемыми телесных ощущений и соответствуют обсуждавшимся данным литературы.

Интересно, что связей гораздо больше не с интенсивностью телесных

ощущений, которая выступала основным показателем в других исследованиях, а с их разнообразием. Этот параметр менее подвержен сознательным искажениям, характерным для самоотчета, так как внимание испытуемых направлено на оценку выраженности телесных ощущений из предложенного списка, а количество разных ощущений, оценка по которым выше нуля, остается вне фокуса внимания.

На отсутствие прямой зависимости переживания от количества телесных ощущений указывают результаты, связанные с введением запрета на выражение эмоций. Запрет повлиял не на оценку субъективного переживания веселья, вызванного мультфильмом, а на отчеты о телесных ощущениях, в частности, на середине оценки их интенсивности. Также под влиянием этого запрета исчезла связь интенсивности переживания веселья с оценками телесных ощущений и способностью к управлению своими эмоциями. Следовательно, телесные ощущения при эмоции являются именно коррелятом субъективного переживания, но не его источником.

Рост оценок интенсивности телесных ощущений при запрете экспрессии свидетельствует против теорий лицевой обратной связи, так как количество объективных ощущений

у испытуемых должно не расти, а снизиться при отсутствии обратной связи от экспрессивных мышц. Примирительным объяснением может быть то, что люди ощущают подавляемую активность мышц, задействованных в экспрессии, и ориентируются на эти ощущения при оценке субъективного переживания.

Полученные результаты позволяют согласовать обозначенные расхождения в литературных данных о связи субъективного переживания и понимания своих эмоций с телесными ощущениями. В соответствии с этими результатами телесные ощущения важны для понимания и субъективного переживания эмоций. Однако идея о том, что телесные ощущения образуют субъективное переживание эмоций, не подтверждается, так как есть условия, в которых изменение интенсивности телесных ощущений и субъективного переживания эмоций изменяются несогласованно: интенсивность телесных ощущений растет, а интенсивность субъективного переживания значительно не изменяется, исчезают корреляции между оценками субъективного переживания и телесных ощущений. Это было бы невозможно, если бы телесные ощущения, сопровождающие эмоции, составляли основное содержание их субъективного переживания.

Литература

- Алекситимия и методы ее определения при пограничных психосоматических расстройствах.* (2005). Пособие для врачей и медицинских психологов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева.
- Кравченко, Ю. Е. (2013). Факторы интенсивности субъективного качества переживания на примере веселья. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10(2), 148–154.

- Люсин, Д. В. (2006). Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн. *Психологическая диагностика*, 4, 3–22.
- Bermond, B., Nieuwenhuysse, B., Fasotti, L., & Schuerman, J. (1991). Spinal cord lesions, peripheral feedback, and intensities of emotional feelings. *Cognition and Emotion*, 5, 201–220.
- Chwalisz, K., Diener, E., & Gallagher, D. (1988). Autonomic arousal feedback and emotion experience: Evidence from the spinal cord injured. *Journal of Personality and Social Psychology*, 54, 820–828.
- Cobos, P., Sanchez, M., Garcia, C., Nieves-Nera, M., & Vila, J. (2002). Revisiting the James versus Cannon debate on emotion: startle and autonomic modulation in patients with spinal cord injuries. *Biological Psychology*, 61, 251–269.
- Herbert, B. M., Herbert C., & Pollatos, O. (2011). On the relationship between interoceptive awareness and alexithymia: Is interoceptive awareness related to emotional awareness? *Journal of Personality*, 79, 5.
- Mack, H., Kaiser, J., & Birbaumer, N. (2000). Motion and emotion: Emotional processing in quadriplegic patients and athletes. *Psychophysiology*, 37(S1), S65.
- Montebarocci, O., Codispoti, M., Surcinelli, P., Franzoni, E., Baldaro, B., & Rossi, N. (2006). Alexithymia in female patients with eating disorders. *Eating and Weight Disorders*, 11(1), 14–21.
- Montoya, P., & Schandry, R. (1994). Emotional experience and heartbeat perception in patients with spinal cord injury and control subjects. *Journal of Psychophysiology*, 8, 289–296.
- Pollatos, O., Herbert, B. M., Matthias, E., & Schandry, R. (2007). Heart rate response after emotional picture presentation is modulated by interoceptive awareness. *International Journal of Psychophysiology*, 63(1), 117–124.
- Zackheim, L. (2007). Alexithymia: The expanding realm of research. *Journal of Psychosomatic Research*, 63(4), 345–347.

Кравченко Юнна Евгеньевна, доцент кафедры психологии личности Института психологии РГГУ, кандидат психологических наук

Контакты: asunaro@mail.ru

Балуева Оксана Владимировна, аспирант кафедры общих закономерностей развития психики Института психологии РГГУ

Контакты: k.balueva@gmail.com

Correlation of Subjective Feeling, Understanding of Emotions and Bodily Sensations in Reaction to a Funny Cartoon

Yunna E. Kravchenko

Associate Professor, subdepartment of Personality, L.S. Vygotsky Institute for Psychology,
Russian State University for the Humanities, Ph.D.,
E-mail: asunaro@mail.ru

Oxana V. Balueva

Postgraduate student, subdepartment of general psychology, L.S. Vygotsky Institute for
Psychology, Russian State University for the Humanities
E-mail: k.balueva@gmail.com

Address: 6 Miusskaya sq., Moscow, GSP-3, 125993, Russian Federation

Abstract

Starting from the theory of W. James, the sense of bodily changes is seen as the source and the main content of the subjective feeling. There are known many common and scientific acknowledgements of this. But detection of a particular set of sensations of bodily changes, that characterize even the most fundamental emotions, encounters difficulties. In the range of empirical studies, shown in the article, the relationship between the subjective feeling and the bodily changes is placed in question. The separate issue is the role of the ability to detect one's own feelings with the rise of emotional reaction, as many researchers (the data of their research are also given in the article) state that there is a direct linkage between this ability and emotionality. In this research the subjects were asked to estimate the intensity of joy, the quantity and the intensity of bodily sensations after watching two funny cartoons. While watching one of them they were allowed to express emotions freely, and during watching another one they were asked to withhold the smile. The order of the cartoons, the order of the instructions and the combination of each cartoon and each instruction were balanced. For the estimation of bodily sensations the subjects were offered an open list of sensations. The emotional intelligence and the level of alexithymia were also measured. We found out that the correlations between the subjective feeling, the quantity and the intensity of bodily sensations disappear when subjects withhold the expression of emotions. The contrast of means with and without the ban to express joy shows that the evaluation of the intensity of subjective feelings does not change under the influence of the ban, while the values of the intensity of bodily sensations grow significantly. As the ban to express joy did not lead to the proportionate change of the values of joy and the intensity of bodily sensations, but only to disappearance of correlations between these variables, the inference can be done that the sensation of bodily changes is only a correlate of subjective feeling that does not determine its content.

Keywords: fun, joy, facial feedback theories, alexithymia, emotional intelligence.

References

- Aleksitimiya i metody ee opredeleniya pri pograniichnykh psikhosomaticheskikh rasstroistvakh* [Alexithymia and methods of its detection in borderline psychosomatic disorders]. (2005). Saint Petersburg: Saint Petersburg Bekhterev Psychoneurological Research Institute.
- Bermond, B., Nieuwenhuysse, B., Fasotti, L., & Schuerman, J. (1991). Spinal cord lesions, peripheral feedback, and intensities of emotional feelings. *Cognition and Emotion*, 5, 201–220.
- Chwalisz, K., Diener, E., & Gallagher, D. (1988). Autonomic arousal feedback and emotion experience: Evidence from the spinal cord injured. *Journal of Personality and Social Psychology*, 54, 820–828.
- Cobos, P., Sanchez, M., Garcia, C., Nieves-Nera, M., & Vila, J. (2002). Revisiting the James versus Cannon debate on emotion: startle and autonomic modulation in patients with spinal cord injuries. *Biological Psychology*, 61, 251–269.
- Herbert, B. M., Herbert, C., & Pollatos, O. (2011). On the relationship between interoceptive awareness and alexithymia: Is interoceptive awareness related to emotional awareness? *Journal of Personality*, 79, 5.
- Kravchenko, Yu. E. (2013). Determinants of intensity and quality of subjective experience of fun. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 10(2), 148–154.
- Lyusin, D. V. (2006). Novaya metodika dlya izmereniya emotsional'nogo intellekta: oprosnik EmIn [New method of measurement of emotional intelligence: The questionnaire EmIn]. *Psikhologicheskaya Diagnostika*, 4, 3–22.
- Mack, H., Kaiser, J., & Birbaumer, N. (2000). Motion and emotion: Emotional processing in quadriplegic patients and athletes. *Psychophysiology*, 37(S1), S65.
- Montebarocci, O., Codispoti, M., Surcinelli, P., Franzoni, E., Baldaro, B., & Rossi, N. (2006). Alexithymia in female patients with eating disorders. *Eating and Weight Disorders*, 11(1), 14–21.
- Montoya, P., & Schandry, R. (1994). Emotional experience and heartbeat perception in patients with spinal cord injury and control subjects. *Journal of Psychophysiology*, 8, 289–296.
- Pollatos, O., Herbert, B. M., Matthias, E., & Schandry, R. (2007). Heart rate response after emotional picture presentation is modulated by interoceptive awareness. *International Journal of Psychophysiology*, 63(1), 117–124.
- Zackheim, L. (2007). Alexithymia: The expanding realm of research. *Journal of Psychosomatic Research*, 63(4), 345–347.

СКОРОСТЬ ПЕРЕРАБОТКИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК КОРРЕЛЯТ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Т.А. СЫСОЕВА, В.В. ОВСЯННИКОВА

Резюме

В исследовании предпринята попытка изучить связь показателей эмоционального интеллекта со скоростью переработки эмоционально окрашенной информации. Вслед за зарубежными исследователями, проводящими параллель между психометрическим и эмоциональным интеллектом в отношении их связи со скоростью переработки информации, мы предполагаем, что в основе индивидуальных различий по эмоциональному интеллекту может лежать скорость переработки эмоциональной информации. В исследовании приняли участие 104 испытуемых. Для измерения особенностей эмоциональной переработки использовались эмоциональная задача Струпа, задача на эмоциональный зрительный поиск и методика Проба с точкой. Эмоциональный интеллект измерялся при помощи одной самоотчетной (опросник ЭмИн) и одной тестовой (Видеотест) методики. Статистически значимые связи эмоционального интеллекта удалось обнаружить для выраженности эмоционального эффекта Струпа (отрицательные корреляции со шкалами опросника «Управление чужими эмоциями» и «Межличностный эмоциональный интеллект» и положительная – со шкалой теста «Сензитивность к эмоциям ориентировки»), а также для двух показателей задачи зрительного поиска (отрицательные корреляции разницы ВР при обнаружении гневных лиц на фоне радостных и на фоне нейтральных со шкалами ЭмИн «Понимание своих эмоций» и «Понимание эмоций», а также с общим баллом по опроснику; и негативная связь показателя разницы ВР при обнаружении лиц с выражением радости и гнева на фоне нейтральной экспрессии с показателем Видеотеста «Сензитивность к положительным эмоциям с низкой активацией»). На основании полученных результатов в качестве когнитивных коррелятов эмоционального интеллекта могут рассматриваться автоматическое ускорение/замедление переработки информации при обнаружении угрозы, а также относительная скорость идентификации и эффективность различения лиц, выражающих экспрессию радости и гнева. Отсутствие статистически значимых связей эмоционального интеллекта с другими показателями интерпретируется как следствие избыточно сложных допущений, лежащих в основе использованных задач, что мешает выявлению интересующих связей.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, переработка эмоционально окрашенной информации, эмоциональный зрительный поиск, эмоциональный эффект Струпа, проба с точкой.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 14-06-00393 (методика «Эмоциональная задача Струпа»), в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

Введение

Эмоциональный интеллект чаще всего рассматривается как набор способностей, связанных с пониманием и идентификацией эмоций, переживаемых субъектом и другими людьми, а также с управлением эмоциональными состояниями, своими собственными и окружающих (напр.: Робертс и др., 2004). Изучение когнитивных коррелятов эмоционального интеллекта (ЭИ) является важным этапом в понимании того, чем в действительности является ЭИ и каковы причины индивидуальных различий людей по этой характеристике.

Для решения этой задачи в исследованиях чаще всего используются корреляционные или квазиэкспериментальные планы, в которых у испытуемых измеряются показатели ЭИ, а также скоростные и точностные характеристики решения простых когнитивных задач, построенных на основе использования эмоционально окрашенных стимулов. Одним из самых распространенных теоретических обоснований такого подхода является проведение аналогии эмоционального интеллекта с психометрическим. Наличие данных о том, что испытуемые с высокими баллами психометрического интеллекта характеризуются высокой скоростью переработки информации (например: Sheppard, Vernon, 2008), позволяет предположить, что аналогичная закономерность может быть выявлена и применительно к ЭИ при рассмотрении скорости переработки эмоциональной информации.

К сожалению, работ в этой области проведено немного, а полученные в них данные не согласованы.

В исследовании В. Петридеса и А. Фернхема (Petrides, Furnham, 2003), где использовалась задача на скорость идентификации эмоций по лицевой экспрессии, было показано, что испытуемые с высокими показателями ЭИ (измеренного при помощи опросника EQ-i) оказываются более сензитивными к эмоциональной информации, быстрее идентифицируя выражаемую лицами эмоцию.

В исследованиях Э. Остин были обнаружены положительные связи успешности различения лиц с экспрессией печали с баллами по шкале «Оценка эмоций» опросника Шутте на ЭИ (Austin, 2004); а также связи интегративного показателя успешности различения эмоциональной экспрессии с баллами по шкале «Межличностный ЭИ» данного опросника (Austin, 2005). Скорость идентификации лиц, выражающих печаль, также была связана с общим баллом по тесту MSCEIT (Farrelly, Austin, 2007) и показателями методики STEU (измеряющей понимание эмоций) (Austin, 2010).

В работах Ю. Додоновой и Ю. Додонова (Dodonova, Dodonov, 2010, 2012) показатель, операционализирующий дополнительное время, необходимое для переработки эмоционального содержания в задачах на отсроченное узнавание экспрессии, оказался негативно связанным с некоторыми шкалами опросника ЭИИ (с общим баллом и со шкалами «Управление своими эмоциями», «Управление чужими эмоциями», «Понимание своих эмоций»).

В исследовании, использующем методику Пробы с точкой (Mikolajczak et al., 2009), было показано, что

испытуемые с низкими баллами по шкале контроля собственных эмоций опросника TEIQue обращали меньше внимания на эмоционально окрашенные стимулы по сравнению с нейтральными в условиях стресса, а у испытуемых с высокими баллами в условиях стресса проявлялись противоположные предпочтения.

В работе Р. Робертса и др. (Roberts et al., 2006) не было обнаружено связей скорости переработки эмоциональной информации (на примере идентификации экспрессии) с показателями эмоционального интеллекта, измеренного при помощи MSCEIT.

Как видно, результаты исследований оказываются противоречивыми, их обобщению мешает разнообразие используемых когнитивных задач, различающихся как заложенной в них идеей, так и типом стимулов. Чаще всего в качестве эмоциональных стимулов привлекаются изображения лиц, выражающих различные эмоции. Это, безусловно, является логичным, так как такая стимуляция может рассматриваться в качестве наиболее близкой к реальной задаче распознавания эмоций других людей. Однако это является и ограничением исследований, поскольку в них игнорируются другие каналы поступления эмоциональной информации.

Целью данной работы является изучение когнитивных оснований эмоционального интеллекта выборки носителей русского языка при помощи исследования связей показателей ЭИ со скоростью выполнения эмоциональных когнитивных задач, разработанных в разных парадигмах исследования аффективной переработки, использующих как вер-

бальный, так и невербальный стимульный материал разной эмоциональной валентности.

Вслед за зарубежными коллегами мы предполагаем, что такой подход к исследованию позволит обнаружить простые когнитивные механизмы работы восприятия, внимания и т.п. при переработке эмоциональной стимуляции, лежащие в основе индивидуальных различий по эмоциональному интеллекту.

Методика

Испытуемые

В качестве испытуемых в исследовании выступили 104 человека в возрасте от 18 до 49 лет ($M = 25$, $SD = 6$), студенты и выпускники различных специальностей; 23 мужчины и 81 женщина.

Материалы и процедура

Методика измерения выраженности эмоционального эффекта Струпа. В качестве стимулов использовались угрожающие и нейтральные слова (по 20 каждой категории), отобранные в эти группы на основании оценок, полученных в дополнительном исследовании и уравненные по длине и частотности (Ляшевская, Шаров, 2009).

Испытуемым предъявлялось по два блока эмоциональных и нейтральных слов. Каждое слово по одному разу появлялось на экране в синем и желтом цвете. Испытуемый должен был как можно быстрее и точнее ответить (при помощи нажатия на соответствующую кнопку), каким цветом напечатано слово. До

начала основных серий предлагалась тренировочная.

Методика эмоционального зрительного поиска. Стимулами выступали фотографии выражения лица, отобранные из базы «NimStim stimulus set» (Tottenham et al., 2009) на основании экспертной оценки. Было выбрано 18 фотографий экспрессии разной валентности — положительные (радость), отрицательные (гнев) и нейтральные, которые были уравнены по полу персонажа, степени напряженности и интенсивности экспрессии.

Изображения лиц предъявлялись в виде матриц 2x2. Половина матриц включала три лица с одинаковой экспрессией и одно с отличной, которое и выступало целевым стимулом; в половине матриц все 4 лица имели одно и то же выражение (целевой стимул отсутствовал). Всего использовалось 134 матрицы, в том числе 6 для тренировочной серии. Испытуемый должен был как можно быстрее и точнее дать ответ (нажав на соответствующую клавишу) о том, присутствует ли в матрице лицо, выражение которого отличается от трех других.

Методика включает 4 основные серии, различающиеся тем, какую валентность имеют целевой стимул и дистракторы:

- 1) поиск негативной экспрессии на фоне нейтральной;
- 2) поиск негативной экспрессии на фоне положительной;
- 3) поиск положительной экспрессии на фоне нейтральной;
- 4) поиск положительной экспрессии на фоне негативной.

Основные серии состояли из 32 проб, тренировочная — из 6.

Методика Проба с точкой. В качестве стимульного материала использовались слова трех эмоциональных категорий: позитивные (25 слов), негативные (25 слов) и нейтральные (78 слов), отобранные на основании экспертной оценки и уравненные по количеству букв и частотности употребления (Ляшевская, Шаров, 2009).

В каждой пробе участнику предъявлялась пара слов: одно расположено слева, другое справа от центра экрана. После исчезновения слов с экрана на месте одного из них появлялась точка. Задача испытуемого состояла в том, чтобы указать, нажав на кнопку слева или справа, на месте какого из слов появилась точка. Было разработано две серии методики:

1) серия с положительно окрашенными словами: 50 пар слов, из которых 25 состоят из положительного и нейтрального слова, а остальные — из двух нейтральных слов;

2) серия с отрицательно окрашенными словами: 50 пар слов, из которых 25 состоят из негативного и нейтрального слова, а остальные — только из нейтральных слов.

Точка появлялась в 80% проб. Для ознакомления с заданием испытуемому предлагалась тренировочная серия.

Во всех методиках предъявление стимулов и замер показателей точности и скорости реакции осуществлялись на компьютере при помощи программы E-Prime 2.0.

Методики для оценки эмоционального интеллекта. ЭИ оценивался при помощи опросника ЭИИн (Люсин, 2009) и Видеотеста Овсянниковой-Люсина (Люсин, Овсянникова, 2013).

Результаты

Для всех методик на эмоциональную переработку из анализа исключались пробы, в которых был дан неверный ответ, а также те, для которых время реакции (ВР) выходило за пределы трех стандартных отклонений от среднего по испытуемому.

По методике оценки выраженности ЭЭС для каждого испытуемого подсчитывались среднее ВР для каждого типа стимулов (нейтральных и угрожающих), а также выраженность эмоционального эффекта Струпа (ЭЭС) (как разница между средним ВР для угрожающих и нейтральных слов) в качестве показателя силы автоматического замедления переработки при обнаружении угрожающей информации.

По методике на эмоциональный зрительный поиск в качестве основных показателей были подсчитаны медианы ВР при работе в каждом условии. Кроме того, вычислялось несколько дополнительных показателей. Например, разница во ВР между поиском гневных лиц на фоне радостных и на фоне нейтральных как показатель того, насколько при поиске гневных лиц радостные лица в качестве дистракторов больше/меньше оттягивают на себя внимание по сравнению с нейтральными.

По методике Проба с точкой для каждой серии (негативной и позитивной) подсчитывались медианы ВР для случаев, когда точка появлялась на месте эмоционально окрашенного стимула; когда точка появлялась на месте нейтрального стимула, предъявленного в паре с эмоциональным; а также когда точка предъявлялась на месте нейтрального стимула, предъявленного в паре с нейтральным.

Были подсчитаны коэффициенты корреляции Спирмена всех показателей методик на переработку информации со всеми показателями методик, измеряющих ЭИ.

Выраженность ЭЭС оказалась негативно связана с такими шкалами опросника ЭМИн, как «Управление чужими эмоциями» ($N = 100, r = -0.22, p < 0.05$) и «Межличностный эмоциональный интеллект» ($N = 100, r = -0.23, p < 0.05$).

Для Видеотеста связь выраженности ЭЭС выявлена только с показателем «Сензитивность к эмоциям ориентировки» ($N = 103, r = 0.20, p < 0.05$).

Для методики на эмоциональный зрительный поиск обнаружены отрицательные корреляции показателя разницы ВР при обнаружении гневных лиц на фоне радостных и на фоне нейтральных с такими шкалами ЭМИн, как «Понимание своих эмоций» ($N = 99, r = -0.27, p < 0.01$) и «Понимание эмоций» ($N = 99, r = -0.25, p < 0.05$), а также с общим баллом по опроснику ($N = 99, r = -0.20, p < 0.05$). Кроме того, получена негативная связь показателя разницы ВР при обнаружении лиц с выражением радости и гнева на фоне нейтральной экспрессии с показателем Видеотеста «Сензитивность к положительным эмоциям с низкой активацией» ($N = 102, r = -0.22, p < 0.05$).

Для методики Проба с точкой статистически значимых связей с показателями ЭИ обнаружено не было.

Обсуждение результатов

Паттерны связей, полученные в нашей работе, частично совпадают с результатами других исследований.

Данные о связи выраженности ЭЭС с показателями эмоционального интеллекта расширяют результаты, полученные нами в предыдущих работах (Сысоева, 2013), совпадая с ними лишь по формальным параметрам. Так, в данном исследовании связи обнаружены со шкалами опросника ЭМИн, для которых прежде таких связей обнаружено не было («Управление чужими эмоциями» и «Межличностный ЭИ»), в то время как корреляции с показателями, с которыми они обнаруживались ранее (общий балл и шкала «Управление своими эмоциями»), в этом исследовании не выявлены. Более того, обнаруженные связи являются отрицательными, т.е. преимущество получают люди, для которых автоматическое привлечение к негативной информации, приводящее к замедлению переработки, выражено в меньшей степени, в то время как в прошлом исследовании обнаруженные связи были положительными.

Положительная корреляция выраженности ЭЭС со склонностью переоценивать силу переживания другими людьми эмоций ориентировки (таких как возбуждение, тревога, интерес, страх), выглядит логично: испытуемые, чье внимание автоматически привлекается к негативной угрожающей информации, оказываются более склонными обнаруживать подобное поведение у других людей.

В литературе описаны исследования, в которых были получены как положительные (напр.: Coffey et al., 2003), так и отрицательные (напр.: Martin, Thomas, 2011) корреляции ЭЭС с эмоциональным интеллектом. Полученные нами результаты не

дают окончательного ответа на вопрос о направлении этой связи, тем не менее подтверждают, что автоматическое замедление или ускорение переработки в ответ на обнаружение угрожающей информации является одним из когнитивных коррелятов эмоционального интеллекта.

При рассмотрении задачи на эмоциональный зрительный поиск было обнаружено, что испытуемые с более высокими показателями ЭИ по шкалам ЭМИн «Понимание своих эмоций» и «Понимание эмоций» при анализе лиц с угрожающей экспрессией меньше подвержены дистракции со стороны лиц с радостной экспрессией, т.е. лучше различают гневную и радостную экспрессию в задачах поиска лиц, выражающих угрозу. Интересно, что в работе А. Феллнер с соавт., использовавших опросниковые методики для оценки ЭИ, его связи с выполнением эмоционального зрительного поиска обнаружены не были (Fellner et al., 2007). Другой результат состоит в том, что испытуемые, склонные переоценивать у окружающих выраженность положительных эмоций, быстрее находят на фоне нейтральных радостные лица по сравнению с гневными. Возможно, основанием этой связи является наличие латентного фактора сензитивности к позитивной окраске стимулов, универсального по отношению к разным типам заданий на эмоциональном материале.

Полученные в нашем исследовании связи позволяют предположить, в чем состоят когнитивные механизмы, обеспечивающие индивидуальные различия по ЭИ. В основании замедления или ускорения ВР в эмоциональной

задаче Струпа лежит автоматическая переработка значения слов, цвет которых должен называться. При этом испытуемые могут либо тратить дополнительные ресурсы внимания на анализ эмоциональных слов, что приведет к замедлению реагирования в основной задаче (называние цвета) при предъявлении эмоциональных стимулов, либо тратить дополнительные ресурсы внимания на анализ нейтральных слов, что приведет к ускорению ВР. Полученные корреляции свидетельствуют о том, что испытуемые, являющиеся реактивными по отношению к эмоционально окрашенной стимуляции даже тогда, когда ее непосредственный анализ в задаче не требуется, обладают более высокими показателями ЭИ. Автоматическое переключение внимания в сторону к или от эмоционального содержания может лежать в основе ЭИ, обеспечивая более высокую сензитивность к эмоциям, что, в свою очередь, может обеспечивать их более точное распознавание.

Время реакции в задачах зрительного поиска зависит от того, насколько успешно испытуемый может удерживать внимание на целевых объектах и не переключать его на объекты-дистракторы, а также от того, насколько различимыми для испытуемого оказываются цели и дистракторы. В зарубежных исследованиях показано, что поиск объектов с разной эмоциональной окраской происходит с разной скоростью, а в ряде случаев внимание привлекается к объекту автоматически. Например, при поиске на материале экспрессии лица зачастую наблюдается эффект почти мгновенного «выскакивания»

в том случае, когда целевая экспрессия выражает угрозу (реже — радость) (Frischen et al., 2008; Savage et al., 2013). В нашей работе способность понимать эмоции оказалась связана с относительным преимуществом при поиске радостных лиц. По всей видимости, данная способность может обеспечиваться на более низком уровне как за счет автоматических процессов распознавания объектов с той или иной эмоциональной окраской, так и за счет индивидуальной чувствительности к различиям экспрессии разных эмоций, а также возможности удерживать внимание на той или иной экспрессии даже при наличии отвлекающих объектов.

Таким образом, на основании полученных результатов в качестве когнитивных коррелятов эмоционального интеллекта могут быть рассмотрены: автоматическое замедление или ускорение переработки при обнаружении угрожающей информации, более эффективное различение гневной и радостной экспрессий и относительная скорость обнаружения лиц, выражающих разные эмоции. Нужно отметить, что в нашем исследовании получены связи особенностей переработки эмоциональной информации как с самоотчетным ЭИ, так и с измеренным с помощью тестовой методики.

Отдельно следует рассмотреть вопрос, почему использованные задачи на переработку эмоциональной информации дали так мало корреляций с ЭИ (а корреляции для показателей по методике Проба с точкой вообще не достигли уровня значимости). По всей видимости, это могло быть следствием очень сложной логики в построении использованных

задач. Изначально такие методики разрабатывались для выявления общепсихологических закономерностей эмоциональной переработки, и получаемые в этих задачах показатели являются косвенными. Так, например, сама по себе скорость реагирования в разных сериях задачи Проба с точкой с трудом поддается интерпретации с точки зрения переключения внимания на эмоциональные стимулы (или с них). Делать выводы о том, как происходит переключение внимания, можно только на основе сопоставления ВР в разных пробах. В результате интересующие нас простые когнитивные показатели скорости и точности переработки, операционализирующие внимание, восприятие и т.д., оказываются слишком сложно извлекаемыми из показателей, полученных в использованных задачах. В свою очередь, это может приводить к тому, что реально существующие связи простых характеристик переработки с эмоциональным интеллектом оказываются слишком сильно завуалированными и не поддаются обнаружению. Очевид-

но, дальнейшие исследования в этой области следует проводить с использованием более простых для интерпретации когнитивных задач. Это позволит более детально и четко ответить на вопрос о лежащих в основе эмоционального интеллекта простых когнитивных механизмах.

Выводы

Проведенное исследование показало, что в качестве когнитивных коррелятов эмоционального интеллекта выступают следующие: автоматическое замедление или ускорение переработки при обнаружении угрожающей информации, скоростное различение гневной и радостной экспрессии и относительная скорость обнаружения лиц с положительно и отрицательно окрашенной экспрессией. Перспективы дальнейшего исследования вопроса о когнитивных коррелятах эмоционального интеллекта связаны с использованием более простых когнитивных задач на эмоциональную переработку.

Литература

- Люсин, Д. В. (2009). Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные. В кн.: Д. В. Люсин, Д. В. Ушаков (Ред.), *Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям* (с. 264–278). М.: Издательство «Институт психологии РАН».
- Люсин, Д. В., Овсянникова, В. В. (2013). Измерение способности к распознаванию эмоций с помощью видеотеста. *Психологический журнал*, 34(6), 82–94.
- Ляшевская, О. Н., Шаров, С. А. (2009). *Частотный словарь современного русского языка* (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник.
- Робертс, Р. Д., Метгьюс, Дж., Зайднер, М., Люсин, Д. В. (2004). Эмоциональный интеллект: проблемы теории, измерения и применения на практике. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 1(4), 3–26.
- Сысоева, Т. А. (2013). Выраженность эмоционального эффекта Струпа и эмоциональный интеллект. *Психологический журнал*, 34(6), 35–44.
- Austin, E. J. (2004). An investigation of the relationship between trait emotional intelligence and emotional task performance. *Personality and Individual Differences*, 36, 1855–1864.

- Austin, E. J. (2005). Emotional intelligence and emotional information processing. *Personality and Individual Differences*, 39, 403–414.
- Austin, E. J. (2010). Measurement of ability emotional intelligence: Results for two new tests. *British Journal of Psychology*, 101(3), 563–578.
- Coffey, E., Berenbaum, H., & Kerns, J. G. (2003). The dimensions of emotional intelligence, alexithymia, and mood awareness: Associations with personality and performance on an emotional Stroop task. *Cognition and Emotion*, 17(4), 671–679.
- Dodonova, Y. A., & Dodonov, Y. S. (2010). Emotional sensitivity measurement in cognitive tasks with emotional stimuli. *Procedia Social and Behavioral Sciences*, 5, 1596–1600.
- Dodonova, Y. A., & Dodonov, Y. S. (2012). Speed of emotional information processing and emotional intelligence. *International Journal of Psychology*, 47(6), 429–437.
- Farrelly, D., & Austin, E. J. (2007). Ability EI as an intelligence? Associations of the MSCEIT with performance on emotion processing and social tasks and with cognitive ability. *Cognition and Emotion*, 21(5), 1043–1063.
- Fellner, A. N., Matthews, G., Funke, G. J., Emo, A. K., Zeidner, M., Pérez-González, ... Roberts, R. D. (2007). The effects of emotional intelligence on visual search of emotional stimuli and emotion identification. In *Proceedings of the Human Factors and Ergonomics Society 51st Annual Meeting* (Vol. 51(14), pp. 845–849). Santa Monica, CA: HFES.
- Frischen, A., Eastwood, J. D., & Smilek, D. (2008). Visual search for faces with emotional expressions. *Psychological Bulletin*, 134(5), 662–676.
- Martin, S. L., & Thomas, J. (2011). Emotional intelligence: Examining construct validity using the emotional Stroop. *International Journal of Business and Social Science*, 2(1), 209–215.
- Mikolajczak, M., Roy, E., Verstrynge, V., & Luminet, O. (2009). An exploration of the moderating effect of trait emotional intelligence on memory and attention in neutral and stressful conditions. *British Journal of Psychology*, 100, 699–715.
- Petrides, V. K., & Furnham, A. (2003). Trait emotional intelligence: Behavioural validation in two studies of emotion recognition and reactivity to mood induction. *European Journal of Personality*, 17, 39–57.
- Roberts, R. D., Schulze, R., O'Brien, K., MacCann, C., Reid, J., & Maul, A. (2006). Exploring the validity of the Mayer-Salovey-Caruso emotional intelligence test (MSCEIT) with established emotions measures. *Emotion*, 6(4), 663–669.
- Savage, R. A., Lipp, O. V., Craig, B. M., Becker, S. I., & Horstmann, G. (2013). In search of the emotional face: anger versus happiness superiority in visual search. *Emotion*, 13(4), 758–768.
- Sheppard, L. D., & Vernon, P. A. (2008). Intelligence and speed of information-processing: A review of 50 years of research. *Personality and Individual Differences*, 44(3), 535–551.
- Tottenham, N., Tanaka, J. W., Leon, A. C., McCarry, T., Nurse, M., Hare, T. A., ... Nelson, C. (2009). The NimStim set of facial expressions: Judgments from untrained research participants. *Psychiatry Research*, 168, 242–249.

Сысоева Татьяна Анатольевна, научный сотрудник ПИ РАО, кандидат психологических наук

Контакты: tatiana.syssoeva@mail.ru

Овсянникова Виктория Владимировна, старший научный сотрудник НИУ ВШЭ, кандидат психологических наук

Контакты: v.ovsyannikova@gmail.com

Speed of Emotional Information Processing as Correlate of Emotional Intelligence

Tatyana A. Sysoeva

Researcher, Psychological Institute of Russian Academy of Education*, Ph.D.
E-mail: tatiana.sysoeva@mail.ru

Victoria V. Ovsyannikova

Senior Researcher, HSE**, Ph.D.
E-mail: v.ovsyannikova@gmail.com

Address * 9-4 Mokhovaya, Moscow, 125009, Russian Federation
** 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

The research shows an attempt to explore the relationships of emotional intelligence and speed of emotional information processing. Following foreign researchers, who draw parallel between psychometric and emotional intelligence in relationship to speed of information processing, we assume that the basis of individual differences in emotional intelligence lies in speed of emotional information processing. 104 subjects took part in the research. For the measurement of emotional processing we used emotional Stroop task, task on emotional visual search and dot probe task. Emotional intelligence was measured with one self-report (questionnaire EmIn) and one test (videotest) method. Statistically significant correlations of emotional intelligence were found for emotional Stroop task (negative correlations with the scales “Management of emotions of others” and “Interpersonal emotional intelligence” and positive correlations with the scale “Sensitivity to orientation emotions”), as well as for the two measures of emotional visual search task (negative correlations of difference in response time in finding angry faces between joyful ones and anger against the background of neutral expression with the measures of videotest “Sensitivity to positive emotions with low activation”). By virtue of attained results, the automatic speed-up / slowdown of processing in threat detection, as well as relative velocity of identification and effectiveness of face recognition that express joy and anger may be viewed as the cognitive correlates of emotional intelligence. The lack of statistically significant relationships between emotional intelligence and other measurements is interpreted as the consequence of excessively difficult assumptions that lay in the basis of the used tasks, which hinder the revelation of the relationships in interest.

Keywords: emotional intelligence, emotional information processing, emotional visual search, emotional Stroop, dot probe task.

References

- Austin, E. J. (2004). An investigation of the relationship between trait emotional intelligence and emotional task performance. *Personality and Individual Differences*, 36, 1855–1864.
- Austin, E. J. (2005). Emotional intelligence and emotional information processing. *Personality and Individual Differences*, 39, 403–414.

- Austin, E. J. (2010). Measurement of ability emotional intelligence: Results for two new tests. *British Journal of Psychology*, 101(3), 563–578.
- Coffey, E., Berenbaum, H., & Kerns, J. G. (2003). The dimensions of emotional intelligence, alexithymia, and mood awareness: Associations with personality and performance on an emotional Stroop task. *Cognition and Emotion*, 17(4), 671–679.
- Dodonova, Y. A., & Dodonov, Y. S. (2010). Emotional sensitivity measurement in cognitive tasks with emotional stimuli. *Procedia Social and Behavioral Sciences*, 5, 1596–1600.
- Dodonova, Y. A., & Dodonov, Y. S. (2012). Speed of emotional information processing and emotional intelligence. *International Journal of Psychology*, 47(6), 429–437.
- Farrelly, D., & Austin, E. J. (2007). Ability EI as an intelligence? Associations of the MSCEIT with performance on emotion processing and social tasks and with cognitive ability. *Cognition and Emotion*, 21(5), 1043–1063.
- Fellner, A. N., Matthews, G., Funke, G. J., Emo, A. K., Zeidner, M., Pérez-González, ... Roberts, R. D. (2007). The effects of emotional intelligence on visual search of emotional stimuli and emotion identification. In *Proceedings of the Human Factors and Ergonomics Society 51st Annual Meeting* (Vol. 51(14), pp. 845–849). Santa Monica, CA: HFES.
- Frischen, A., Eastwood, J.D., & Smilek, D. (2008). Visual search for faces with emotional expressions. *Psychological Bulletin*, 134(5), 662–676.
- Lyashevskaya, O. N., & Sharov, S. A. (2009). *Chastotnyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka* (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka) [Frequency dictionary of Russian language (materials of national corpus of Russian language)]. Moscow: Azbukovnik.
- Lyusin, D. V. (2009). Oprosnik na emotsional'nyi intellekt EmIn: novye psikhometricheskie dannye [Emotional intelligence questionnaire EmIn: New psychometric data]. In D. V. Lyusin & D. V. Ushakov (Eds.), *Sotsial'nyi i emotsional'nyi intellekt: ot protsessov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: From processes to measurements] (pp. 264–278). Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
- Lyusin, D. V., & Ovsyannikova, V. V. (2013). Video test for measuring emotions recognition. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 34(6), 82–100.
- Martin, S. L., & Thomas, J. (2011). Emotional intelligence: Examining construct validity using the emotional Stroop. *International Journal of Business and Social Science*, 2(1), 209–215.
- Mikolajczak, M., Roy, E., Verstrynge, V., & Luminet, O. (2009). An exploration of the moderating effect of trait emotional intelligence on memory and attention in neutral and stressful conditions. *British Journal of Psychology*, 100, 699–715.
- Petrides, V. K., & Furnham, A. (2003). Trait emotional intelligence: Behavioural validation in two studies of emotion recognition and reactivity to mood induction. *European Journal of Personality*, 17, 39–57.
- Roberts, R., Mett'yus, Dzh., Zaydner, M., & Lyusin, D. Emotional intelligence: Theory, measures, and applications. *Psychology Journal of the Higher School of Economics*, 1(4), 3–26.
- Roberts, R. D., Schulze, R., O'Brien, K., MacCann, C., Reid, J., & Maul, A. (2006). Exploring the validity of the Mayer-Salovey-Caruso emotional intelligence test (MSCEIT) with established emotions measures. *Emotion*, 6(4), 663–669.
- Savage, R. A., Lipp, O. V., Craig, B. M., Becker, S. I., & Horstmann, G. (2013). In search of the emotional face: anger versus happiness superiority in visual search. *Emotion*, 13(4), 758–768.
- Sheppard, L. D., & Vernon, P. A. (2008). Intelligence and speed of information-processing: A review of 50 years of research. *Personality and Individual Differences*, 44(3), 535–551.

- Sysoeva, T. A. (2013). Intensity of emotional stroop effect and emotional intelligence. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 34(6), 35–44.
- Tottenham, N., Tanaka, J. W., Leon, A. C., McCarry, T., Nurse, M., Hare, T.A., ... Nelson, C. (2009). The NimStim set of facial expressions: Judgments from untrained research participants. *Psychiatry Research*, 168, 242–249.

Обзоры и рецензии

ФАСИЛИТАЦИЯ РЕШЕНИЯ ТВОРЧЕСКИХ ЗАДАЧ: ЮМОР

С.Ю. КОРОВКИН

Резюме

Одним из способов исследования скрытых механизмов мыслительного процесса при решении творческих задач является косвенная оценка факторов, затрудняющих или облегчающих решение. Одним из наиболее устойчивых фасилитирующих факторов решения творческих задач и креативности является юмор. Исследования указывают на существование связи между продуктивностью решения творческих (инсайтных) задач и юмором. Процессы, лежащие в основе понимания и продукции юмора, по многим признакам сходны с процессами решения творческих задач. В перечень сходств входят не только аффективные, но и когнитивные процессы, что, на наш взгляд, связано с общей природой юмора и инсайта. В данной работе описаны и проанализированы подходы к изучению влияния когнитивных и аффективных процессов на решение творческих задач. На основе обширного обзора и теоретического анализа в работе сопоставляются общие и различные механизмы понимания юмора и инсайтного решения. На описательном, феноменологическом уровне инсайт и юмор соответственно связаны с мгновенностью понимания задачи и шутки. Оба явления необходимо сопровождаются переживанием положительных эмоций. Формальная структура вербальной шутки имеет значительное сходство со структурой вербальной инсайтной задачи наличием двух противоречивых сценариев. Содержательно юмор и решение творческих задач связаны с преодолением и нарушением запретов. Таким образом, вопрос о фасилитации решения творческих задач с помощью юмора может быть исследован с различных позиций: с позиции эмоционального возбуждения, с позиции когнитивной настройки решения или с позиций ослабления ограничений.

Ключевые слова: мышление, юмор, решение задач, инсайт, творческая задача, фасилитация.

Мыслительные процессы носят скрытый от прямого наблюдения характер и исследуются с помощью выявления факторов, затрудняющих или улучшающих их протекание. Чаще всего методы исследования мыслительного процесса направлены в основном на разворачивание, объективацию скрытого процесса путем его затруднения. Контролируемое затруднение мыслительного процесса может носить характер дистракции и мониторинга. Благодаря дистракции, т.е. нарушению естественного течения процесса вплоть до полного его прекращения (Жинкин, 1964; Baddeley, 2001; Hambrick, Engle, 2003), можно делать выводы о характере и источнике ошибок. Мониторинг позволяет судить о динамике протекания процесса по характеру текущих нарушений и сбоев при минимальном нарушении естественного процесса (Владимиров, Коровкин, 2014; Коровкин, Владимиров, Савинова, 2012). Однако скрытые механизмы мыслительного процесса можно выявить не только с помощью введения нарушений, но и исследуя факторы, которые оказывают влияние на улучшение параметров решения задачи (скорость, продуктивность и т.д.). Такими факторами могут являться подсказка (Пономарев, 1976; Seifert et al., 1995), использование внешней репрезентации (Чистопольская, Владимиров, 2012), прайминг (Спирidonov, Абисалова, 2012; Четвериков, 2010), тренировка (Öllinger, Jones, Knoblich, 2008; Weisberg, Alba, 1981), а также другие способы фасилитации решения задачи. Особым видом положительного влияния на автономный процесс решения является

аффективное воздействие. По данным целого ряда работ, переживание эмоционального состояния оказывает фасилитирующее влияние на решение малых творческих задач и заданий на креативность (Люсин, 2011). В то же время представления о природе механизмов влияния эмоций на когнитивные процессы и мышление остаются спорными, противоречивыми и размытыми.

Один из способов уточнения аффективной фасилитации решения творческих задач — это исследование феномена юмора в контексте решения задач. Исследования указывают на существование связи между продуктивностью решения творческих задач и юмором (Коровкин, 2010; Мартин, 2009; Gick, Lockhart, 1995). Юмор рассматривается как одна из составляющих творческого мышления и креативности (Koestler, 1964; Mednick, 1962; Torrance, 1966). Неоднократно были получены данные о наличии связи между юмором и повышением креативности (O'Quin, Derks, 1997; Treadwell, 1970; Ziv, 1976). Однако многие исследования в этой области проведены в парадигме корреляционных диспозиционных исследований, поэтому о природе связи креативности и юмора нельзя сделать однозначный вывод (O'Quin, Derks, 1997). С продуктивностью творческих задач связывают понимание юмора, продукцию юмора, «чувство юмора», использование юмора в качестве эвристики при решении задач. При этом юмор нельзя однозначно отнести к аффективным или когнитивным процессам, ввиду чего определение и операционализация юмора и юмористического воздействия на решателя

сильно затруднены. В данной работе осуществлена попытка проанализировать и обобщить разрозненные данные о связи юмора и решения задач, а также предложить возможные механизмы этого влияния. Для понимания возможных механизмов связи юмора и процессов решения задач необходимо сопоставить между собой их психологические составляющие. Процессы, лежащие в основе понимания и продукции юмора, по многим признакам сходны с процессами решения творческих (инсайтных) задач. В перечень сходств входят не только аффективные, но и когнитивные процессы, что, на наш взгляд, связано с общей природой юмора и инсайта.

Сходство юмора и инсайта на феноменологическом уровне проявляется в виде *мгновенности понимания*. В работе А. Козбелта и К. Нишиоки (Kozbelt, Nishioka, 2010) произведена попытка эмпирически сопоставить между собой особенности понимания и продукции юмора, а также феномена инсайта. В рамках проведенного корреляционного исследования показано, что понимание и продукция юмора до некоторой степени слабо связаны между собой. В заданиях на понимание юмора установлена обратная связь между оценкой качества шутки и временем, необходимым для ее понимания. Это, по мнению авторов, указывает на инсайтный характер понимания юмора. В то же время результаты, полученные в заданиях на продукцию юмора, свидетельствуют об обратном, т.е. продукция юмора скорее не является инсайтным или похожим на инсайт процессом. Мгновенность схватывания

задачи и шутки связывается с гештальтпсихологическим принципом мгновенного переструктурирования репрезентации. В то же время установлено, что шутка тем более оценивается как смешная, чем меньше времени дается на ее понимание и оценивание. Поверхностный смысл этой закономерности состоит в том, что шутка тем смешнее, чем меньше усилий нужно приложить для ее понимания и объяснения. Однако феноменологическая мгновенность инсайта, по-видимому, связана не со скоростью понимания задачи. Инсайт требует длительного подготовительного этапа, который обозначают как «инкубация решения».

Другим характерным моментом, общим для инсайта и юмора, является *неотъемлемое наличие положительной эмоции*, связанной с пониманием шутки или принципа решения задачи. Э. Айзен и ее коллеги (Isen, Daubman, Nowicki, 1987) получили результаты, указывающие на наличие эффекта фасилитации решения творческих задач с помощью положительного эмоционального состояния. При положительном эмоциональном состоянии испытуемые дают большее количество оригинальных ответов, лучше устанавливают далекие ассоциации, а также продуктивнее решают инсайтные задачи. Однако в исследованиях, проведенных Г. Кауфманном и С. Восбург (Kaufmann, Vosburg, 1997), были установлены обратные эффекты: продуктивность решения творческих задач выше в условии с отрицательным эмоциональным состоянием. По мнению авторов, конечная успешность решения задач зависит от структуры задачи, от которой, в

свою очередь, зависит продуктивная стратегия ее решения. В некоторых случаях эффект положительной обратной связи может сохраняться даже при узнавании правильного ответа после того, как задача осталась нерешенной. В решении многих задач, инсайтных и алгоритмизированных, важную роль в выборе стратегии решения играют эстетические оценки оригинальности и остроумности решения, которые являются ключевыми характеристиками при оценке шутки. В исследовании Х. Беланджер, Л. Киркпатрика и П. Деркса (Belanger, Kirkpatrick, Derks, 1998) проверялась гипотеза о положительном влиянии юмора на решение вербальных и образных задач. В качестве образных задач были использованы задания на ментальное вращение, а в качестве вербальных — вербальные аналогии. Перед решением основной задачи испытуемым предъявлялись шутки и простые предложения, различавшиеся по высокой или низкой образности. В данной работе не подтвердилась гипотеза о наличии фасилитации с помощью положительных эмоций. Однако, как указывают авторы, юмор ускоряет ментальное вращение и замедляет вербальные аналогии в выборке мужчин, в то время как в выборке женщин никаких различий не наблюдается.

Отметим *сходство структуры шутки и вербальной инсайтной задачи*. Особым жанром малых творческих или инсайтных задач, имеющих общую с вербальной шуткой структуру, являются задачи-шутки (Смаллиан, 2008). Задача-шутка имеет в своей структуре признаки как инсайтной задачи, так и юмористиче-

ского высказывания. Если задача не решается самостоятельно, а ответ будет сообщен тем, кто задачу задает, то в таком случае задача с ответом превращается в шутку, поскольку, как правило, ответ или задача воспринимается решателем как некорректные, «нечестные» и т.д. Такие задачи еще иногда обозначаются как «задачи с подвохом». Общие переживания при понимании юмора и при «ага-реакции» имеют сходные компоненты, такие как неожиданность и удивление. В обоих случаях эмоциональное состояние и эмоции могут быть описаны как положительные. Решение инсайтной задачи может быть представлено в виде внезапной смены репрезентаций, процедур, фреймов или сценариев. В основе общей теории вербального юмора (GTVH) В. Раскина и С. Аттардо (Attardo, Raskin, 1991) лежит понятие сценария. Сценарии представляют собой лексические узлы и семантические связи между ними. Всякий текст актуализирует соответствующие сценарии, которые позволяют понимать данный текст. Соответственно текст может быть воспринят как юмористический, если соблюдаются два условия: 1) текст совместим и актуализирует два различных сценария; 2) эти сценарии противоположны. Противоположность сценариев, обеспечивающая юмористичность текста, задается одним из трех способов: 1) реальная и невозможная ситуация; 2) ожидаемая и ненормальная, неожиданная ситуация; 3) вероятная и невероятная ситуация. Юмористичность приведенного в качестве примера текста строится на противопоставлении ожидаемости и неожиданности

ситуации. Вербальная шутка, по В. Раскину и С. Аттардо, содержит ряд компонентов, на которые можно разложить любую шутку. Выделенные компоненты структуры шутки можно упорядочить в иерархической последовательности по убыванию значимости для вариативности шуток. К этим компонентам относятся оппозиция сценариев (SO), логический механизм (LM), ситуация (SI), цель (TA), стратегия повествования (NS) и язык (LA) (Ruch, Attardo, Raskin, 1993). Гипотетически близкими решению задач являются компоненты логических механизмов и ситуаций. Логические механизмы шутки представляют собой разнообразные логические ошибки, такие как ошибки обобщения, аналогий, прямого наложения, нарушения фигуристо-фонных отношений и т.д. Шутки могут быть построены на ограниченном наборе ситуаций, противоречия в которых могут быть восприняты как комичные: реальное-нереальное, правдивое-неправдивое, хорошее-плохое, мертвое-живое, неприличное-пристойное, бедность-богатство и т.д. В соответствии с моделью Р. Уайера и Дж. Коллинза (Wyer, Collins, 1992) юмор предполагает одновременную активизацию двух схем для понимания одной ситуации. Однако для того, чтобы ситуация воспринималась как комичная или юмористическая, необходимо, чтобы новая схема, вызывающая реинтерпретацию ситуации воспринималась как менее серьезная, менее информативная. Более того, ситуация воспринимается как более юмористическая, если для активизации альтернативной схемы требуется больше усилий и времени, т.е. более семантически

удаленные схемы воспринимаются как более смешные.

Так же, как и юмор, решение инсайтных задач, по всей видимости, связано с *преодолением и нарушением запретов*. Для того чтобы вербальная шутка воспринималась как юмор, требуется соблюдение ряда условий: 1) необходимо, чтобы были актуализированы две противоречивые идеи; 2) актуализация должна осуществляться в условиях игры, безопасности, несерьезности (Apter, 1982); 3) содержание шутки должно быть связано с запретами и ограничениями (угрозами, нормами, табу) (Котов, 2008; Минский, 1988; McGraw, Warren, 2010). Эти необходимые для юмора условия в некотором смысле характерны и для решения инсайтных задач. Гипотетическими механизмами возникновения тупика в решении задач являются: запрет на рассмотрение возможных решений, которые находятся за пределами зоны приемлемых решений, и запрет на использование определенных эвристик для решения задачи (Öllinger, Jones, Knoblich, 2008). Юмор, на самом деле вызывающий смех, близок по содержанию к запретам и табу, соответственно, актуализирует переживания о возможных последствиях. Однако реакция юмора на возможную угрозу появляется в том случае, если эта угроза смягчена и находится на безопасном расстоянии (McGraw, Warren, 2010). Угрозу может вызывать не только содержание шутки, но также и сам факт противоречия фреймов, представляющий собой неразрешимый логический парадокс. Юмор в таком случае является эмоциональной формой отмены мышления,

отказа от логического решения задачи (Минский, 1988).

Краткий анализ структуры и феноменологии юмора позволяет выявить существенное количество пересечений феномена юмора с решением творческих задач. Наблюдаются сходства в структуре вербальной шутки и творческой задачи: в наличии двух противоречивых сценариев; в инсайтном (мгновенном) характере понимания; в сопровождении понимания положительными эмоциями; в связи с запретами и ограничениями. Таким образом, вопрос о фасилитации решения творческих задач с помощью юмора может быть исследо-

ван с различных позиций: с позиции эмоционального возбуждения, с позиции когнитивной настройки решения или с позиции ослабления ограничений. На наш взгляд, традиционное рассмотрение юмористической фасилитации как формы эмоционального воздействия на решение творческих задач не описывает все возможные механизмы этого влияния. Дальнейшие исследования связи юмора и творческих задач должны быть направлены на выявление, в частности, и когнитивных механизмов юмористической фасилитации, что позволит уточнить представления о природе инсайта и творчества.

Литература

- Владимиров, И. Ю., Коровкин, С. Ю. (2014). Рабочая память как система, обслуживающая мыслительный процесс. В кн.: В. Ф. Спиридонов (Ред.), *Когнитивная психология: Феномены и проблемы* (с. 8–21). М.: Ленанд.
- Жинкин, Н. И. (1964). О кодовых переходах во внутренней речи. *Вопросы языкознания*, 6, 26–38.
- Коровкин, С. Ю. (2010). Роль агрессивного юмора в решении задач преобразования. В кн.: *Четвертая международная конференция по когнитивной науке* (т. 2, с. 339–341). Томск: ТГУ.
- Коровкин, С. Ю., Владимиров, И. Ю., Савинова, А. Д. (2012). Задание-зонд как монитор динамики мыслительных процессов. В кн.: В. А. Барабанщиков (Ред.), *Экспериментальный метод в структуре психологического знания* (с. 255–259). М.: Издательство «Институт психологии РАН».
- Котов, А. А. (2008). Функции смеха в диалоге: еще один взгляд на классическую проблему. В кн.: М. Л. Бутовская (Ред.), *Человек в прошлом и настоящем: поведение и морфология* (с. 31–48). М.: ИЭА РАН.
- Люсин, Д. В. (2011). Влияние эмоций на креативность. В кн.: Д. В. Ушаков (Ред.), *Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам* (с. 372–389). М.: Издательство «Институт психологии РАН».
- Мартин, Р. (2009). Психология юмора. СПб.: Питер.
- Минский, М. (1988). Остроумие и логика когнитивного бессознательного. В кн.: В. В. Петров, В. И. Герасимов (Ред.), *Новое в зарубежной лингвистике* (вып. 23, с. 281–309). М.: Прогресс.
- Пономарев, Я. А. (1976). *Психология творчества*. М.: Наука.
- Смаллиан, Р. М. (2008). *Как же называется эта книга?* М.: Издательский Дом Мещерякова.
- Спиридонов, В. Ф., Абисалова, Е. А. (2012). Изменение показателей креативности с помощью семантического прайминга. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(3), 122–130.

- Четвериков, А. А. (2010). Неосознаваемые подсказки при решении задач. В кн.: В. Ф. Спиридонов (Ред.), *Теоретические и прикладные проблемы психологии мышления* (с. 61–68). М.: РГГУ.
- Чистопольская, А. В., Владимиров, И. Ю. (2012). Использование знака как способ преодоления ограничения ресурса рабочей памяти в процессе решения задач. В кн.: *Пятая международная конференция по когнитивной науке* (т. 2, с. 706–707). Калининград: БФУ.
- Arter, M. J. (1982). *The experience of motivation: The theory of psychological reversals*. London: Academic Press.
- Attardo, S., & Raskin, V. (1991). Script theory revis(it)ed: joke similarity and joke representation model. *Humor: International Journal of Humor Research*, 4(3–4), 293–347. doi:10.1515/humr.1991.4.3–4.293.
- Baddeley, A. D. (2001). Is working memory still working? *American Psychologist*, 56(11), 851–864. doi:10.1037/0003-066X.56.11.851
- Belanger, H. G., Kirkpatrick, L. A., & Derks, P. (1998). The effects of humor on verbal and imaginal problem solving. *Humor: International Journal of Humor Research*, 11(1), 21–32. doi:10.1515/humr.1998.11.1.21
- Gick, M. L., & Lockhart, R. S. (1995). Cognitive and affective components of insight. In R. J. Sternberg & J. E. Davidson (Eds.), *The nature of insight* (pp. 197–228). Cambridge, MA: MIT Press.
- Hambrick, D. Z., & Engle, R. W. (2003). The role of working memory in problem solving. In J. E. Davidson & R. J. Sternberg (Eds.), *The psychology of problem solving* (pp. 176–205). Cambridge, MA: Cambridge University Press.
- Isen, A. M., Daubman, K. A., & Nowicki, G. P. (1987). Positive affect facilitates creative problem solving. *Journal of Personality and Social Psychology*, 52(6), 1122–1131.
- Kaufmann, G., & Vosburg, S. K. (1997). “Paradoxical” mood effects on creative problem-solving. *Cognition and Emotion*, 11(2), 151–170. doi:10.1080/026999397379971
- Koestler, A. (1964). *The act of creation*. New York: Macmillan.
- Kozbelt, A., & Nishioka, K. (2010). Humor comprehension, humor production, and insight: An exploratory study. *Humor: International Journal of Humor Research*, 23(3), 375–401. doi:10.1515/humr.2010.017
- McGraw, P., & Warren, C. (2010). Benign violations: Making immoral behavior funny. *Psychological Science*, 21(8), 1141–1149. doi:10.1177/0956797610376073
- Mednick, S. A. (1962). The associative basis of the creative process. *Psychological Review*, 69(3), 220–232. doi:10.1037/h0048850
- O’Quin, K., & Derks, P. (1997). Humor and creativity: A review of the empirical literature. In M. Runco (Ed.), *Creativity research handbook* (Vol. 1, pp. 223–252). Cresskill, NJ: Hampton.
- Öllinger, M., Jones, G., & Knoblich, G. (2008). Investigating the effect of mental set on insight problem solving. *Experimental Psychology*, 55(4), 269–282. doi:10.1027/1618-3169.55.4.269
- Ruch, W., Attardo, S., & Raskin, V. (1993). Toward an empirical verification of the general theory of verbal humor. *Humor: International Journal of Humor Research*, 6(2), 123–136. doi:10.1515/humr.1993.6.2.123
- Seifert, C. M., Meyer, D. E., Davidson, N., Patalano, A. L., & Yaniv, I. (1995). Demystification of cognitive insight: Opportunistic assimilation and the prepared-mind perspective. In R. J. Sternberg & J. E. Davidson (Eds.), *The nature of insight* (pp. 65–124). Cambridge, MA: MIT Press.
- Torrance, E. P. (1966). *Torrance tests of creative thinking*. Lexington: Personnel Press.

- Treadwell, Y. (1970). Humor and creativity. *Psychological Reports*, 26(1), 55–58. doi:10.2466/pr0.1970.26.1.55
- Weisberg, R. W., & Alba, J. W. (1981). An examination of the alleged role of “fixation” in the solution of several “insight” problems. *Journal of Experimental Psychology: General*, 110(2), 169–192. doi:10.1037/0096-3445.110.2.169
- Wyer, R. S., & Collins, J. E. (1992). A theory of humor elicitation. *Psychological Review*, 99(4), 663–688. doi:10.1037/0033-295X.99.4.663
- Ziv, A. (1976). Facilitating effects of humor on creativity. *Journal of Educational Psychology*, 68(3), 318–322. doi:10.1037/0022-0663.68.3.318

Коровкин Сергей Юрьевич – доцент кафедры общей психологии, факультет психологии, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, кандидат психологических наук

Контакты: korovkin_su@list.ru

Facilitation of Creative Problem Solving: Humor

Sergei Yu. Korovkin

Associate professor, Faculty of Psychology, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Ph.D.

E-mail: korovkin_su@list.ru

Address: 9 Matrosova proezd, Yaroslavl, 150057, Russian Federation

Abstract

One of the methods of study of covert mechanisms of the thinking process during the creative problem solving is the indirect evaluation of factors that facilitate or impede the solving. One of the most stable facilitating factors of creative problem solving and creativity is humor. The research also shows the link between productiveness of creative (insight) problem solving and humor. The processes that are at the basis of humor comprehension and production are in many characteristics alike with the processes of creative problem solving. The list of similarities includes not only affective, but also cognitive processes, which in our view are connected to the common nature of humor and insight. This paper describes and analyzes the approaches to study the influence of cognitive and affective processes on creative problem solving. The wide review and the theoretical analysis compare common and diverse mechanisms of humor comprehension and insight problem solving. On the descriptive, phenomenological level humor and insight are connected through the instantaneousness of understanding a problem and a joke. Both phenomena are essentially accompanied by positive emotions. The formal structure of verbal jokes has significant similarity with the structure of verbal insight problems through the availability of two contradictory scenarios. Substantively, humor and creative problem solving are connected with the overcoming and violation of prohibitions. Thus, the question of facilitation of creative problem solving with by humor may be studied from different positions: from the position of

emotional arousal, from the position of cognitive adjustment of solving or from the position of constraint relaxation.

Keywords: thinking, humor, problem solving, insight, creative problem, facilitation.

References

- Apter, M. J. (1982). *The experience of motivation: The theory of psychological reversals*. London: Academic Press.
- Attardo, S., & Raskin, V. (1991). Script theory revis(it)ed: joke similarity and joke representation model. *Humor: International Journal of Humor Research*, 4(3–4), 293–347. doi:10.1515/humr.1991.4.3–4.293.
- Baddeley, A. D. (2001). Is working memory still working? *American Psychologist*, 56(11), 851–864. doi:10.1037/0003-066X.56.11.851
- Belanger, H. G., Kirkpatrick, L. A., & Derks, P. (1998). The effects of humor on verbal and imaginal problem solving. *Humor: International Journal of Humor Research*, 11(1), 21–32. doi:10.1515/humr.1998.11.1.21
- Chetverikov, A. A. (2010). Neosoznavaemye podskazki pri reshenii zadach [Nonconscious hints in problem solving]. In V. F. Spiridonov (Ed.), *Teoreticheskie i prikladnye problemy psikhologii myshleniya* [Theoretical and applied problems of the psychology of thinking] (pp. 61–68). Moscow: Russian State University for the Humanities.
- Chistopol'skaya, A. V., Vladimirov, I. Yu. (2012). Ispol'zovanie znaka kak sposob preodoleniya ogranicheniya resursa rabochei pamyati v protsesse resheniya zadach [Use of sign as a coping style for the limitation of working memory in the process of problem solving]. In *Pyataya mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoi nauke* [The Fifth International Conference on Cognitive Science] (Vol. 2, pp. 706–707). Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University.
- Gick, M. L., & Lockhart, R. S. (1995). Cognitive and affective components of insight. In R. J. Sternberg & J. E. Davidson (Eds.), *The nature of insight* (pp. 197–228). Cambridge, MA: MIT Press.
- Hambrick, D. Z., & Engle, R. W. (2003). The role of working memory in problem solving. In J. E. Davidson & R. J. Sternberg (Eds.), *The psychology of problem solving* (pp. 176–205). Cambridge, MA: Cambridge University Press.
- Isen, A. M., Daubman, K. A., & Nowicki, G. P. (1987). Positive affect facilitates creative problem solving. *Journal of Personality and Social Psychology*, 52(6), 1122–1131.
- Kaufmann, G., & Vosburg, S. K. (1997). “Paradoxical” mood effects on creative problem-solving. *Cognition and Emotion*, 11(2), 151–170. doi:10.1080/026999397379971
- Koestler, A. (1964). *The act of creation*. New York: Macmillan.
- Korovkin, S. Yu. (2010). Rol' agressivnogo yumora v reshenii zadach preobrazovaniya [The role of aggressive humor in transformative problem solving]. In *Chetvertaya mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoi nauke* [The Fourth International Conference on Cognitive Science] (Vol. 2, pp. 339–341). Tomsk: Tomsk State University.
- Korovkin, S. Yu., Vladimirov, I. Yu., & Savinova, A. D. (2012). Zadanie-zond kak monitor dinamiki myslitel'nykh protsessov [Probe-task as a monitor of the dynamics of the thinking processes]. In V. A. Barabanshchikov (Ed.), *Eksperimental'nyi metod v strukture psikhologicheskogo znaniya*

- [Experimental method in the structure of psychological knowledge] (pp. 255–259). Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
- Kotov, A. A. (2008). Funktsii smekha v dialoge: eshche odin vzglyad na klassicheskuyu problemu [The functions of laughter in the dialogue: One more view on the classical problem]. In M. L. Butovskaya (Ed.), *Chelovek v proshlom i nastoyashchem: povedenie i morfologiya* [Man in past and present: Behavior and morphology] (pp. 31–48). Moscow: Institute of Economics of Russian Academy of Sciences.
- Kozbelt, A., & Nishioka, K. (2010). Humor comprehension, humor production, and insight: An exploratory study. *Humor: International Journal of Humor Research*, 23(3), 375–401. doi:10.1515/humr.2010.017
- Lyusin, D. V. (2011). Vliyaniye emotsii na kreativnost' [Influence of emotion on creativity]. In D. V. Ushakov (Ed.), *Tvorchestvo: ot biologicheskikh osnovanii k sotsial'nyim i kul'turnym fenomenam* [Creativity: From biological basis to social and cultural phenomena] (pp. 372–389). Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
- Martin, R. (2009). Psikhologiya yumora [The psychology of humor]. Saint Petersburg: Piter. (Transl. of: Martin, R. A. (2006). *The psychology of humour: An integrative approach*. Burlington, MA: Elsevier Academic Press).
- McGraw, P., & Warren, C. (2010). Benign violations: Making immoral behavior funny. *Psychological Science*, 21(8), 1141–1149. doi:10.1177/0956797610376073
- Mednick, S. A. (1962). The associative basis of the creative process. *Psychological Review*, 69(3), 220–232. doi:10.1037/h0048850
- Minsky, M. (1988). Ostroumie i logika kognitivnogo bessoznatel'nogo [Jokes and the logic of the cognitive unconscious]. In V. V. Petrov & V. I. Gerasimov (Eds.), *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [The new in foreign linguistics] (Iss. 23, pp. 281–309). Moscow: Progress. (Transl. of: Minsky, M. (1984). Jokes and the logic of the cognitive unconscious. In L. M. Vaina & J. Hintikka (Eds.), *Cognitive constraints on communication: Representations and processes* (pp. 175–200). Dordrecht: D. Reidel).
- O'Quin, K., & Derks, P. (1997). Humor and creativity: A review of the empirical literature. In M. Runco (Ed.), *Creativity research handbook* (Vol. 1, pp. 223–252). Cresskill, NJ: Hampton.
- Öllinger, M., Jones, G., & Knoblich, G. (2008). Investigating the effect of mental set on insight problem solving. *Experimental Psychology*, 55(4), 269–282. doi:10.1027/1618-3169.55.4.269
- Ponomarev, Ya. A. (1976). *Psikhologiya tvorchestva* [The psychology of creativity]. Moscow: Nauka.
- Ruch, W., Attardo, S., & Raskin, V. (1993). Toward an empirical verification of the general theory of verbal humor. *Humor: International Journal of Humor Research*, 6(2), 123–136. doi:10.1515/humr.1993.6.2.123
- Seifert, C. M., Meyer, D. E., Davidson, N., Patalano, A. L., & Yaniv, I. (1995). Demystification of cognitive insight: Opportunistic assimilation and the prepared-mind perspective. In R. J. Sternberg & J. E. Davidson (Eds.), *The nature of insight* (pp. 65–124). Cambridge, MA: MIT Press.
- Smullyan, R. M. (2008). *Kak zhe nazyvaetsya eta kniga?* [What is the name of this book?]. Moscow: Izdatel'skii Dom Meshcheryakova. (Transl. of: Smullyan, R. (1978). *What is the name of this book? The riddle of Dracula and other logical puzzles*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, Inc.).
- Spiridonov, V. F., & Abisalova, E. A. (2012). Changes in creativity indices as a result of semantic priming. *Psychology Journal of the Higher School of Economics*, 9(3), 122–130.
- Torrance, E. P. (1966). *Torrance tests of creative thinking*. Lexington: Personnel Press.

- Treadwell, Y. (1970). Humor and creativity. *Psychological Reports*, 26(1), 55–58. doi:10.2466/pr0.1970.26.1.55
- Vladimirov, I. Yu., & Korovkin, S. Yu. (2014). Rabochaya pamyat' kak sistema, obsluzhivayushchaya myslitel'nyi protsess [Working memory as a system, which serves the cognitive process]. In V. F. Spiridonov (Ed.), *Kognitivnaya psikhologiya: Fenomeny i problemy* [Cognitive psychology: Phenomena and problems] (pp. 8–21). Moscow: Lenand.
- Weisberg, R. W., & Alba, J. W. (1981). An examination of the alleged role of “fixation” in the solution of several “insight” problems. *Journal of Experimental Psychology: General*, 110(2), 169–192. doi:10.1037/0096-3445.110.2.169
- Wyer, R. S., & Collins, J. E. (1992). A theory of humor elicitation. *Psychological Review*, 99(4), 663–688. doi:10.1037/0033-295X.99.4.663
- Zhinkin, N. I. (1964). O kodovykh perekhodakh vo vnutrennei rechi [On the coding transitions in the inner speech]. *Voprosy Yazykoznaniiya*, 6, 26–38.
- Ziv, A. (1976). Facilitating effects of humor on creativity. *Journal of Educational Psychology*, 68(3), 318–322. doi:10.1037/0022-0663.68.3.318

Правила подачи статей и подписки можно найти на сайте журнала:

<http://psy-journal.hse.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-59803 от 7 ноября 2014 г. зарегистрировано Федеральной
службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).

Адрес издателя и распространителя
Фактический: 115230 Москва, Варшавское ш., д. 44а, оф. 405а,
Издательский дом НИУ ВШЭ

Почтовый: 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Тел. (499) 611-15-08, E-mail: id.hse@mail.ru

Формат 70x100/16. Тираж 350 экз. Печ. л. 11.5